ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ 40-й

№ 43 (4173) 23 ОКТЯБРЯ 1968 г. СРЕДА • цена 15 коп.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Эта встреча произошла на Невском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина. Секретари правления, члены партийного бюро Ленинградской писательской организации Д. Гранин, В. Кетлинская, В. Орлов, О. Шестинский, Н. Косарева, В. Алексеев, А. Островский и другие приехали сюда, чтобы обсудить с руководителями завода и представителями его общественных организаций пути творческого содружества. Договорились о том, что рабочие будут принимать участие в обсуждении рукописей и новых книг, посвященных ленинской теме. Писатели помогут организовать заводской литературный лекторий, написать историю завода, проведут в цехах литературные вечера, диспуты и т. д.

Такие встречи в Ленинграде сейчас не редки. Деятели литературы и искусства горячо откликнулись на обращение коллективов пяти крупнейших предприятий города, приславших ознаменовать 100-летие со дня рождения В. И. Ленина созданием новых ярких и глубоких произведений о великом вожде, о его соратниках, о нашем современнике.

Во Дворце работников искусств имени К. С. Станиславского состоялся объединенный пленум правлений творческих союзов города. Писатели, художники, кинематографисты, композиторы, архитекторы, работники театра, печати, радио и телевидения вместе с представителями ленинградских заводов обсудили, как достойно встретить ленинский юбилей.

Мы публикуем сегодня с сокращениями выступление на этом пленуме первого секретаря правления Ленинградской писательской организации Д. Гранина.

Пленум принял текст ответного письма пяти заводским коллективам.

В этом письме участники пленума обращаются и ко всем деятелям литературы и искусства нашей страны с призывом отметить ленинский юбилей новыми книгами, спектаклями, картинами, фильмами, музыкальными произведениями, воплощающими силу, величие и бессмертие ленинских идей.

Даниил ГРАНИН

ЛЕНИНИАНА: ЭКЗАМЕН ТВОРЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ

Литература не может не быть чуткой ко всему, что служит нравственному и социальному прогрессу. Вот почему мы придаем такое большое значение самому существу идущей в стране подготовке к великой ленинской дате. Участие в этой работе — прямой долг не только для тех, кто разрабатывает материалы, связанные с жизнью и деятельностью Ленина и его соратников, кто исследует события истории партии и революции, но для всех литераторов, над какой бы темой они ни работали, будь то история, современность, минувшая война, сегодняшняя школа, для всех, кто задумывается о роли писателя в жизни народной.

Недавно, как известно, коллективы пяти крупнейших ленинградских заводов обратились с открытым письмом к деятелям литературы и искусства Ленинграда. Их обращение призывает писателей, художников, композиторов, деятелей театра и кино отметить ленинскую дату новыми талантливыми, высокоидейными произведениями.

Отвечая на это обращение, мы назвали и называем книги ленинградских писателей, посвященные ленинской и историко-революционной теме, уже изданные и находящиеся в работе. Особо хочется отметить коллективные сборники. У издательств существует к ним некоторое предубеждение. Многие писатели, не имеющие больших произведений на эти темы, приобщаются к новому материалу именно через такие сборники. Рассказы о Ленине, написанные В. Пановой, М. Слонимским, Л. Рахмановым, А. Лебеденко и другими, появились на свет благодаря сборнику «Жизнь, не подвластная времени» — сборнику, занявшему прочное место в художественной Лениниане.

Правильно поступает сейчас издательство «Детская литература», готовя к ленинскому юбилею два коллективных сборника. От издательства «Советский писатель» читатели получат том большой серии «Библиотеки поэта», где собрано лучшее, написанное советскими поэтами о Ленине за пятьдесят лет.

Опыт нашей литературы выработал несколько путей подхода к ленинской теме, и сейчас уместно как-то осмыслить их.

Бывает так: берется документ, факт, отрывок из мемуаров и делается рассказ или повесть. Осуществляется, иными словами, беллетризация истории. Полезно это? Часто да: обретается живость, доходчивость. Но есть ли это явление литературно-художественное? Большей частью нет. И по единственной причине: при таком подходе нет открытия, нет новизны.

Наибольшей удачи достигают писатели, которые сочетают свою литературную работу с трудом историка-исследователя. Возьмите последние повести ленинградцев — Л. Раковского о Тухачевском, М. Сонкина «Смольный. Комната 75», книги Н. Кондратьева — они были в какой-то мере открытием новых фактов биографии исторических событий.

Писатель может идти и другим путем. Э. Казакевич в своей «Синей тетради», В. Катаев в повести «Маленькая железная дверь в стене» не открывали новых материалов. Их открытия были открытиями художественного осмысления, проникновения в ленинский характер. Известное переплавлялось художником в образ. История становилась живой плотью развивающихся на наших глазах событий.

Есть и третий путь, где соединяются оба подхода. Это примерно то, что делает М. Шагинян в своих книгах о детстве Ленина, о его родителях.

Это деление, очевидно, условно. Важно одно: момент новизны, момент открытия — нового ли исторического факта, новых ли нравственных и социальных черт, новых ли штрихов ленинского портрета — всегда должен присутствовать в творчестве. И наш читатель жаден до книг, и он может узнать новое о Ленине, о революции. И это понятно, потому что с чтения такой литературы начинается гражданское самосознание. Подлинная новизна способна явиться нам лишь в произведениях высокого идейного и художественного уровня. Известно, что когда речь идет о воплощении ленинского образа на сцене, то с помощью некоторого набора штампов, при умелых гримерах внешнего сходства может добиться почти каждый актер. Но постигнуть глубину характера, создать образ Ленина — политического гения — может далеко не всякий, даже талантливый исполнитель. В этом смысле, на мой взгляд, показательна неудача, постигшая такого высокоодаренного мастера, как И. Смоктуновский.

К сожалению, у нас в литературе считается возможным публиковать произведения, в которых автор добивается самого приблизительного внешнего сходства с вождем. Это внешнее сходство плюс исторически достоверное событие еще не создают условий художественного раскрытия великого образа. Как часто рассказам о Ленине не хватает истинных масштабов истории революции! Как часто рассказы эти мелки и по языку, и по мысли, ограничиваются лишь внешним изложением подлинных фактов! Обыденное, несущественное выдается за якобы новые черты ленинского портрета. Ленин за игрой в шахматы, Ленин на охоте. Ленин на прогулке — набор подобных иллюстративных эпизодов, сколько его ни пополняй, не создает индивидуальности...

В такие дни, как минувшее 50-летие Октябрьской революции, как предстоящая ленинская дата, литература отчитывается не только тем, что именно она отразила, но и самым уровнем своих достижений, которые являются достижениями нашего общества, нашего развития, нашей духовной культуры, озаренной светом ленинских идей. Чрезвычайно опасна тут погоня за количеством. При самом благородном желании «отметить» юбилей высокая требовательность должна преградить дорогу всяким скороспелым поделкам.

Ленинский юбилей для писателей — еще один экзамен партийной, гражданской и творческой зрелости, еще один экзамен в той экзаменационной сессии, которая для настоящего художника длится всю его жизнь.

50 КОМСОМОЛЬСКИХ ЛЕТ

МОЛОДОСТЬ НАША — МАГНИТКА!

Борис РУЧЬЕВ

Для меня комсомол — это прежде всего Магнитка. В ту пору нам, первым комсомольцам — строителям нового комбината, был по душе язык воинов — грамматика фронтовиков. Говоря о своих будничных заботах, мы со строгой гордостью произносили: «бои в забоях», «битва за домну», «фронт работы», хотя время, по всем внешним приметам, было мирное. Многие из нас, по молодости своей, еще не только пороху не нюхали, но и винтовки в руках не держали, и на стройке были рядовыми самых немудреных строительных профессий. Но в общей жизни нашей, в планах и делах нашего Магнитостроя было величие цели и революционная суть времени. Словом, будни строительства по духу и настрою равнялись праздникам.

Американская фирма «Мак-Ки» проектировала наши первые домны, инженеры фирмы (фактически — до февраля 1932 года) считались техническими консультантами строительства. Они, «волхвы и кудесники» тогдашней передовой техники, не верили в силы и способности русских. Но в жизни получилось так, что, вопреки прогнозам и действиям американцев, советские инженеры и мастера по новому, усовершенствованному проекту ввели Магнитку в строй действующих заводов.

Да, были трудности, были неполадки. Но народ наш одержал победу, овладел всеми таинствами уникальных агрегатов, утвердив веру в силу своей воли, а свои способности и овладению высоким мастерством металлургии. И, как оружие, дал эту великую веру и умение нашему поколению подручных горновых и сталеваров Магнитки, всему поколению будущих металлургов.

Никогда не забуду вдохновенного напряжения тех дней.

В ту пору среди нас, молодых строителей, трудно было встретить людей равнодушных к спорам и рассуждениям о технических секретах работы строящихся домен, мартенов, коксовых батарей, объектов всего металлургического цикла. Наперебой, не объявляя никакого соревнования друг другу, мы старались узнать как можно больше всего, что касалось будущей работы наших цехов.

И эта страсть недаром жгла сердца молодых. Не одну сотню тысяч инженеров, мастеров, горновых, сталеваров и прокатчиков вырастила Магнитка. Эта огромная армия квалифицированных металлургов живет и работает, творит отличную сталь в цехах магнитогорского завода, в цехах многих металлургических заводов страны.

Да, наша Магнитка стала столицей черной металлургии.

Она стала прообразом и символом новых металлургических крепостей — Череповецкой, Липецкой, Казахстанской Магниток. Нет ни одного завода современной металлургии, в строительстве, пуске и освоении которого не участвовали бы магнитогорские мастера, мои сверстники и земляки.

«Русским чудом» называют нашу Магнитку журналисты, писатели, кинематографисты мира, ибо в годы Великой Отечественной войны Магнитогорск был подлинно городом-героем советского тыла.

Здесь одевали танки в броню. Многие, многие снаряды, выпущенные по фашистским захватчикам, были отлиты из магнитогорского металла.

Магнитогорск заслонил Россию своей стальной грудью. И в битвах за освобождение Европы от гитлеровских орд заслужил бессмертие и душевную признательность народов.

Все это радует сердца, особенно тех, кто начинал свой путь от первой комсомольской ячейки, от первой магнитогорской палатки. Это наша молодость, наша первая ступень рабочего возмужания — комсомол!

«Для меня комсомол — это прежде всего Магнитка», — говорит ветеран Магнитостроя поэт Борис Ручьев. «Для меня комсомол — это прежде всего Липецкая Магнитка», — так вправе сказать любой парень и девушка из тех тысяч энтузиастов, что строят Ново-Липецкий металлургический завод, работают на его конвертерах, будут катать стальные листы для Волжского автозавода в Тольятти.

Вот так пролегла историческая прямая от первой пятилетки к пятилетке нынешней, от комсомолии тридцатых годов и комсомолии годов шестидесятых.

Ничем не похожа та стройка на строительство гиганта в Ново-Липецке. Ничем не похожи ребята-строители, «вооруженные» лопатами и тачками, на сегодняшних — своих сыновей и внуков. Ничем — кроме одержимости высокой идеей, преданности своей стране, делу коммунизма.

Фоторепортаж специального корреспондента «Литературной газеты» А. УЗЛЯНА

Виктор Сычков и Александр Жилотский — ветераны

Знамя — победителям!

Вечная память героям

Рекомендуем в партию

Студенты вечернего факультета

Осенние мотивы

КОМСОМОЛЬЦЫ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ. РАССКАЗ НА ЭТУ ТЕМУ ЧИТАЙТЕ НА СТР. 7.

В Орле, на родине И. С. Тургенева, началась юбилейная литературная декада, посвященная 150-летию со дня рождения писателя. В ней участвуют литераторы Москвы, Брянска, Калуги, Костромы, Тулы, Орла.

По тургеневским местам: репортаж Тамары ЖИРМУНСКОЙ.

Стр. 3

«ТИХОМУ ДОНУ» — СОРОК

Земляки Михаила Александровича Шолохова тепло отмечают 40-летие со дня выхода в свет первых двух книг романа «Тихий Дон». В клубах и библиотеках открыты выставки книг М. А. Шолохова, проводятся литературные вечера, встречи с донскими писателями, организуются просмотры фильмов, поставленных по шолоховским произведениям.

40-летнему юбилею «Тихого Дона» было посвящено торжественное собрание в Ростовском отделении Союза писателей РСФСР. С докладом выступила кандидат филологических наук Н. Каджуни. Писатели А. Бахарев, М. Никулин, П. Лебеденко, С. Званцев, А. Гарнакерьян, Л. Шемшелевич, Г. Тягленко говорили на собрании о неиссякаемой притягательной силе шолоховского творчества, о его партийности, народности, громадном значении для идеологического воспитания человека.

Собрание направило в станицу Вешенскую М. А. Шолохову приветственное письмо.

В областном музее краеведения в ближайшие дни открывается большая выставка — «Тихий Дон» сражается». На ней представлены первые зарубежные издания романа и другие материалы.

Стр. 2

НА СТРАНИЦАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ЧИТАЙТЕ:

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ; МАЛЕНЬКИЕ РЕЦЕНЗИИ; СТИХИ Расула ГАМЗАТОВА и Виктора БОКОВА; ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ Михаила ЛУКОНИНА.

ОКОЛО ПОЛУМИЛЛИАРДА ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМНОМ ШАРЕ В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ СТЕПЕНИ ВЛАДЕЮТ РУССКИМ ЯЗЫКОМ.

НЕМНОГИМ МЕНЬШЕ ПОЛОВИНЫ ВСЕЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДОКУМЕНТАЦИИ В МИРЕ ИЗДАЕТСЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Стр. 13

«С 1900 ГОДА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ БЫЛО УБИТО ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ БОЛЕЕ 750 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК, В ТО ВРЕМЯ КАК ВО ВСЕХ ВОЙНАХ ЗА ВСЮ СВОЮ ИСТОРИЮ НАША СТРАНА ПОТЕРЯЛА 530 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК!»

Это цитата из книги известного американского социолога и антрополога Эшли Монтэгю «Американский образ жизни». Сегодня «ЛГ» знакомит своих читателей с выдержками из этой книги.

Стр. 14

КЛУБ

СТУЛЬЕВ

ВОКРУГ РОМАНА Евг. САЗОНОВА «БУРНЫЙ ПОТОК»

Стр. 16

Эндель МААЕНЕ

ВЫСОКАЯ ТРАДИЦИЯ

О социальной емкости литературы, глубоких связях ее с временем размышляет эстонский критик

СОВЕТСКАЯ литература, глубокими корнями связанная с передовыми идеалами нашего времени, в своем художественном воссоздании действительности и человека опирается на плодотворные традиции реализма прошлого.

Эстонский классик Эдуард Вильде на заре этого столетия писал одному историку литературы: «Если я как писатель хочу нарисовать образ человека, я должен сознавать, что человек своими корнями крепко связан с социальной почвой. Из этой почвы он, при всем его индивидуальном своеобразии, черпает свои духовные соки. Поэтому я не понимаю тех (да и не верю им), кто пытается изображать человека в отрыве от его почвы...»

Классическая литература разных народов всегда служила социальному прогрессу, поискам передовых идеалов времени и никогда не была литературой бездумной, беспечной, сеющей иллюзии. Общественное звучание, социальная наполненность творчества Эдуарда Вильде, Антона Таммсааре, Юхана Лийва делают их близкими и сегодняшнему читателю. Произведения этих художников — правдивый источник познания, зеркало народной борьбы за справедливое общество.

Писатель - гражданин сердцем своим обращен к народу, к трудовому человеку. «Писатель-художник должен чувствовать себя простым смертным, работником слова, зовущим к действию, — утверждал Юхан Сютисте еще в 30-е годы, когда в Эстонии господствовала буржуазия. — Пусть каждодневные радости и заботы народа станут его собственными, пусть он в своей работе всегда видит их перед собой, вместе с жизнью и миром... Пусть источником силы, объединяющей идеей нашего творчества всегда будут стремление к лучшему будущему, человечность, интернациональное братство труда».

Эти благородные традиции служения народу, высокого гуманизма и интернационализма, завещанные виднейшими мастерами прошлого, находят дальнейшее развитие в нашей многонациональной литературе. При всем многообразии тем и проблем, поднятых в произведениях эстонских писателей самых разных поколений, несхожести их почерков и стилевых манер налицо неизменный общий интерес к общественному бытию человека.

Развитие человечества идет от прошлого к будущему. Чтобы отчетливо осознать промежуточный этап — наше настоящее, — необходимо различать, что́ в сегодняшнем дне осталось дурного от прошлого и еще держит нас на месте, а что создает основу для движения вперед. Эстонская советская литература последних лет дала широкие полотна — художественные панорамы исторического развития, показала диалектику народного движения к Революции, вызревание революционного сознания. Так раскрывается живая связь времен. Тема неисчерпаемая, и к ней еще много раз будут обращаться наши писатели.

Совсем недавно завершил свою тетралогию «Берег ветров» Ааду Хинт. Это эпопея революционной борьбы на эстонском побережье вплоть до восстановления Советской власти в 1940 году. Поморяне и революция 1905 года. Деревня острова Сааремаа и первая мировая война. Октябрьская революция. Социальные противоречия эстонского буржуазного общества. Канун июньских событий 1940 года. Исторически важные вехи отмечают путь, по которому герои «Берега ветров» приходят к осознанию своей роли революционных преобразователей общества.

Масштабы изображенных событий и обширная галерея персонажей делают тетралогию А. Хинта крупнейшим достижением советской многонациональной литературы последних лет. Замечательна сила воздействия романа, которая определяется сочетанием зоркого социального анализа и психологической глубины раскрытия человеческих судеб. В произведениях Ааду Хинта и Рудольфа Сирге (не могу не вспомнить его роман «Земля и народ») получают начало монументальные характеры послевоенной литературы Советской Эстонии.

Романы Пауля Куусберга «В разгаре лета», «Два «я» Энна Кальма», «Происшествие с Андресом Лапетеусом» также обращены к вечным проблемам искусства. Это история и человек, история и народ. В произведениях Куусберга время рванулось вперед — к нашим дням. Автор предстает в своих книгах вдумчивым исследователем жизни со всеми ее сложными противоречиями, и это с полным основанием отмечалось критикой. Но нельзя создать реалистические картины общественного развития, не раскрывая внутренний мир человека, его судьбу. И в этом вновь и вновь проявляется жизненность высокой традиции нашей литературы — показать, как «человек своими корнями связан с социальной почвой». Произведения Ааду Хинта и Пауля Куусберга отличает современная концепция личности. В их изображении человек — вершитель истории, созидатель и творец, гражданически ответственная личность.

Публицистичность нашей литературы, острота ее проблематики основываются на глубоком осмыслении действительности. Очень разные по художественному строю книги Эрни Крустена, Юхана Смуула, Рудольфа Сирге, Лилли Промет, Владимира Беекмана, Виллема Гросса и сравнительно недавно вступивших в литературу Энна Ветемаа, Арво Валтона, Мати Унта, Эме Беекман объединены трезвым реалистическим анализом, возросшей требовательностью к человеку и его нравственной позиции.

В «Ледовой книге» Юхан Смуул писал: «Самая плохая литература — это литература плаксивая и соболезнующая». Примечательно, что в последнее время в эстонской прозе возрос «удельный вес» юмора — выражения силы и здоровья человека, неизбывной крепости его духовного мира. Плаксивое соболезнование унижает человека и вряд ли уж поможет ему обрести уверенность и твердость перед лицом жизненных испытаний. «Дикий капитан» Кихну Пинна Смуула утверждает, что «человек должен быть больше своей судьбы». Поморянам острова Муху из смууловских «Монологов» жилось нелегко, но тем выше ценили они радость и смех, которые даровала им жизнь и которые так пленяют нас на каждой странице книги. Этот оптимизм, здоровую радость трудового человека они, говоря словами Михкеля, одного из рассказчиков в «Монологах», берегли, как золотоволосую девчонку, и так прижимали к своим курткам, что она прямо-таки пищала, но убежать не могла. Это смех добрый и веселый, поддерживающий и возвышающий людей. Но у Юхана Смуула есть и другого рода смех — такой, как во «Вдове полковника», — обличающий человека ничтожного, напыщенного, этакого собирателя «сливок» с чужого молока. Сатирический смех атакует приспособленчество, все мелочное, что делает человека отнюдь не «больше своей судьбы».

Когда я говорил о публицистической направленности литературы, то имел в виду не прямолинейную декларативность, ведущую к снижению художественного качества. Если писатель обращается к коренным вопросам народного бытия, исследует многогранные аспекты действительности, то он не может быть холодным регистратором. Художник — всегда публицист, ибо утверждает определенные нравственно - этические принципы, всегда психолог, ибо исследует душу человека, всегда философ, ибо осмысливает движение общества и место человека в этом движении.

В ЭСТОНСКОЙ литературе появилось молодое пополнение. Оно вошло в художественную жизнь активно, бурно. И если говорить о наиболее зрелых вещах, то в них прослеживается та же преемственная связь с традициями классической литературы, верность принципам социалистического реализма в воспроизведении мира и человека. Молодые писатели чаще всего обращаются к образам своих сверстников, выросших в послевоенные годы, показывают формирование их убеждений, их участие в строительстве нового мира.

В повести «В стороне» Мате Траат, раскрывая миропонимание своего героя, ставит перед личностью максимальные требования, иначе «нет смысла быть человеком». Автор бичует равнодушие, безучастность, притупление социальной совести. В этом смысле интересна и повесть Энна Ветемаа «Усталость». Бескомпромисна и подлинно гуманна авторская позиция в исследовании вины человека, отвернувшегося от людей. Во имя настоящего и будущего писатель осуждает бесчестный поступок героя, прослеживает его нравственное оскудение. Повесть открыто ставит вопрос об ответственности человека перед обществом.

Молодой прозаик Мати Унт известен не только в Эстонии, его произведения «Прощай, рыжий кот», «О возможности жизни в космосе» переведены на русский язык и стали достоянием всесоюзного читателя. Автор психологически тонко, скрупулезно анализирует процесс социального и нравственного возмужания героя, показывает, чем обусловлено повышенное чувство ответственности нашего молодого современника за тот мир, в котором он живет.

В прошлом году Мати Унт в статье «Тревожный или спокойный мир?» писал: «Всякая беспечность вредна... Искусство и впредь должно разрушать мелкобуржуазное мировосприятие, будить беспокойство».

Традиции гражданственности и гуманизма сопутствуют нашим художникам, объединяют их усилия для создания искусства, возвышающего человека. Последнее десятилетие принесло эстонской советской литературе немало интересных произведений, самобытных творческих индивидуальностей. И мы с гордостью можем сказать, что наш писательский отряд «крепко связан своими корнями с социальной почвой». «Источником силы, объединяющей идеей его творчества» стало «стремление к лучшему будущему, человечность, интернациональное братство труда».

ТАЛЛИН

ПО СЛЕДАМ КНИГ И ГЕРОЕВ

«МЕЛЕХОВСКИЙ ДВОР — НА САМОМ КРАЮ ХУТОРА...»

М. Шолохов за чтением отрывка из своего романа «Тихий Дон» в рабочем клубе завода «Красный богатырь», 1929 г.

Екатерина ЛОПАТИНА,

специальный корреспондент «Литературной газеты»

МНОГО воды унес красавец Дон с тех пор, как со своего двора и со страниц шолоховского романа выехал на гарцующем скакуне в широкий мир молодой смуглолицый казак с горячими и дикими глазами. Много радостных и горьких событий произошло с тех пор на донских берегах, но и по сей день в придонских хуторах и станицах можно встретить людей, искренне убежденных в том, что именно с них или с их близких писал Михаил Александрович героев своей бессмертной эпопеи.

Вот и жители совхоза Калининского уверенно говорят:

— Это и есть дом Мелеховых. Он в ту пору был самым крайним в хуторе...

Нетерпеливо вглядываюсь в саманный курень под неопрятно взлохмаченной камышовой крышей. Ни голубых веселых ставень, ни вишни в палисаднике, ни амбара во дворе с беспечными жестяными петухами на крыше. Плетень похилился, калитка обвисла. На скотиньем базу и следа копытца не видно... Нет, этот запущенный дом, этот заброшенный двор ничего не говорят сердцу, не встрепенули его радостью встречи.

И вдруг за калиткой — вот оно, вот! — неоглядный простор открывается с крутояра. Тропинка, выбитая тысячами ног и подков, почти отвесна, сбегает вниз, к берегу. За зеленой каймой топольков, выросших на залившейся россыпи ракушек, батюшка-Дон в широком и вольном разливе; он сегодня по-стариковски хмур от набежавших туч, зябко ежится под ветром. На другом, на низком берегу — пламенеющий в осеннем пожаре дубняк, а за ним — акварельно размытые пойменные луга, стога, перелески. А направо, на юг, — белеющая меловой плешью гора. А за красноталом гуменных плетней — дорога, уводящая в степь...

Сердце дрогнуло, «узнав», чудо свершилось: ты уже зачарован, ты весь — в далеком далеке. Кажется, вот-вот поднимется по тропке, покачивая коромыслом, Аксинья и гордо пронесет мимо свой полнеющий стан, свою порочную и манящую красоту и ненароком обдаст тебя взглядом черных глаз, вспыхивающих балованным, отчаянным огоньком. А следом, горяча коня, тесня Аксинью к яру, прогарцует Григорий — ослепительно улыбающийся, полный молодой силы и дерзких надежд, уверенный в себе и своем будущем.

Или, быть может, выйдет из куреня величавая и скорбная, мужественная и мудрая Ильинична и, приглашая в хату, махнет тяжелой, загрубелой от работы рукой.

Но нет, заперт осиротевший дом и безлюдна тропа на крутогоре. Должно быть, скоро зарастет эта тропа, ибо в хуторе проведен водопровод и казачкам уж не нужно спускаться с ведрами к Дону. Никто не скачет на звездолобом скакуне по узким, кривым проулкам — казаки переселя на других, железных коней. Вот как раз один из них, худой и горбоносый, прокатил на мотоцикле, оставляя за собой пулеметный треск мотора и буйные ритмы перекинутого через плечо транзистора. Другой, черноусый здоровяк, сторожко провел меж плетней грузовик со строительными материалами, — значит, скоро на месте какого-то подслеповатого куреня поднимется еще один светлооконный дом под железной или шиферной крышей, с верандой, каких прежде не видывали на Дону и какие нынче стали входить в моду.

Хутор Калининский растет, как и все остальные советские хутора и станицы, деревни и села. Далеко за «мелеховский курень» продвинулись по берегу дома новоселов. Интересно, кто теперь живет на самом краю хутора? Оказывается, рабочий совхоза, по профессии электрик.

Большой двор, огород, полого сбегающий к Дону. Двухкомнатный домик с кухней и собственной баньки: в совхозную-то зимой ходить далеко, не ровен час простудишься. Рядом подготовлен фундамент другого дома, четырехкомнатного, не только с верандой, но и с мезонином: «Хоть и невелика семья, всего двое взрослых да двое маленьких, а жить хочется просторней, удобней, краше».

Кстати, помните ли вы, как описывает Шолохов быт хуторян? «Жили, закрывшись от всего синего мира наружными и внутренними, на болтах, ставнями. С вечера... зачековывали болты, спускали с привязи цепных собак, и по немому хутору тарахтела лишь деревянным языком колотушка ночного сторожа».

Немногочисленная хуторская интеллигенция — студент, снедаемый туберкулезом учитель, неряшливая учительница да чудковатый, заплесневелый почтмейстер — влачила пустое, бессмысленное существование.

А по казачьим куреням, за глухими плетнями, за двойными ставнями «коловертью кружилась своя, обособленная от остальных, горько-сладкая жизнь». Жизнь, полная дикости, жестокости, суеверий.

Что там греха таить, мы — все мы, в том числе и писатели, журналисты, — подчас не замечаем добрых перемен, не очень умеем их ценить, сравниваем увиденное с желаемым, а не с бывшим.

И вот сегодня, перечитав (в который раз!) роман, вжившись в мир шолоховских героев и глядя на все как бы их глазами, я отправилась по Верхнему Дону, от Татарского по десяткам других станиц и хуторов, упоминаемых автором. И, признаюсь, изумилась (именно изумилась, это не преувеличение!) тому, что увидела и услышала.

НЕ ЖАЛКИЕ одиночки — большие коллективы, целые отряды интеллигентов живут теперь на селе. В Вешенском районе почти четыреста специалистов с высшим и средним образованием, не считая доярок, трактористов, комбайнеров с аттестатами зрелости. В Верхне-Донском районе в сфере управления, культуры, обслуживания занято около десяти процентов населения.

Ну, а что он собой представляет, нынешний сельский интеллигент?

В массе своей это активный, деятельный, творческий человек. Он не только врач, агроном, инженер, зоотехник, но и лектор, пропагандист, организатор спортивной работы, художественной самодеятельности.

В хуторе Калининском, например, бывший директор школы пишет пьесы для драмкружка, в станице Казанской есть свой автор песен для школьного хора. Станичная учительница создает фонотеку русской и мировой классики и проводит концерты-лекции для учащихся и их родителей. Другая коллекционирует репродукции картин и с упоением рассказывает казакам и казачкам о прекрасном. Хуторская библиотекарша вводит в практику горьковские, шолоховские чтения на бригадных полевых станах и животноводческих фермах. Заведующий хуторским клубом организует казачий хор, и этот хор с блеском «играет» старинные песни не только у себя в районе, но и в Ростове, и в Москве.

Большой мир, дела и заботы планеты Земли неизмеримо приблизились к хуторам и станицам Верхнего Обдонья, стали и их заботами. Особенно с тех пор, как здесь появились телевизоры. Знаменательно, что одна из телевизионных вышек стоит на высоком бугре у хутора Татарского... то бишь Калининского. И, торопясь с постройкой этой вышки, окрестное население отработало немало часов на подсобных работах...

МОЖЕТ, именно потому, что интереснее, веселее стал досуг селянина, — в последнее время несколько приостановился процесс миграции. Молодежь, конечно, и теперь уходит в города, но гораздо меньше и главным образом на учебу. В то же время целыми классами остаются в хозяйствах. И все больше, все заметнее возвращаются назад — и те, кто получил дипломы, и те, кто в поисках романтики побродил по белу свету пяток-десяток лет.

Возвращаются — и не узнают родных станиц и хуторов! Похорошели все — в большей или меньшей степени, — но больше всех преобразилась Вешенская. Как о ней сказано в «Тихом Доне»? Невеселая, плешивая, без садов, вся в засыпи желтопесков. А на север за станицей — шафранный разлив песков, чахлые посадки сосняка.

Так вот — сегодня нет разлива песков на подступах к Вешенской. Бывшие чахлые посадки превратились в прекрасный сосновый бор — здесь уже поселились не только мелкий зверь и птица, забредают даже косули и лоси. А за старыми посадками на десяти тысячах гектаров молодая колючая поросль: и «подростки» четырнадцатишестнадцати лет, и «ясельники» в карандаш ростом. Зеленый заслон будет расти с каждым годом.

Вешенская разрослась, обстроилась, в значительной части залита асфальтом, утопает в садах, в декоративных кустарниках и деревьях, благоухает цветами. Новую жизнь безводной прежде станице дал родник «Отрог», испокон веков бывший на окраине Вёшек. Пробудив землю, геологи увидели, что бьет родник из огромного подземного моря и хватит его на много поколений вешенцев. Строители установили движок, провели трубы, и теперь родниковая вода в избытке обеспечивает станицу; вешенцы считают, что лучше этой воды нет нигде в мире. А на другой окраине Вёшек обнаружены минеральные воды большой целительной силы, через два-три года там вырастет санаторий «Тихий Дон».

«Построено». «Строится». «Скоро начнет строиться». Эти слова чаще всего можно слышать сейчас в верхнедонских станицах и хуторах. В том хуторе только в позапрошлом году построили ясли и детский сад, а их уже не хватает, надо на другом конце ставить новые. В этой станице лишь пять лет назад радовались клубу — а он уже не удовлетворяет запросов, люди поговаривают о Дворце культуры, о широкоэкранном кинотеатре.

Хотя и к праздничной дате пишутся эти строки — к 40-летию выхода в свет «Тихого Дона», — но не хочу, чтобы походили они на святочный рассказ, на сладенькую пасхальную олеографию. Многое еще на Верхнем Дону недоделано, многое вызывает справедливые нарекания. (Впрочем, и они — показатель нашего роста, роста потребностей, духовных запросов народа.)

Еще не в каждом хуторе есть хороший клуб и не в каждом клубе есть умелые, инициативные заведующие, способные содержательно, ярко организовать досуг населения. Не в каждом хуторе и даже не в каждой станице можно пошить элегантную одежду, сделать красивую прическу; не хватает специалистов по электробытовым приборам. Трудно пока приобрести на месте хорошую мебель, велика очередь на мотоциклы и автомашины.

И бездорожье мучает: некоторые станицы и многие хутора практически по пять-шесть месяцев отрезаны даже от районных центров.

Вот почему здесь так бурно радуются каждому километру «Іноссейки», с такой детской гордостью показывают приезжему человеку каждый новый мосток через балку. И так настойчиво, может быть, надоедая начальству, ставят вопрос о более надежных переправах через своенравный Дон, о пристанях на Дону, о более активной переброске по воде все возрастающего потока грузов.

За время своего путешествия по Верхнему Дону я познакомилась и — смею считать — подружилась с многими председателями колхозов, директорами совхозов, «районщиками». Какой же это чудесный, неуемный, фанатично влюбленный в свой край народ! И к тому же образованный, досконально знающий дело, умеющий считать народную копейку. Без сомнения, это достойные преемники шолоховских героев — Штокмана, Бунчука, Котлярова, Кошевого, Гаранжи, которые в предреволюционные годы политически просвещали казачество, а затем вели его в бой за новую, светлую жизнь.

Один из реальных героев «Тихого Дона» М. Кривошлыков писал своим родным незадолго перед казнью: «Верю, что... наши страдания искупятся кровью». А солдат революции Бунчук страстно мечтал: «Когда-нибудь по этой земле будут ходить счастливые люди».

Он не ошибся. Счастливые люди ныне живут на донской земле.

И как высоко поднялись, как далеко от родных куреней шагнули многие донские «мишатки»! Среди выходцев из Вешенского района — ректор Ленинградского финансово-экономического института и декан Московского института международных отношений, профессор Института физиологии растений Академии наук и старший научный сотрудник Никитского ботанического сада, генерал-майор и полковник, Герой Советского Союза, проректор Ростовского пединститута и председатель облисполкома на Сахалине. А Михаил Александрович Шолохов завоевал уважение и признание на всех континентах земли.

Даже те, кто не разделяет нашей идеологии, не могут отрицать его выдающегося таланта, воздействия его произведений на сердца и умы людей.

В СТАНИЦЕ Базковской мне довелось встретиться с человеком, который участвовал в белом движении, с добровольческой армией докатился до Крыма, но, в отличие от Григория Мелехова, не отпрянул от края пропасти, ступил на трап военного эвакотранспорта и на долгие годы оказался вдали от родины.

Он рассказал мне, с каким волнением и какой жадностью вчитывались изгнанники в каждую строку «Тихого Дона», сколь многим из них этот роман открыл глаза, помог, пусть с опозданием, избрать правильный путь.

Здесь же, на Верхнем Обдонье, произведения М. Шолохова знают все — от стара до мала. И каждый не преминет рассказать о его внимании к землякам.

Писателю каждый день и каждый час дорог. Еще не завершена эпопея о Великой Отечественной войне. А в придонских хуторах и станицах ждут: кто же поведает миру о замечательных свершениях на тихом Дону в послевоенные годы? Кто, как не Шолохов?

Сарвар АЗИМОВ,

председатель оргкомитета Первого международного кинофестиваля стран Азии и Африки

МИР, ПРОГРЕСС, СВОБОДА

НЕОБЫЧАЙНО богата и разнообразна культурная жизнь Узбекистана в этом году: только что ташкентцы тепло проводили дорогих гостей — писателей пяти континентов, торжественно и по-деловому отметивших десятилетие первой Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки.

А 21 октября в Ташкенте открылся Первый международный кинофестиваль стран Азии и Африки — событие огромного значения.

В приветствии участникам и гостям фестиваля, направленном Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, говорится, что проведение фестиваля в столице Советского Узбекистана знаменует новый этап в развитии наиболее массового вида искусства — кино, в укреплении дружбы народов Азии и Африки.

Радостно сознавать, какие богатые всходы дают ленинские идеи интернационализма, идеи братства и дружбы народов, воплощенные в жизнь партией коммунистов, радостно видеть воочию, как эти идеи находят поддержку у миллионов людей.

Девизом открывшегося фестиваля стали слова: «За мир, социальный прогресс и свободу народов!». Эти слова наиболее полно отражают думы и чаяния всех народов, и прежде всего народов Африки и Азии, ведущих борьбу за национальную независимость, против темных сил империализма, против попыток неоколонизаторов вернуть свои утраченные позиции в молодых и развивающихся государствах.

В штаб фестиваля в Ташкенте нескончаемым потоком шли и продолжают идти письма и телеграммы, в которых приветствуется идея проведения фестиваля, сообщается о желании участвовать в нем. Нашу страну представляют многонациональная делегация и фильмы девяти братских республик. Мы рады новой встрече с кинематографией героического Вьетнама. Согласие на участие в фестивале подтвердили более сорока государств Азии и Африки.

Большой интерес к фестивалю проявляют многие видные кинодеятели Европы и Америки. Характерно письмо одного из крупнейших французских режиссеров документального кино Жена Руша: «Международный комитат этнографического и социологического кино, генеральным секретарем которого я являюсь, весьма интересуется фильмами, которые будут представлены на вашем фестивале, и мы считаем, что присутствие на фестивале нашего представителя для нас необходимо...»

Предварительные просмотры показали, что программа кинофестиваля будет разнообразной и весьма насыщенной. Представительные делегации приезжают на крупнейших кинематографических держав — Индии и Японии. Кинематографию ОАР представляют фильмы «Почтмейстер», «Каир в 30-х годах», «Мальчики и девочки», «Бунтарь», «Девичий монастырь», «Честь моей жены», «Саботажники», «Хан-эль-Халили», а из документальных — «Искусство феллахов». Кроме того, актриса Магда Камель сообщила о том, что она намерена приехать на фестиваль с картиной «Человек, которого я люблю», где она выступает как автор сценария и режиссер.

Большой интерес вызывают фильмы Алжира — «Дорога», «Ветер с Ореса», «Ночной сторож»; Камбоджи — «Тень над Ангкором», «Маленький принц»; Монгольской Народной Республики — «Наводнение», Сирии — «Водитель грузовика» и др.

Новыми произведениями будет представлено киноискусство советских республик Закавказье, Средней Азии и Казахстана, заслужившее за 50 лет Советской власти мировое признание.

...Итак, в замечательном здании Дворца искусств торжественно поднят флаг с уже знакомой эмблемой кинофестиваля. Одновременно с ташкентцами фильмы фестиваля увидят и жители Янгиюля и Чирчика, Самарканда и Бухары, Нукуса и Навои. Во Дворце искусств и кинотеатрах Ташкента пройдут встречи мастеров кино, делегатов и гостей со зрителями. Будет организована вольная трибуна за «круглым столом», где участники дискуссии смогут обменяться мнениями о формах, о путях развития киноискусства.

На Международном кинофестивале в Ташкенте не будет конкурса фильмов и привычного распределения призов. Не призы привлекли сюда кинематографистов. Их объединяют благородные цели и задачи, выраженные в девизе. Фестиваль теперь станет традиционным и будет способствовать развитию сотрудничества кинематографистов разных стран, послужит великой цели — укреплению мира и дружбы между народами.

В эти дни всесоюзное объединение «Совэкспортфильм» организует в Ташкенте кинорынок для широкого обмена произведениями не только стран Азии и Африки, но и Европы и Америки. С 1 по 10 ноября состоится международный симпозиум кинокритиков.

Ташкент гостеприимно принимает гостей — участников форума дружбы и солидарности кинематографистов разных стран.

● СМ. СТР. 8

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СТРАНЫ

РЕПОРТАЖ, ХРОНИКА, ИНТЕРВЬЮ

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — ВОПРОСЫ КРИТИКИ

ВЕСТИ ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

На заседаниях президиума и секретариата правления Союза писателей Украины обсуждался вопрос о подготовке и проведении пленума союза. Тема его — «Критика и современный литературный процесс». Основной докладчик — Л. Новиченко.

Серьезный разговор о состоянии литературной критики на Украине назрел давно. К тому же предполагается, что в центре внимания пленума будет не только критика, но и весь сегодняшний литературный процесс — в их неразрывной связи, во взаимодействии — именно так и сформулировано направление работы предстоящего пленума. Решено провести его в конце нынешнего года. Времени осталось довольно мало. И под привычной формулой — «подготовка к писательскому пленуму» — в данном случае подразумевается прежде всего общее оживление всей литературной критики, активность самих критиков, наконец активность критических отделов литературной периодики. Особенно важную роль в период подготовки к пленуму должна сыграть газета «Літературна Україна». Об этом, заслушав информацию главного редактора газеты И. Зуба о ближайших планах редакции, говорили на заседании секретариата правления Союза писателей Украины П. Загребельный, М. Зарудный, В. Козаченко, В. Коротич, Д. Павлычко, П. Панч.

Сегодня можно сказать, что «Літературна Україна» уже сделала первый шаг навстречу пленуму. Я имею в виду опубликованную здесь 18 октября большую статью Л. Новиченко «Критика: проблемы и заботы». Написанная полемически остро, эта многоплановая статья безусловно может служить началом дискуссии по самым актуальным проблемам современной украинской литературной критики.

КИЕВ. (Наш корр.)

Украинские и киргизские писатели во время недавно проходившей Декады украинской литературы в Киргизии. На снимке (слева направо): Петро Ребро, Чингиз Айтматов, Микола Зарудный, Токтоболот Абдумомунов и Петро Сиунц.

МОСКВА, ГЕРЦЕНА, 53

ВСТРЕЧА С СОЛДАТАМИ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

На днях в Центральном Доме литераторов московские писатели принимали дорогих гостей — солдат и офицеров Советской Армии, прибывших в столицу в служебную командировку из Чехословакии. Группу советских воинов возглавлял старший лейтенант В. А. Вихерев. В зале собралось около двухсот московских писателей, от имени которых парторг МГК КПСС в Московской писательской организации А. Васильев горячо приветствовал гостей.

Посланцы Советской Армии рассказали о растущих связях и дружбе наших солдат с местным населением. Советские воины помогают чехословацким друзьям в самых разнообразных областях жизни.

— Советские воины на чешской земле, — говорили выступившие на вечере старший лейтенант Вихерев и старший сержант Бочаров, — это агитаторы и пропагандисты, которые видят свой высокий долг в том, чтобы донести до местного населения благородный смысл помощи, оказанной союзными странами. Нас часто спрашивают: каково наше отношение к чехам в словакам? В таких случаях мы без колебаний отвечаем, что советские люди всегда относились и относятся с глубоким уважением и симпатией к братскому народу Чехословакии и в любое время готовы ему оказать свою помощь и поддержку.

Выступившие на вечере воины говорили о той обстановке дружбы, которая связывает войска союзных стран. И почти каждый из выступавших подчеркивал, что среди трудящихся ЧССР растет понимание всей важности действий Советского Союза и других союзных социалистических государств для защиты социализма в Чехословакии.

■

КОМСОМОЛЬЦАМ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

В ЦДЛ начался цикл литературных вечеров навстречу 50-летию ВЛКСМ. Первый вечер, который организовали Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы и Дом литераторов, был посвящен писателям — комсомольцам двадцатых годов: Н. Островскому, Б. Горбатову, А. Гайдару, И. Уткину, М. Светлову. Были показаны документальные кинокадры, запечатлевшие эпизоды из жизни комсомольцев тех героических лет. Своими воспоминаниями о писателях — комсомольцах двадцатых годов поделились Раиса Островская, А. Исбах, В. Полторацкий, И. Френкель и Я. Хелемский.

■

«ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ...»

Так называлась тема первого занятия, которым начал новый учебный год народный университет литературы при Центральном Доме литераторов.

500 москвичей пройдут в народном университете двухгодичный курс по таким важным проблемам, как писатель и общество, народность искусства, молодой герой современной литературы и др.

Тамаре ЖИРМУНСКАЯ

...РОДИНЕ ПОКЛОНИТЕСЬ!

ПО ТУРГЕНЕВСКИМ МЕСТАМ

СПАССКОЕ-Лутовиново — это прежде всего парк. Парк, презревший все кастовые условности, почти дремучий лес. Может быть, таким он кажется после открытых едва не до горизонта светлых полей Орловщины. Не хочу похваляться чрезвычайной литературной памятью, но само расположение, сама индивидуальность парка были мне знакомы. Знаком этот стоящий особняком дуб, эти скрещенные липовые аллеи, эти косо растущие над прудом ракиты.

Очередная группа экскурсантов выражала свое восхищение тургеневским парком в тех условно-поэтических словах, которые уже не излучают былого жара. «Сомкнувшиеся кроны», «ствол в три обхвата», «солнечные пятна на траве» — все это годится в разговоре, но блекнет на бумаге. Могла ли я думать, что меня обдаст теплом поэзии общение с представителем сугубо прикладной специальности, старшим инженером «Леспроекта» Валентиной Александровной Агальцовой?..

Агальцова знает спасский парк уникально. Восстань из гроба мать Тургенева, вездесущая Варвара Петровна, или безымянный австрийский садовник, когда-то разбивший центральные аллеи в виде римской цифры XIX (взятка наступившему веку), — еще они могли бы соперничать с молодым инженером. И то вряд ли. За полтораста лет столько деревьев умерло естественной смертью, столько появилось новых, столько ран нанесено старостью, войной, небрежением... Очевидно, парк стал неузнаваемым. По проекту Агальцовой его будут реставрировать, то есть восстанавливать в том виде, в каком он был при жизни писателя.

Я не случайно раскрываю этот, казалось бы, общедоступный термин. Реставрация, понятая ложно, малограмотно, хуже, чем полное попустительство. Татарские набеги мнимых реставраторов испытало на себе и Спасское — к счастью, в неопасном объеме. Валентине Александровне приходится иметь дело с обоими уронами. Уроном, учиненным природой и невежественным нетерпением людей.

Я не слышала, как стонут и как падают умирающие деревья в тургеневском саду, но доверяю спасско-лутовиновским старожилам, которые слышали это. Действительно, стонут, действительно, падают, выламываясь вместе с корнями, особенно в ненастные, ветреные дни. Стихийная подсадка молодняка ни к чему не приводит: деревья-ветераны топят в своей тени незаконное поколение, не дают ему ходу.

Валентина Александровна завела паспорта на все лутовиновские деревья старше 80 лет. Возраст... Проекция кроны... Расстояние от земли первой живой ветки... Эстетическая оценка... Жизнеустойчивость... И поименованы они по имени-отчеству: клен остролистный, береза бородавчатая, вяз шершавый, ива ломкая, тополь белый... Прав был Паустовский, когда говорил: «В любой области человеческого знания заключается бездна поэзии. Многим поэтам давно бы надо это понять».

Заводить «бессрочные» паспорта для лесного инженера — дело привычное. Но тут пришлось ощупать с ног до головы 2 299 деревьев! Лесопатолог Зинаида Николаевна Литвинова помогла решить, какие стариканы излечимы, а какие нет. Вся же нравственная сторона легла на плечи проектировщицы.

Что необходимо сохранить для современников? С чем не грех расстаться? Как возместить прекрасному парку этот неизбежный ущерб? Проект предполагает комплексные работы: на опустевших местах будут сразу же поднимать то, что росло при Тургеневе. Но что там росло?

Местные экскурсоводы шутят, что Валентина Александровна у них хлеб отбивает. В самом деле, Агальцова прочитала массу писем и воспоминаний о писателе, чтобы из мимоходных слов не тем озабоченных авторов понять, каков был когда-то парк. Лучший же, непревзойденный советчик — сам Иван Сергеевич. Не надо быть кропотливым исследователем, чтобы в «прадедовском черноземном саде», увиденном из окна Неждановым, узнать совершенный слепок с лутовиновского парка. Только цветник с «группами акаций и сиреней» отодвинулся в область преданий. Но и его собираются возродить. Именно акацию, именно сирень — ведь они и в «Фаусте» упомянуты. А Тургенев не делал тайны, что «там все списано с действительности».

В том же «Фаусте» фигурирует дуб — любимое детище рассказчика. А вот и прообраз этого условно неодушевленного персонажа — на пересечении Центральной и Березовой аллей. Вот он, психологический центр парка. «Дуб, посаженный руками Ивана Сергеевича», волновал еще Гаршина, гостившего в Спасском летом 1882 года. С ним мысленно прощался смертельно больной хозяин, прикованный к буживальскому одру: «...поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь...» Есть свой смысл, своя горькая логика в том, что по правую руку от тургеневского дуба лежат сыны Родины, погибшие в 1942 году. И ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ над ними.

НУ, А СОБСТВЕННО музей в Спасском — существует ли он? Барский дом, в котором было сорок комнат, сгорел еще до революции. Сохранился деревянный флигель, где размещен маленький музей. Он воспринимается как приложение к парку, как сезонный филиал настоящего, развернутого, насыщенного музея в Орле.

Когда-нибудь лутовиновский дом будет реставрирован. Старший инженер Нина Степановна Дроздовская считает, что это время не за горами. Можно надеяться, что научно-реставрационные мастерские Министерства культуры СССР наконец представят архитекторам долгожданные рабочие чертежи, без которых неосуществима материализация самых великолепных идей. А лет через пять в Спасское торжественно переедет из орловского музея огромная библиотека Тургенева. В свои пенаты вернется тургеневская мебель: письменный стол, за которым писались знаменитые романы; шахматный столик — на нем разыгрывались партии Тургенев—Толстой; замечательные сафьяновые кресла. И, наконец, предметы обихода, выведенные автором в его произведениях. Да, да, именно выведенные, как знакомые физиономии, как действительные характеры. Я далека от фетишизма, но тургеневские вещи, тургеневские деревья — особая статья. Вон на том диване под прозвищем «Самосон» любил вздремнуть не только хозяин, но и Увар Иванович из «Накануне». Вот на этом наклоненном стволе ракиты, вероятно, и сидел Лаврецкий, увлеченный рыбной ловлей.

К сожалению, тургеневская мебель порядочно обветшала. Как бы не случилось так, что дорогостоящий дом в Спасском восстановят, а перевозить туда будет нечего. Куда подевались местные умельцы — потомки тех, кто когда-то мастерил всю эту мебель? Есть они, есть, иногда попадаются. Показывали мне шкаф, которому столяр-виртуоз Сергей Анастасьевич Никитин вернул былой блеск, взяв за основу чуть ли не чистый лист фанеры. Два года корпел — в свободное от работы время. Но с такими темпами и к следующему юбилею не поспеешь. Если бы существовала хоть одна центральная мастерская по ремонту уникальной мебели!

Сколько отечественных и зарубежных литературоведов приезжают в Орел, чтобы поработать в научной библиотеке при музее! Фонды у нее богатые — 40 000 томов. А помещение — мало сказать бедное — ревматически-сырое, затхлое. Нет средств для нового книгохранилища. Но ведь такая экономия дороже дорогого станет...

И ЕЩЕ одна проблема. Я познакомилась только с тремя музейными работниками: директором музея Ольгой Николаевной Овсянниковой, ее заместителем по научной части Раисой Митрофановной Алексиной и экскурсоводом Юрием Степановичем Сазоновым. Я снова убедилась в том, что объект профессиональной страсти, в данном случае Тургенев, отбирает из возможных кандидатов самых цельных, самых чистых, самых преданных своему делу. Обидно, что люди, так много думающие, так много знающие, вовлечены в организационную суетицу, вынуждены разрываться между Орлом и Спасским. А это около семидесяти километров! Скоро придется — это неизбежно — и тут, и там иметь постоянные кадры. И уж, конечно, надо обеспечить их нормой житейских благ.

Сложно понять, почему Государственному музею И. С. Тургенева в свое время присвоили третью категорию. И вот живет он в ее железных оковах... В строгом соответствии с ней и бюджет, и музейная жилплощадь, и «кадровый» потолок. Категория — не башмак, с ноги не сбросишь. Но, видимо, настало уже время повысить ранг музея, помочь искренним энтузиастам, работающим на его нетучной ниве.

ОРЛОВЦАМ не занимать ни потомственной гордости (мы — тургеневские), ни тяги к подлинной культуре, которая у них в крови. Тут любой смышленый школьник устроит вам экзамен по Тургеневу и будет торжествовать, если вы провалитесь «по Спасскому» или по другому предмету. Естественно верить, что музей Тургенева, парк Тургенева достанутся и этим детям, и внукам этих детей в своем лучшем, в своем первозданном виде.

ДЕПУТАТСКИЕ ДЕЛА ПИСАТЕЛЯ

ЧУТКОСТЬ

Уже завершалась работа над новым романом «Снежные зимы», когда писатель Иван Шамякин получил письмо из Славгорода, заставившее его на время расстаться с рукописью. Авторы письма сообщали, что из-за нехватки строительных материалов в Славгородском районе срываются многие из намеченных в колхозах работ. Писатель не раз бывал в этих местах, хорошо знал положение дел там. И на этот раз И. П. Шамякин не остался в стороне.

Вопрос о строительстве в белорусских селах вскоре обсуждали на очередной сессии Верховного Совета республики, и письмо депутата И. П. Шамякина позволило глубже подойти к решению назревших проблем в жизни белорусской деревни. Так что при очередной встрече с избирателями И. П. Шамякину было что рассказать.

Я сижу в рабочем кабинете Ивана Петровича и листаю папки, которые знакомят меня с повседневными заботами писателя-депутата. Здесь и отчет о его деятельности перед избирателями, и запросы в Президиум Верховного Совета БССР, в правительство, в различные организации и ведомства. Шамякину пишут из многих уголков Белоруссии. Ему приходится выезжать на места, но, по словам самого Ивана Петровича, депутатские дела помогают ему непрестанно чувствовать пульс жизни и в то же время дают возможность глубже, полнее понять, осмыслить ее.

Тому, кто читал повесть «Мост», вероятно, запомнился председатель колхоза Панас Громыка. Из депутатской переписки Шамякина я узнаю, что за образом П. Громыки стоит реальное лицо — Афанасий Григорьевич Баранов, бывший председатель одного из колхозов Гомельщины. Узнаю и о той несправедливости, которая была допущена к нему. В 1960 году Афанасий Григорьевич ушел на отдых, однако ни в колхозе, ни в районных организациях не подумали о его будущей пенсии, которую он заслужил. Исходили из последнего заработка, когда Афанасий Григорьевич оставил по состоянию здоровья председательский пост. Поддерживая колхозников, депутат Шамякин писал: «Не пора ли подумать о том, чтобы окружить всеобщим вниманием и настоящей заботой тех, кто вынес на своих плечах всю тяжесть борьбы за подъем колхоза».

Справедливость по отношению к Афанасию Григорьевичу, разумеется, восторжествовала. Важно и то, что вмешательство депутата заставило некоторых местных работников задуматься о более чутком, душевном отношении к людям. Депутатские дела, общественная деятельность — неотъемлемая часть жизни писателя Ивана Шамякина.

А. СТУК
(Наш корр.)

Во Всесоюзном Доме художника открыта посмертная выставка работ Макса Бренайзена. Этот талантливый художник сотрудничал во многих журналах и газетах. Немало творческого труда отдал он и «Литературной газете», где печатались его графические репортажи. С ним дружили многие литераторы, и это очень хорошо отражено на выставке: более половины всех экспонатов посвящено советским литераторам и их зарубежным друзьям по перу. На вечере, посвященном памяти М. Бренайзена, выступили художники и искусствоведы. Своими воспоминаниями о нем поделились художники В. Богатнин, Г. Храпак, Н. Лисогорский и другие.

Сегодня мы публикуем два рисунка М. Бренайзена: портреты писателей М. Ауэзова и Ю. Олеши.

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

МОСКВА. 16 октября литературная Москва чествовала замечательного таджикского писателя и ученого Садриддина Айни. На вечер в Колонный зал Дома союзов пришли известные писатели России, посланцы братских республик, представители общественности столицы.

Вступительным словом вечер открыл А. Сурков. «Слово о Садриддине Айни» произнесла секретарь ЦК КП Таджикистана И. Р. Рахимова. О значении творчества Айни для других национальных литератур говорили писатели многих советских республик.

••

Шеститомное собрание сочинений Садриддина Айни будет выпущено издательством «Художественная литература» на русском языке в 1970—1971 годах.

Решение об этом принято Комитетом по печати при Совете Министров СССР.

■

ВИЛЬНЮС. Литовские писатели торжественно отметили славное 50-летие Коммунистической партии Литвы. На открытое партийное собрание, посвященное этой знаменательной дате, пришли старые коммунисты-подпольщики — директор Института истории партии при ЦК КП Литвы Р. Шармайтис и член КПСС с 1921 г. Б. Баранаускас, которые рассказали о полувековом пути Компартии Литвы.

На собрании выступили поэты А. Балтакис и А. Бернотас, а также гостивший в Литве прогрессивный чилийский писатель Франсиско Коловне.

Гостями писателей в тот день были также заместитель председателя Совета Министров республики Л. Диржинскайте и зам. зав. отделом культуры и науки ЦК КП Литвы И. Белинис.

НАД ЧЕМ РАБОТАЕТ...

Вадим ШЕФНЕР:

СОПРЯЖЕНИЕ ВРЕМЕН

— Вадим Сергеевич, читателям вы больше известны как поэт, но ваша последняя книга «Запоздалый стрелок» свидетельствует, что вы снова обратились к прозе. Две новые повести в ней полуфантастического или полусказочного жанра. Что привело вас к фантастике?

— Прозу, как и стихи, я пишу всю жизнь, то есть всю сознательную жизнь; еще до войны в печати появилось два моих рассказа. Но прежде проза занимала меньше места в моей работе, а сейчас уравновесилась с поэзией. Проза для меня не низший жанр, не отхожий промысел, а, перефразируя Клаузевица, продолжение поэзии иными средствами.

Что привело меня к фантастике? Может быть, стихи, потому что фантастика ходит где-то рядом с поэзией. А всего вернее — ощущение фантастичности нынешней жизни, сказочная вместимость огромного количества событий и перемен в сравнительно короткий отрезок времени.

Я помню раннее детство в Петрограде, траву между булыжинами на линиях Васильевского острова, своды Андреевского собора, куда мать водила меня молиться за отца — он был на фронте. Помню, дома на подоконнике долго лежала железная стрела, короткая и тяжелая, — фронтовой трофей тех лет: такие стрелы в самом начале первой мировой войны немецкие авиаторы вручную сбрасывали со своих аэропланов. Тупым концом этой стрелы я колол косточки от компота. Помню, зимой собаку не выпускали из сеней на улицу, а меня тоже не выпускали на улицу одного — волки забегали в деревушку средь белл дня. Помню, по вечерам жгли лучину. Ее вставляли в прибор из кованого железа, огарки падали в деревянное корытце. Теперь, в век атома, странно сознавать, что все это я видел своими глазами, что все это было именно в моей, а не в чьей-то другой жизни. Когда задумаешься об этом, то обыкновенный письменный стол превращается в уэллсовскую машину времени.

Под словом «фантастика» я подразумеваю не научную фантастику, а то, что прямо вытекает из понятия «фантазия», — то есть сказочность, странность, возможность творить чудеса и ставить своих порою весьма обыденных героев в необыденные условия. Для меня важен не сам фантастический антураж, а то, как на него реагируют мои герои. Космическая фантастика интересует меня не очень. Все чудеса происходят у меня на Земле, чаще всего в Ленинграде или где-нибудь в его окрестностях.

— Что вы пишете сейчас?

— Пытаюсь написать небольшую повесть, на этот раз не фантастическую, а реалистическую. Это повесть о любви, происходит дело в Ленинграде. Время действия — предвоенный год и 1941—1942 годы, а повествование ведется из нашего времени; герой повести вспоминает минувшие дни. Он — бывший детдомовец, на войну уходит с третьего курса техникума. Тут я должен оговориться, что хоть я и сам какое-то время жил в детдоме, но повесть эта не автобиографическая. Часть действия там происходит в блокированном Ленинграде, однако я вовсе не претендую на сколько-нибудь полное отражение тех дней.

— В какой стадии ваша работа над повестью?

— Видимо, через два-три месяца я закончу ее.

Дело осложняется тем, что хоть и предвоенный период, и войну я помню в общем неплохо, но кое-что приходится восстанавливать в памяти. Поэтому я не один вечер уже просидел в газетном зале Публичной библиотеки, читая старые газеты. Собираюсь сходить в Институт метеорологии. Мне надо точно знать, какая погода была, скажем, 11 марта 1940 и шел ли дождь 29 апреля 1941 года. Вдруг напишешь: «Вечером четвертого мая Катя шла по Большому проспекту. Накрапывал мелкий дождик». А есть ведь ленинградцы, у которых этот день связан с каким-нибудь важным событием и им запомнилось, какая была погода. Прочтет такой человек эту фразу и скажет: «Врет Шефнер, никакого дождя в тот день не было. А раз насчет погоды соврал — значит, и в остальное не верю». Приходится восстанавливать в памяти и одежду тех времен. Мужские моды помню хорошо — сам носил широкие брюки и плечи на вате. А женские моды менее стабильны. Достал журналы мод 1940 и начала 1941 года — надо одеть свою героиню.

— А как обстоит дело со стихами?

— В издательстве «Художественная литература» только что вышел небольшой сборничек. Туда вошли стихотворения из всех моих книг — от «Светлого берега», вышедшего в 1940 году, до «Сводов», которые увидели свет в минувшем, 1967 году. Стихи писать я не бросаю, как я уже говорил вам: проза стихам не помеха. Не спеша готовлю новую книгу стихов. Но стихи — дело не планируемое, и потому — никаких прогнозов на этот счет.

Интервью вела
В. ГОЛУБЕВА

Лев на цепи — Рисунок А. НАВОИ

ОТКРЫТИЕ С КОММЕНТАРИЕМ

НАВОИ: ЕЩЕ ДЕСЯТЬ КАСЫД

Только что в Ташкенте вышел из печати первый том «Литературного наследия» Музея литературы имени Алишера Навои. В книге опубликовано сенсационное сообщение директора музея, доктора филологических наук профессора Хамида Сулеймана о новонайденной им рукописи 10 касыд (од) Алишера Навои. В томе приведен и текст сборника «Ситтан зарурия» («Шесть необходимых атрибутов»), впервые увидевшего свет.

По просьбе корреспондента «ЛГ» Вл. Ишимова проф. Х. Сулейман рассказал об этом открытии.

В связи с 525-летием со дня рождения основоположника узбекской классической литературы и литературного языка, великого поэта и гуманиста Алишера Навои я побывал в командировке в Англии и Франции.

В Париже в Национальной библиотеке я ознакомился с сотнями рукописей узбекских авторов, датированных XV и XVI веками. Среди них — с двумя рукописями сборников персидских стихов Навои «Диваны фани».

В них я и обнаружил два сборника персидских од (касыд) Алишера Навои. Четыре оды составляют сборник «Фусули арбаа» («Четыре времени года»), а шесть остальных — другой сборник, «Ситтан зарурия», который впервые в истории опубликован в первом томе нашего «Литературного наследия».

В этих произведениях, написанных под влиянием великих учителей Навои — Хосрова Дехлеви, Хакани, Абдуррахмана Джами, поэт выражает взгляды, соответствующие пантеистической философии, идеи высокого гуманизма, размышляет о самых важных общественно-политических проблемах своего времени, выступает против религиозного фанатизма, защищает обездоленных. Во вступлении и одам он сообщает, что усовершенствовал их по советам своего учителя Абдуррахмана Джами.

В Парижской национальной библиотеке мне повезло еще раз: обнаруженный мною здесь трактат по поэтике (теории стихосложения) знаменитого узбекского поэта XVI века Захириддина Бабура — редчайшая находка. Трактат этот дошел до нас в единственном экземпляре.

Мое посещение рукописных фондов Англии было не менее плодотворным. В Британском музее, например, который славится своими богатейшими собраниями восточных рукописей, мы впервые встретили персидские переводы многих узбекских газелей Алишера Навои.

В библиотеках Королевского востоковедческого общества, Оксфордского университета, в бывшей Императорской библиотеке Индии и, наконец, в Королевской библиотеке в Виндзоре перед нами предстали ценнейшие рукописи — лирика, поэмы и проза Алишера Навои и других узбекских авторов.

Я считаю своим долгом выразить мою глубокую благодарность действительному члену Королевского общества Базилю Грею, который оказал нам неоценимое содействие.

Все рукописи нами микрофильмированы. Теперь займемся доскональным исследованием памятников. Они представляют большую научную ценность для создания академической истории узбекской литературы. Лучшие образцы будут экспонированы в Музее литературы имени Алишера Навои. В дальнейшем мы собираемся организовать аналогичные поездки в другие зарубежные страны.

ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМЕ, МЕЩАНСТВЕ И ЧУВСТВЕ ВРЕМЕНИ

Вадим КОВСКИЙ

Заметки критика

В ПОЭТИЧЕСКОМ цикле Я. Смелякова «День России» есть хорошо известное стихотворение «Сосед». Поэт декларирует в нем идею, определяющую тональность всего цикла: «жизни главная опора» — неприметный труженик, под руками которого «шевелится земля», труженик, умело и неспешно устраивающий мир по законам «житейской пользы дела» и красоты.

Поэтической кульминацией стихотворения становится блестящее и неожиданное обращение к исконному смыслу слова «обыватель» (см. у Даля: «обывать — жить, проживать, обитать... жить оседло, постоянно»): «...не стесняюсь повторить, что и сам я обываю и еще настроен быть. Не ваятель, не стяжатель, не какой-то сукин сын — мой приятель, обыватель, непременный гражданин». Здесь, кстати говоря, присутствует и еще одна лексико-стилистическая деталь, обычно упускаемая из виду: слово «ваятель» образовано от давно уже забытого глагола «ваять» — выть, орать, плакать, вопить...

Критик В. Бушин, по-видимому, иначе прочитал эти строки, усмотрев в «ваятеле» скульптора. Во всяком случае, он увидел в стихотворении «Сосед» противопоставление гражданина, возделывающего грядки, работникам интеллектуального труда. И не только увидел, но и оживленно такое противопоставление поддержал. В рецензии В. Бушина на «День России» (журнал «Сибирские огни») говорится: «Иные интеллектуалы (подчеркнуто нами. — В. К.) за то, что этот сосед, поселковый житель, посадил под окном рябину, возделал четыре грядки... клеймят его кличкой «обыватель»... а для Смелякова он «...человечества оплот».

Здесь все верно, кроме утверждения, что клеймят смеляковского приятеля интеллектуалы. У поэта сказано только: «Пусть тебя за то ругают, перестроиться веля...». Пренебрежительным упоминанием интеллектуалов (причем упоминанием без кавычек) критик словно бы указывает на некий конкретный адрес поэтической полемики Смелякова, на самом деле ей совершенно не свойственный. Смеляков ценит в неброском облике своего героя, как и в неприметном, обыденном труде, его высокую духовную красоту. Он противопоставляет духовность бездуховности, а не работу руками работе головой. Контекст, в который введены В. Бушиным «интеллектуалы», возвращает слову «обыватель» как раз тот смысл, с которым полемизирует поэт...

Мы столь подробно остановились на неудачной формулировке В. Бушина потому, что она чрезвычайно характерна для настроений, получивших ныне в критике довольно широкий оборот. Термин «интеллектуальность» нередко вызывает раздраженную реакцию, проистекающую, как нам думается, из ошибочного представления об известной «привилегированности», которую якобы придает это слово определяемому им объекту или явлению.

Между тем когда, например, В. Днепров квалифицирует роман Томаса Манна как «интеллектуальный», он лишь отмечает его особое место в ряду других романов XX века, отнюдь не пряничная за счет Манна всех остальных писателей. Термином «интеллектуальный» в литературоведении и критике обозначается качественная специфика, а не качественное превосходство имеется в виду литературный жанр, в котором предметом своеобразной художественной персонификации становятся непосредственно сами идеи, «мыслительный мир» автора и персонажей. Еще Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» говорил о существовании двух типов писателей: «таланта чисто художественного» и таланта, чья «главная сила... в мысли».

К сожалению, термин «интеллектуальность» не всегда точно используется в критике.

А. Хватов в статье «Духовный мир человека и координаты времени» (журнал «Звезда») вполне резонно полагает, что «интеллектуальная сила не должна стать барьером, отделяющим человека от народа, его идеалов и истории». Однако иллюстрирует он эту мысль образом Андрея Соколова из «Судьбы человека», считая, что «в его суждениях о жизни и людях отражается та интеллектуальность, которой нет необходимости становиться на ходули и лихорадочно искать специальные поводы для своего самоутверждения». Совершенно очевидно, что интеллектуальность отождествлена здесь с органичной для героя Шолохова врожденной культурой, духовной красотой.

Сходную подмену понятий допускает и Г. Ермакова. В «Заметках о современном герое» (журнал «Звезда»), касаясь «вопроса об интеллектуализме героя нашего времени», она сначала признает, что «в век атомных реакторов... советские читатели вправе требовать от писателя изображения героя-ученого, инженера, мыслителя...». Однако далее «образцами высокого интеллектуализма» объявляются герои повестей В. Титова «Всем смертям назло» и Б. Костюковского «Земные братья».

Шофер Андрей Соколов, шахтер Сергей Петров, бригадир строителей Братской ГЭС Борис Гайнулин — замечательные советские люди, люди колоссального душевного здоровья и жизнестойкости, могучей воли и ясных целей. О каждом из них можно сказать то, что говорит о своем герое Б. Костюковский: «Он был интеллигентен в самом высоком значении этого слова. Это была внутренняя, глубокая интеллигентность, несмотря на то, что за плечами у него всего семь классов». Больше того, интеллектуальное состояние этих людей при социалистическом строе необычайно подвижно, богато потенциальными возможностями: вчерашний шахтер сегодня становится писателем.

Тем не менее, ни врожденная интеллигентность, представляющая совокупность не столько образовательных, сколько этических признаков, ни интеллигентность, «благоприобретенная» в результате образования и воспитания, не равнозначны особой форме проявления умственной и духовной жизнедеятельности — интеллектуализму. Не равнозначны опять-таки не потому, что они «лучше» или «хуже». Человек с дипломом может быть неинтеллигентен и неинтеллектуален, как и человек без оного. Рафинированный интеллектуал может по своим этическим качествам в подметки не годиться шолоховскому Андрею Соколову, но может быть и подлинным интеллигентом.

КАК ни печально, интеллектуальность в наше время приобрела ряд расхожих примет, компрометирующих ее подлинное содержание. Немалую роль здесь сыграла «молодая проза» конца 50-х — начала 60-х годов с ее изящно рефлектирующими юношами из интеллигентных семей.

Естественно, что штампы «интеллектуализма» шире всего пустило в ход мещанство, которое, говоря словами героя рассказа Э. Ставского «Так по-русски», «...сейчас стало как бы универсальнее, что ли». И с этой точки зрения вполне приятен пафос статьи М. Лобанова «Просвещенное мещанство» (журнал «Молодая гвардия», № 4, 1968).

С многими частными соображениями живого и страстного выступления М. Лобанова нельзя не согласиться. Критик прав, когда высмеивает стадные «эстетические» увлечения, дилетантское щебетание по поводу и без повода, ученую схоластику и пр.

Однако в конечном счете смысл статьи Лобанова обнаруживается не в полемике с отдельными проявлениями мещанских вкусов и настроений, а в том уничижительном «актировании» всех этих вкусов и настроений по номенклатуре иронически толкуемого «интеллектуализма», которое объективно приводит автора к осмеянию многих черт интеллектуальной и культурной жизни современного общества в целом. Так, в один ряд с «вертунами» и «мини-юбками» выстраиваются телевидение и кино, «пересаженное сердце», «физики и лирики», «электронные теории», «симпозиумы», «кибернетическое стихотворчество» и т. д.

О высоком уровне современного образования критик ядовито говорит: «разлив так называемой образованности». Современного интеллигента презрительно именует «интеллектуальным агрегатом». С непонятной запальчивостью высмеиваются «все эти любители симпозиумов». А об участниках всяческих литературных дискуссий (среди которых, кстати, нередко можно видеть и самого М. Лобанова) сказано уж и совсем туманно и нехорошо — будто они только и думают, как бы «примазаться к истории великого народа».

Заявившись исследованием очередных трансформаций мещанства, М. Лобанов «захватил» слишком широко: он поставил знак равенства не только между мещанами и интеллектуалами, но между мещанами и образованными людьми вообще, причем в союзники себе привлек... А. П. Чехова («Чехов подметил страшный психологический симптом — духовное вырождение «образованного человека»), писателя, одна из главных тем творчества которого — тема будущего — неразрывно сопряжена с надеждами на повсеместное распространение просвещенности.

Предположим даже, что возмущает М. Лобанова именно «модность», а следовательно, поверхностность бичуемой им «просвещенности». Но вот что писал о моде свыше ста тридцати лет назад один из просвещеннейших критиков России: «Знаете ли вы, что Россия, как и всякое государство, обязана своим образованием, в числе многих других причин... моде?». И далее следовала ссылка на петровские времена, когда «учились просто из моды, чтобы не отстать от высших себя».

Эти слова, принадлежащие В. Г. Белинскому, и сегодня не кажутся устарелыми. Да, действительно, есть мода и мода. Мода на мини-юбки и, скажем, мода... на писание диссертаций, которая, несмотря на все сопутствующие ей издержки, объективно ведет к огромному росту квалифицированности труда. Захваченный борьбой с какими-то отрицательными чертами определенного общественного явления, М. Лобанов незаметно переносит центр критики на само явление в целом, забывая, что речь идет все же не о поголовном пьянстве, а о поголовном увлечении проблемами пересадки сердца или кибернетикой.

Так возникает полемика с современностью, неотрывная от другой особенности памфлета М. Лобанова — его обращенности в прошлое. В историческом прошлом автор усматривает не только непреходящие начала духовной культуры народа, но главным образом моменты, противопоставляющие одну нацию другим, подчеркивающие ее духовное превосходство...

Но оставим в стороне исторические экскурсы критика. Обратимся к современности.

Самоуглубление, индивидуальность, искренность эмоций, сосредоточенность, духовность, ощущение кровного родства с народом, иначе говоря, все те черты, которые М. Лобанов выдвигает в противовес облику «просвещенного мещанства», ни в коем случае не противопоказаны людям, находящимся «в курсе всех современных наук и мировых прогрессов».

С противопоставлением современным «интеллектуалам» современного «капитана Тушина», фронтовика с двенадцатью наградами, встретившегося критику в родной деревне Егорово, нельзя согласиться. Даже в представлении Л. Толстого наряду с «простым» человеком из народа Тушиным надеждой России являлся такой истинный интеллектуал, как Андрей Болконский.

В советской действительности ничто не может помешать фронтовику с двенадцатью наградами, скромному труженику и «жизни главной опоре», стать человеком просвещенным, находящимся в курсе «современных наук» и не шарахающимся от слова «симпозиум»...

Интеллектуальные возможности современной личности непрерывно растут под напором ширящегося потока информации: наука, искусство, политика становятся повседневным содержанием нашей жизни; человек приобщается к интеллектуальным интересам человечества в целом: в социальной структуре советского общества происходят стремительные преобразования в направлении интеллектуализации всех видов труда и пр. Литература и критика чутко отражают все эти процессы. Но не только эти, а и усиливающуюся тягу к традиционным формам бытия, к национальной истории, устойчивым чертам народного характера. Эта тенденция, в свою очередь, обогащает искусство. Однако не нужно закрывать глаза на то, что народность на этом пути, отмеченном немалыми художественными достижениями, подчас подменяется псевдонародностью, пытающейся вести «бесплодный спор с веком».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ

ДЕТЕКТИВ: ПРОТИВНИКИ И ДОБРОЖЕЛАТЕЛИ

ЧТО ДУМАЮТ НАШИ ЧИТАТЕЛИ

В 39-м номере «Литературной газеты» была опубликована статья А. Кузнецова «Морщины на лицах». Критик, разбирая ряд напечатанных в последних номерах «толстых» журналов произведений, которые он отнес к детективному жанру, приходит к выводу, что в погоне за тиражами журналы зачастую печатают детективы малохудожественные, отличающиеся «однообразием и содержания, и стиля», «отсутствием серьезной мысли, правдивого изображения жизни, социальной критики».

Статья вызвала интерес. В газету пошла почта — большая и разнообразная. Одни читатели соглашались с главными положениями статьи, другие находили в ней противоречия, третьи ругали ее довольно сердито.

Авторы писем выделили в статье две основные составляющие ее части. Ту, в которой заключался призыв повысить требовательность к художественному уровню публикуемых в журналах произведений и критике конкретных романов и повестей, — с этой частью почти все соглашались. И ту, где автор статьи говорил о задачах и направлении работы журналов и делился с читателями своими соображениями о природе, достоинствах и недостатках детективного жанра, — эта часть вызвала много возражений.

Да, говорили авторы писем, повышать художественный уровень публикуемых в журналах произведений, безусловно, надо! Да, соглашались они, содержащаяся в статье критика ряда романов и повестей во многом справедлива!

«Надо, — пишет читательница Тимофеева, — чтобы на страницы журналов не попадали малохудожественные произведения любых жанров».

«Триптих П. Багряка — и на мой взгляд примитивная, слабая штука, — подтверждает читатель А. Кузнецов.— «Смерть под парусом», по свидетельству самого же Ч. Сноу, — давняя проба литературного пера... Об «Иоланте и Апокалипсисе» К. Карановича я бы высказался даже более критически, чем А. Кузнецов: разевзна не подготовлена, не обоснована, скоропалительна, намена, отдает штампом».

Но, утверждали читатели далее, в статье Кузнецова есть и другое. Есть непонимание природы жанра; есть — быть может, как следствие этого непонимания — его уничижительная характеристика; есть попытка поставить под сомнение «правов» журналов печатать детективы.

«Уважаемый товарищ Кузнецов! — обращается и критику К. Ельницкая из Ленинграда. — Прочла вашу статью «Морщины на лицах». Совершенно согласна с ее последним абзацем: да, всякий повтор, всякая копия, всякий перепев оригинальной, свежей вещи и в литературе, и в искусстве — морщина... Но в вашей статье есть и многое другое, с чем я совершенно не согласна. С тем, например, что «толстые» журналы не должны печатать детективы. Должны! Лишь бы они были высокого качества! Не согласна я и с тем, что в ряду детективов вы рассматриваете «Тюрьму» Сименона. Это вещь социально-реалистическая. В отличие от детектива, где в основе сюжета лежит обычно распутывание интриги, преступления, у Сименона с самого начала центр тяжести перенесен с криминальной темы на психологические переживания героя. Вас может удовлетворять или не удовлетворять глубине проникновения автора в психологию героев или социологию сюжета, но подверстывать «Тюрьму» под рубрику детектива и с этой позиции громить автора вы не имеете права».

«Сименон, — вторит ей читательница Тимофеева, — привлекает меня тем, что его интересует психология людей, социальная мотивировка их поступков. «Тюрьма» в этом смысле представляет собой еще один шаг вперед в его творчестве. Это не детектив, а психологический роман».

Доцент Волов спорит с А. Кузнецовым не только по поводу допущенных, по его мнению, А. Кузнецовым ошибок в жанровой, так сказать, классификации ряда произведений. Он считает его противником детектива вообще и горячо вступается за любимый жанр.

«...Возможно, автор статьи не знает, что более 75% научных работников и 65% специалистов с высшим образованием отнюдь не гнушаются этим «претренным» жанром... Авторами детективов были Шекспир и Диккенс, Достоевский и Эдгар По, Александр Грин и Николай Тихонов, Каверин и Шагинян... Литературное произведение становится детективом не вследствие особенностей писательской манеры или понижения требований, предъявляемых к художественной прозе, а лишь вследствие специфики избираемого сюжета...»

Как выступление против детективного жанра вообще, как попытку поставить этот жанр вне закона расценили статью А. Кузнецова не только Волов, но и читатели А. Лебедев, Иваницкий и другие.

«Очень неприятно, когда любимая газета вдруг вызывает в душе протест. Так случилось с выступлением против детективного жанра. Говорится як А. Кузнецов, начертал такое: «Когда нет хорошего материала, можно отыграться и на детективе»? Судя по ходу его мыслей, он сказал именно то, что хотел сказать» (Лебедев).

«Ваша статья вызвала у меня, а также у моих знакомых не только непонимание, но также протест. В своей статье вы, по сути, отрицаете современный детектив» (Иваницкий).

Справедливо ли это утверждение Волова, Лебедева, Иваницкого и других? Ведь А. Кузнецов пишет в своей статье о конкретных произведениях, с критикой которых в основном соглашаются и читатели: именно о них — даже подчеркивая: «о слабейших из перечисленных» — он говорит, что они «деформируют вкус читателя, приучают к облегченному восприятию более серьезных вещей в литературе». Боясь быть неправильно понятым, автор даже специально отмечает: «А ведь книга высокохудожественная, даже занимательного жанра, никогда не будет ему (журналу.— Ред.) в ущерб. Не проиграли же ни Петер Вайс, ни Кобо Абэ, когда в одном с ними номере «Иностранной литературы» было напечатано «Обещание» Ф. Дюрренматта».

И все-таки критик был понят как ниспровергатель, хулитель детективного жанра. Попадающиеся в статье фразы типа: «Когда нет хорошего материала, можно отыграться и на детективе», «не слишком ли бедны математически четкие, логически выверенные средства детектива для вторжение во внутреннюю жизнь человека», «детектив отнюдь не нейтральный жанр», — эти и подобные им фразы (где пишется «детектив» и опускается слово «плохой») действительно могли быть восприняты как выступление против детектива.

Конечно, в одной статье невозможно решить все неясные проблемы жанра. Нас радует, что статья Кузнецова вызвала к жизни много читательских писем, в которых не только содержится полемика с автором, но и ведется интересный и серьезный разговор об этом «несерьезном», по мнению некоторых, но, конечно же, не редакции газеты, жанре.

Читатели называют многие удачные, на их взгляд, произведения, которые они (кто с большим, а кто с меньшим основанием) причисляют к детективному жанру, пытаются осмыслить свою приверженность к детективу, сформулировать его основные признаки, обосновать его «право на существование», обозначить не решенные и даже не поставленные, по их мнению, критикой и литературной теорией проблемы жанра.

Эти проблемы, в частности, сформулированы в письме однофамильца автора статьи «Морщины на лицах» читателя А. Кузнецова из города Вольска. Его письмо вобрало в себя многое из того, что было в других письмах, поэтому мы цитируем его полнее.

«...Детектив относится к книгам «поискового» жанра, то есть к таким, где сюжет и фабула определяются содержанием, ходом и результатом поиска, предпринятого героем. Независимо от того, какой род человеческой деятельности поиском этим охвачен. Такими книгами «поискового» жанра являются, например, книги Ираклия Андроникова; волнующий рассказ Сергея Смирнова о том, как были разысканы герои Брестской крепости; книги Романа Переверзева о поисках ленинского публицистического наследия и «библиотеки Ивана Грозного»; книги А. Дунаевского о Гашеке, Гае и Лигати; будоражащее мысль исследование Г. Шторма о Радищеве и многие другие. В детективе важны не само по себе преступление и не сама личность преступника, а поиск разгадки».

Автор письма разделяет жанровые понятия «детектив» и «криминал», «криминальный роман». К этому последнему он относит те книги, в основе которых лежит не поиск разгадки преступления, а рассказ о самом преступлении, его генезисе, исследование личности преступника. И в этом жанре, говорит он, есть и по-настоящему талантливые книги, и легковесные поделки, а точнее—подделки под литературу.

«Поисковые книги, — продолжает автор, — будят мысль, тренируют ее, развивают фантазию. Заставляют вместе с героем искать разгадку тайны, перебирать десятки вариантов (версий) и пытаться найти единственно верный, обосновать, доказать его. Учат наблюдательности, логическому мышлению, дедукции. Поисковые книги знакомят читателя с умным и талантливым героем (таково специфика жанра, что бездарь загадки или преступления не раскроет), который служит правому делу. Поисковая книга может иметь в своей основе события политического и морально-этического плана, может раскрывать и такие вечные темы, как, например, любовь и ревность, верность и измена... Поиск разгадки, преступления в частности, открывает для писателя неограниченный простор в выборе материала, на котором он — через поиск — может показать многие стороны окружающей жизни. Важно то, как это написано, с каких позиций, с какой глубиной проникновения в суть вещей, с каким мастерством лепки характеров, построения сюжета и фабулы...»

Заключительную часть своего письма автор обращает к критикам и литературоведам.

«Поисковый жанр и его детективная ветвь обойдены вниманием критики и литературоведения. Даже «Литературная газета» о них почти не пишет. Не разработаны — да что там «не разработаны»! — вообще не определены законы жанра. Не видно литературоведческого разбора поисково-детективных произведений; рецензии, как правило, сводятся к одобрению или неодобрению выбора и решения конфликта, в о том, как автор владеет (или не владеет) профессиональным мастерством именно в этом жанре, — молчок. Нет обобщающих статей о творчестве того или иного писателя-поисковца, нет и монографий о поисково-детективной литературе. А без этого, согласитесь, трудно рассчитывать на развитие жанра, на движение его вперед.

Для того чтобы критики авторитетным словом внесли ясность во все эти вопросы, и написано мое письмо».

Читатели напомнили критикам и литературоведам о необходимости серьезного отношения к жанру, почитателями которого являются сотни тысяч людей.

Редакция «Литературной газеты» намаревается вернуться к более обстоятельному теоретическому разговору о проблемах этого жанра.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В. М. Волькенштейну — 85 лет

Исполнилось 85 лет драматургу Владимиру Михайловичу Волькенштейну. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Примите наши сердечные поздравления в день славного юбилея. Мы высоко ценим Ваш вклад в развитие советской драматургии и как драматурга, и как смелого теоретика. Желаем Вам доброго здоровья, новых творческих радостей».

Поздравили юбиляра также и секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

В. А. Карбовской — 60 лет

Исполнилось 60 лет Варваре Андреевне Карбовской. Секретариат правления Союза писателей РСФСР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Милая Варвара Андреевна, в день Вашего юбилея примите сердечные поздравления от писателей России. Шлем Вам, человеку высокой гражданственности, беспокойной души и чуткого сердца, автору превосходных юмористических рассказов и фельетонов, нашу благодарность и любовь. Оставайтесь и впредь такой же доброй к людям, а Ваше перо пусть будет, как всегда, метким и острым. Ждем Ваших новых произведений. Дружески обнимаем».

М. С. Колесникову — 50 лет

Исполнилось 50 лет Михаилу Сергеевичу Колесникову. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Михаил Сергеевич, горячо поздравляем Вас со славным 50-летием. Вся Ваша творческая деятельность верно служит великому делу Родины. Ваши книги, полюбившиеся читателям, широко известны в нашей стране и за рубежом. Желаем Вам крепкого здоровья, дальнейших творческих успехов».

Поздравили юбиляра также и секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

* *

Пятнадцать лет назад я познакомился с автором повести «Счастливый оазис», оставившей во мне радостное впечатление. Михаил Колесников тогда работал в одном из военных журналов. И вот Михаилу Сергеевичу пятьдесят. Полтора десятилетия пробежало так незаметно. За это время Колесников отлично поработал. В его авторском активе 20 ясомых книг, многие из которых переведены на другие языки. Его перу принадлежит известная документальная повесть «Таким был Рихард Зорге». Несколько книг вышли в серии «Жизнь замечательных людей»: «Лебединский», «Суха-Батор», «Миклухо-Маклай». На книжной полке читателя нашли себе прочное место повести «Атомград», «Рудник Солнечный», «Розовые скворцы».

Названные книги заслуживают обстоятельного анализа. В памятный для автора день я отмечу лишь главное: все это — произведения, проникнутые пафосом высокой гражданственности. Писатель любит людей сильных, целеустремленных, преданных идее, патриотов Родины. Не знаю, как определить коротко художественную особенность книг Колесникова, но мне кажется, не будет ошибки, если скажу, что по складу своего творческого дарования он лирический романтик. М. Колесников рисует сильных, красивых людей, утверждающих коммунистические идеалы.

Не сомневаюсь, что писатель будет радовать читателей новыми книгами многие годы. Хочется пожелать ему здоровья и хорошего творческого настроения.

Д. РОМАНЕНКО

«Литературная газета» сердечно присоединяется к этим поздравлениям.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Очень трудно терять друга юности, человека удивительно доброжелательного и умного, принципиального и верного, вырастившего и воспитавшего в свое время немало молодых литераторов, отдавшего лучшие годы своей жизни нашему Литературному институту. Тот, кто когда-нибудь захочет написать биографию института, обязательно должен будет рассказать о Славе Вольфовне Щиринской, долгие годы бывшей заместительницей директора, преподавательницей марксизма-ленинизма, секретарем парторганизации Литинститута имени Горького.

Сейчас, когда мы отмечаем полувековую годовщину комсомола, среди комсомольцев двадцатых годов стоило Вы вспомнить и Славу Щирину, работавшую в 1921 году политруком первого Дома рабочей молодежи в Харькове, позднее учившуюся в Москве, бывшую членом Хамовнического райкома комсомола, занимавшуюся воспитанием пионеров этого района, скромного и делового газетчика, сотрудника ряда многотиражек и районных газет.

Осенью 1938 года Щирина начала учебу в институте, а после его окончания надолго связала свою судьбу с нашим институтом. В институте все ее знали, любили и относились к ней с неизменным уважением. Мы всегда будем помнить, что в нашей жизни был человек, не раз помогавший нам советом, дружеским вниманием, добрым словом. В 1952 году Щирина успешно защитила кандидатскую диссертацию, главы из которой публиковались в журнале «Октябрь».

Несколько дней тому назад на полках книжных магазинов появилось новое издание книги о Марии Федоровне Андреевой, два первых издания этой книги стали уже библиографической редкостью. Книга, воссоздающая привлекательный образ Марии Федоровны, рассказывающая о ее жизни и труде, — одна из последних работ Славы. Жаль, что она не сможет узнать в том, с каким интересом встретили читатели выход этой книги. Жаль, что эти сердечные слова мы говорим тогда, когда ее уже нет. Нас утешает только то, что память о хороших и честных людях никогда не забывается.

М. АЛИГЕР,
А. и Е. АНИНСТ,
В. ДОЛМАТОВСКИЙ,
М. МАТУСОВСКИЙ,
В. ПОЛЕВОЙ,
Н. СИМОНОВ

Редколлегия и коллектив «Литературной газеты» с глубоким прискорбием извещают о смерти бывшего сотрудника редакции, члена КПСС, члена Союза писателей СССР

Петра Никитича
НИКИТИЧА,

последовавшей 16 октября с. г. после тяжелой и продолжительной болезни, и выражают соболезнование его родным и близким.

Коллектив редакции «Литературной газеты» выражает глубокое соболезнование писателю В. Я. Киселеву, много лет работавшему в нашей газете, в связи с постигшим его горем — смертью сына Леонида.

ИЗ МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Иллюстрация А. Голяховской к стихотворению Н. Асеева «Синие гусары». (Гравюра на дереве).

В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ — ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Сим. Дрейден. «В зрительном зале Владимир Ильич». Издательство «Искусство». М. 1967.

В. И. Ленин не так часто, как ему хотелось, посещал театры и концертные залы. Загруженный гигантской работой, он с трудом выкраивал свободные вечера. Да и с деньгами на билеты в эмигрантский период иногда бывало не просто. Но театр он любил, особенно Московский Художественный, и когда после революции встал вопрос о том, что этот театр должен стать государственным, Ленин сказал Луначарскому: «Как же может быть иначе! Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить, — это, конечно, Художественный театр».

Что же думал Владимир Ильич об отдельных спектаклях и о развитии театрального искусства в целом! Именно рассказу об этом посвятил свою книгу Сим. Дрейден.

Эта книга — научное исследование в самом точном смысле слова. Здесь нет домыслов, хотя немало открытий. Каждый факт подтвержден строго документально. Многое впервые становится достоянием не только широкого читателя, но и специалистов. И что важно: при строжайшей документальности книга поэтична, она передает атмосферу театра, творческого горения на сцене, которое находит свое отражение и в зрительном зале. Книга написана об искусстве, и ощущение искусства присутствует на ее страницах.

Еще одно достоинство книги: она рассказывает о сложных процессах, происходящих в театре, и связывает эти процессы с общественными событиями, происходящими в России и в мире, объясняет причины успехов и неудач. Это подлинно театроведческое сочинение, дающее глубокое и во многом новое раскрытие тех явлений, которые характеризовали Художественный театр, и не только этот театр.

Но главная заслуга автора, думается, в том, что он дает аргументированный и убедительный ответ: почему Владимир Ильич предпочитал спектакли именно Художественного театра! Почему он, бывая в лучших европейских театрах, писал в то же время родным: «...Хотелось бы в русский Художественный...» Для Ленина тем выше был театр, чем яснее он выражал передовые, демократические идеи. Вот почему ему очень понравилась постановка комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты» и, в частности, исполнение К. С. Станиславским роли Крутицкого. В спектакле звучало прямое издевательство над бюрократическим аппаратом Российской империи. В. И. Ленин очень высоко оценил постановку «Дяди Вани» Чехова, потому что в спектакле была заключена мечта интеллигенции о лучшей жизни и сознание, что так больше жить нельзя.

В короткой рецензии нельзя даже перечислить все аспекты темы «Ленин и театр». Мне хотелось лишь подчеркнуть, что книга Сим. Дрейдена — достаточно полное и интересное исследование на эту тему.

Ю. ДМИТРИЕВ

ЯРКОСТЬ «ПЕСТРОЙ КНИГИ»

Н. Рахтанов. «Пестрая книга». Издательство «Детская литература». М. 1967.

Назвав свой сборник «Пестрой книгой», Н. Рахтанов хотел подчеркнуть, что в сборник вошли произведения разных жанров, не похожие друг на друга по содержанию и проблемам, написанные в разные годы. Что же все-таки позволило этим повестям и рассказам получить законную «прописку» под одной обложкой! Все они повествуют о силе человеческого духа, проявляемого в различных ситуациях: в борьбе с недругом, в научном поиске, в спортивной схватке.

А что еще роднит произведения Н. Рахтанова, позволяет им соседствовать друг с другом!..

Утверждая, что специфика детской литературы состоит не в том, что написано, а в том, как написано, Макаренко, я думаю, разумел под этим самым «как» и увлекательность, яркость художественной формы. Скажут: «Но увлекательной, интересной должна быть книга, адресованная любому возрасту!» Да, конечно. А все же взрослый не расстанется со скучной книгой, если будет уверен, что ее надо прочесть, что она сообщит ему некие важные сведения, чем-то его обогатит. Ребенок же, которого мы часто именуем самым отзывчивым читателем, в данном случае окажется весьма неучтивым: он расстанется с унылым произведением не задумываясь. Сборник Н. Рахтанова в сторону не отложишь!

Он рассказывает о событиях ярких, необычайных и о ярких человеческих характерах.

Мальчишки и девчонки любят книги, дарящие им новых друзей, о которых они могут говорить как о живых, реально существующих людях: «Вот бы сюда Антона Кандидова: Вратарь Республики он бы показал!», «Давай, как Витя Малеев и Коста Шишкин, что-нибудь изобретать!..» Чтоб не прощаться насовсем с такими героями, ребята вновь и вновь перечитывают книгу. Это особенность юных любителей литературы: зачитывать книги до дыр. Далеко не каждому произведению уготована счастливая участь быть зачитанным и затрепанным. Но к произведениям Н. Рахтанова юные читатели возвращаются...

Им не хочется расставаться с талантливым ленинградским школьником Борисом Кудрявцевым, который погиб юношей, но оставил зримый след в науке: его открытия помогают прочесть загадочные тексты на табличках, которые обнаружил на острове Пасхи Миклухо-Маклай (повесть «Потомки Миклая»).

Ребят покоряет юный герой повести «Чин-Чин-Чейнаменн и Бенни Сидней» — сын большевика Дениса Ощепкова, попавший из оккупированного японцами Приморья в Китай. Там он волею судеб оказывается в пансионе, открытом американцами. Денис берет верх над молодым, но весьма наглым и самоуверенным сыном Бенни Сиднеем. Денис доказывает, что он сильнее Бенни во всех отношениях — и морально, и физически (что для мальчишек так важно).

И уж, конечно, ребята найдут себе новых кумиров на страницах спортивных рассказов Н. Рахтанова, воспевающего не только силу мускулов, мышц, но прежде всего, как я уже отмечал, силу духа людей, завоевывающих рекорды.

Итак, если «Пестрая книга», вышедшая издательством «Детская литература», и в самом деле «пестра», то красками мужества и романтики, которые так импонируют юному сердцу.

Анатолий АЛЕКСИН

«ПОГРУЖЕНИЕ» В СЕЛО

Александр Борщаговский. «Ноев ковчег». Рассказы. Издательство «Советский писатель». М. 1968.

Читатель знает Александра Борщаговского как критика и беллетриста. Последний роман его о «Сибирских огнях» посвящен сельским людям в годы войны. Но село сегодняшнее его интересовало и привлекало другое. Язык героев удивительно современен, и тут угадано явление, характерное для сегодняшнего дня: сплав речений, пришедших от дедов и бабок, с городским, а часто и до обидного казенно-газетным говором. Язык выражает, помимо всего прочего, и ту особенность рязанской деревни, что она близка к городу и общается с ним постоянно. В рассказе «Ноев ковчег» на парома собрались разные люди, и звучит удивительное разноголосье. Но как различимы в нем и голос пастуха Петра Егоровича, и речь бывшего «районщика» Полащука, и реплики шофера Яши, и голоса майора, паромщика... В общем-то ничего не происходит на парома — поговорили люди, а каждый из них виден, всем запоминается, и все это достигнуто одним — языком, прямой речью...

Не хочу пересказывать лучший рассказ сборника «Ночью», да и нельзя этого сделать, наверное, не огрубив, не сведя к примитивной схеме этот очень тонкий рассказ, в котором на совсем небольшой площади нам представлены три выпуклых до физической осязаемости и очень важных притом характера. Три развернутых характера на один рассказ — не часто такое бывает в беллетристике...

И во всех рассказах — приметливейшим глазом увиденные детали быта и среднерусский неброский пейзаж, написанный тоже по-своему.

Писатель «погрузился» в село — и вроз обогатил свою палитру: я вовсе не хочу, чтобы это сочли за общую рекомендацию: дескать, идите в село — там удача. Нет, видимо, тут дело совсем не в самом селе, а в том, что писатель оказался в той среде, среди тех людей, в той языковой сфере, которые как-то очень хорошо легли ему на душу. Он почувствовал себя дома и, видимо, влюбился в новых своих знакомых, потому что написать их так, как они написаны в этих рассказах, нельзя без подлинной влюбленности...

Не привык заниматься прогнозами, но кажется, что новые работы писателя будут продолжать поиск, начатый этой книжкой. Удача в этом случае как бы обязывает...

Георгий РАДОВ

ПОЭЗИЯ ПЕРЕВОДА

Яков Хелемский. «Ключ». Страницы белорусской лирики. Издательство «Беларусь». Минск. 1968.

Искусный перевод, вероятно, каждый ощущает по-своему, но с неизменным постоянством: если стихотворение захватывает сразу, покоряет целиком, вплоть до последней строки,— значит, в нем есть душа живая, значит, сохранилась она при новом рождении. Процесс перевода — процесс трудный, и чреват он подчас утратами, а не находками. Отрадительнее всего знать или чувствовать, что утрачено не честность, утрачено целое, то, что я и назвал ДУШОЙ ЖИВОЙ стиха. Когда же она сохраняется при перевоплощении на иной язык, все остальное как-то теряет значение. Я не думаю: буквальный это перевод или приблизительный, соответствует он по количеству строк оригиналу или нет. Я приобщился к истинной поэзии, испытал эстетическое, художественное удовлетворение и принял труд переводчика как должное, как само собой разумеющееся условие творчества.

Яков Хелемский — искусный переводчик, и работы его в большинстве случаев оставляют ощущение органичности, жизненности, о которых я говорил вначале. Можно было бы привести немало примеров того, как благодаря мастерству переводчика стихи получают путевку в новую жизнь, но я ограничусь только одним:

Чуть угловата, острогрудa,
Она сейчас на рубеже:
Еще не девушка покуда,
Но и не девочка уже.

С людьми стеснительна порою,
А голос ломок и высок.
И сердце хрупкое такое,
Как первый осенью ледок.

Не правда ли, стихотворение пронизано какой-то изящной хрупкостью, органичностью слова и образа! А ведь это перевод. Автор стихотворения — Потрусь Бровка. В этом восьмистишии нашли отражение многие черты поэтического видения Бровки, умение слить свое «я» с миром природы, его поразительная чуткость ко всему целомудренному, застенчивому, скромному, неприкаянному, что существует в бытии. Яков Хелемский превосходно справился со своей переводческой «сверхзадачей», передав эмоциональный настрой и характер поэта.

Страницы белорусской лирики позволяют ощутить у разных поэтов этот разный настрой и разный характер. Чеканность шестнадцатистиший А. Кулешова, мрачноватый пафос его «космической» лирики соседствуют с верлибрами В. Короткевича, который умеет дофантазировать реалии, обогатить их то фольклорной, то исторической стихией. Отчетливость Максима Танка, подымающего честность до обобщения, склонного в малом видеть существенное, значительное, сменяется высокой публицистикой П. Панченко. Опыт военных лет позволяет Панченко сопровождать стихи на современные темы особым, личным комментарием, афористически заканчивать многие из них. Экспрессивный Олег Лойко и Рыгор Бородулин — поэт сельского мира. Перевернув последнюю страницу сборника «Ключ», и в самом деле ощущаешь — воистину «живет в мелодике стихов свобода первозданной речи».

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

ОЧЕВИДНОСТЬ ДОБРОТЫ

Ион Друцэ. «Ореховый шепот». Рассказы. Перевод с молдавского. Издательство «Правда». М. 1968.

Ион Друцэ принадлежит к тем счастливым писателям, чьи произведения овеяны несомненностью дарования. Он славно и мило улыбается на своем портрете, тиснутом на обложке книги; такое же ощущение — славности, улыбчивости, простоты — рождается от его рассказов.

Внешнюю атрибутику четких и цельных произведений Друцэ перечислить несложно. Ну, во-первых, как многие наши писатели, он автор почти целиком «деревенской темы». Человек, труд и природа — основные мотивы его рассказов и этой книжки.

Она называется «Ореховый шепот», и первый рассказ в ней — с тем же названием. Ясно, что перед нами — маленький ключ к чему-то большому.

«Стоял тот орех, высокий и задорный, с лозовым плетнем под мышкой и, завидя меня, ласково шептал:

— Вот это по-нашему, вот это здорово!

Было, конечно, здорово, хоте поди же ты, разберм, что именно здорово...»

Бесполезно искать там дальше, что же именно было «здорово». Просто так хороша была жизнь и детство, труд и веселье на лоне родных орехов, тополей что объяснять и не надо...

«Пронес я его с собой все эти годы, по всем дорогам — как и когда-то роняет он осенью листву, в весной учит ее лепетать... Такой же ласковый, такой же говорливый... И всегда, когда трудно мне или хорошо, когда начинаю или заканчиваю что-либо, слышу рядом ласковый шепот его...»

Это не поза рассказчика — это сам Друцэ. Он действительно пронес это через все, что писал. И сторожиха Рубина, и «подурене» (с ее путаницей фамилий, по осей деревне одинаковых), и некая вдова Илина, и «десять веснушчатых водочек» (за этим иносказанием скрываются вполне реальные, веселые и трогательные рабятишки), и дремучее заворожье молдаванин из маленького рассказа с гордым названием «По-молдавски», присутствующие в сборнике, и не присутствующие в нем жители Чутуры из нового романа «Время новой доброты» — все эти люди, образы выражают собой мысль автора, его понимание мира: труд, хлеб, село; честные, цельные и веселые жители и работники как опора мира; их радости, горести как основа проблем и забот всей вообще земли. Все это неизменно в Друцэ.

Друцэ — человек чувства, и доброте его как бы первого, «основного» порядка; он первичен во всех своих импульсах и эмоциях, он с очевидностью добр и талантлив; он ясен, он очевиден опять-таки в своей теплоте и ясности. Писатель искреннего и светлого человека, того человека, в ком «да» и «нет», день и ночь сочетаются и соотносятся так, как в самой природе, или, точнее, в самой деревне, дающей нам хлеб.

Есть и другие писатели, но в данном случае дело на в этом...

В. ГУСЕВ

О ВЕСЕЛОМ И ИЕ ОЧЕНЬ

Сергей Заянцев. «Веселое и не очень». Ростовское книжное издательство. 1968.

Разнообразие жанров — одна из характерных особенностей творчества ростовского писателя Сергея Заянцева. В его весьма «зажиточном» литературном хозяйстве — повести и рассказы, фельетоны и очерки, пьесы и мемуары. О чем бы ни писал С. Заянцев, всегда отчетливо видна позиция автора — ясная позиция коммуниста и гражданина. В этом еще раз убеждает и вышедший в Ростовском областном книгоиздательстве его новый сборник «Веселое и не очень».

Газетные фельетоны обычно строятся на конкретных фактах, содержат точные адреса и фамилии носителей зла. И вполне закономерно, что, выполнив свое назначение, они «умирают». Дело венчает заметка в разделе «По следам наших выступлений». Есть, однако, газетные фельетоны другого типа. Это — не однодневки. Они художественны, публицистичны, образно рисуют характеры, поднимаются до интересных и значительных обобщений. Такие «выживают», становятся долгожителями, обретают вторую жизнь в книге. Подобных фельетонов много у Сергея Заянцева.

Доброго слова стоит и путевые записки С. Заянцева, побывавшего недавно во Франции. Это остроумный памфлет о «буржуазном рае», о мире стяжательства и алчности. Когда-то Д. Заславский писал, что «сила сатиры — в чувстве превосходства того, кто осмеивает, над тем, что осмеивается». Французская тетрадь С. Заянцева может служить убедительным подтверждением этой мысли.

Особняком в творчестве Сергея Заянцева стоит цикл рассказов «Таганрогские были». Интересна биография этого обширного и содержательного цикла. Отец писателя сидел в таганрогской гимназии на одной парте с Антоном Павловичем Чеховым. О нем он часто рассказывал сыну. «Малыми порциями, из года в год, на протяжении десятков лет, — пишет о своем цикле рассказов С. Заянцев, — я записывал таганрогские эпизоды давно и на очень давно минувших лет, иной раз упоминая Чехова, иной раз — чеховских героев». Так родились эти рассказы-были.

С горечью и болью душевной Чехов поставил диагноз болезней родного городу. Он писал Н. А. Лейкину, что таганрогские жители «занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, в других интересов—никаких», что там нигде не увидишь ни газет, ни книг... «Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но все это пропадает даром...» Рассказы С. Заянцева — хорошая иллюстрация к этой горестной чеховской характеристике. Такие рассказы, как «Дело Вальяно», «Тайный советник Поляков», «Святой Павел Таганрогский», и другие представляют большой интерес. Они включены в сборник «Веселое и не очень», а также недавно вышли массовым тиражом в издательстве «Советский писатель».

В эти дни писателю Сергею Заянцеву исполняется 75 лет. Радостно, что юбиляр по-прежнему пишет молодо, жизнерадостно, остроумно, что он полон творческих планов.

И. ЮДОВИЧ

ТЕЗИСЫ И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ

Владимир Филатов. «Возвращение». Стихи. Издательство «Московский рабочий». М. 1968.

Владимир Филатов — человек одаренный. В некоторых его стихах обнаруживается умение живописать словом порадеть настроение подчас через незначительную деталь. Есть в сборнике «Возвращение» стихи (например, стихотворение «Вор») достоверные, несомненно пережитые, прочувствованные. Но как немного таких стихов в книге молодого стихотворца!

Казалось бы, как много обещают программные строки сборника:

Работай, жизнь!
Клянемся в верности!
Мы — не певцы постельных нег,
И нам самим упорно верится
В наш поэтический успех...

С этой верой, говорит стихотворец, мы «приносим на листках в редакцию всю сложность наших... чувств».

Что ж. Программа заявлена. Посмотрим, как она реализуется.

Итак, тезис первый: «Работай, жизнь! Клянемся в верности!» Это тезис. А вот его развитие: «Мне трамваи ужасно наскучили. Ноет в каждом ребре толкотня. Так встречайте, свободные тучи, степи, ветром встречайте меня». Куда же направляется лирический герой В. Филатова из города! Вообще-то никуда он не направляется. Он сидит в городской квартире («Стучит будильник. За окошком вечер. Жена на кухне жарит индюка») и грезит о трудностях («Стучит будильник на спокойном столике, а сердце слышит звонкую тайгу»). Не боясь этих трудностей он и призывает молодого современника. Он зовет его «идти наперерез ветрам», идти «смерти наперерез» туда, где бушуют ветра («Безжалостно нас хлещет ветер», «ветер хлещет горячо», «хлесткий ветер» и т. п.).

Вот так верный, по всей очевидности, тезис превращается в набор откровенных шаблонов.

Тезис второй: «Мы — не певцы постельных нег».

Не певцы. Это верно. В. Филатов воспевает другую любовь: «Сирень цветет отчаянно — хоть падай, опьянев. Хорошая, случайная, ты не придешь ко мне... И песня неслучайная вдруг вспенится во мне... Пять лепестков отчаянно ищу я, опьянев».

Еще! Пожалуйста: «Птицы грустно улетают к югу, крыльями прощально помахав... Милая, вот так и мы друг с другом распростимся, разновать устав».

Узнаете «жестокий романс»! Только сильно ухудшенный в сравнении с известными образцами.

Последний тезис: «И нам самим упорно верится в наш поэтический успех». Его следует понимать, очевидно, так, что молодой поэт утверждает высокое искусство в противовес суете. Хороший тезис! Но...

«Все блага жизни одному даны, другому — неподкупное искусство... Я часто вижу радужные сны, проснусь — и вновь в моем кармане пусто».

Ох уж эти «радужные сны», неполнящие карманы звонкой монетой. Как следостно продеваться им. И как горестно пробуждение, возвращение в реальность, туда, где «вдруг пройдут передо мной они, гроша не накопившие мне строчки».

Но позвольте. В тезисах поэт утверждал нечто совершенно противоположное...

Итак, программные строки книги оказались на поверку ничем не подтвержденной декларацией.

Мы можем повторить, что Владимир Филатов, на наш взгляд, человек одаренный. И наше знакомство с ним могло быть иным, если бы при издании книги не были проявлены такая поспешность и невзыскательность.

И. ТРАВКИНА

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ И АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сидни Финкелстайн. «Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе». Издательство «Прогресс». М. 1967.

«Собственно американского экзистенциализма нет»,—категорически заявил в 1963 году один наш критик-американист. В самом деле, когда в недавнем прошлом заходила речь о философии экзистенциализма в мировой литературе, память услужливо подсказывала прежде всего имена французские — Кемю, Сартр, Габриэль Марсель. Затем всплывали кое-какие имена немецкие, реже английские. Считалось, что нравственный формализм экзистенциализма не очень-то соответствует ни складу художественного мышления американцев, ни их философии, которая до последнего времени было подчинена, по выражению американского философа М. Козна, «либо практическим делам, либо практике религиозного утешения».

Два года спустя американский литературовед и философ Сидни Финкелстайн опубликовал в Нью-Йорке книгу «Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе». Основное значение книги Финкелстайна состоит в том, что он, пожалуй, первым предпринял основательную попытку рассмотреть с марксистских позиций влияние экзистенциализма на новую литературу США. Подчеркиваю, с марксистских позиций, ибо существует немало теоретиков, которые пересматривают историю американской литературы XX века и представляют ее развитие единственно с точки зрения абсурдности бытия.

В американской литературе, как показывает Финкелстайн, экзистенциалистское направление возникло после второй мировой войны. Однако, для того чтобы шире охватить проблему, автор дает критический обзор иррационалистической традиции в европейской буржуазной философии с середины XIX века.

В условиях начавшейся «холодной войны» «философия существования» перекинулась за океан уже не в виде более или менее стройной системы, а как особое умонастроение, психологическое состояние, «реакция на обесценивание идеалов в капиталистическом обществе». Та сумма идей, которую Габриэль Марсель назвал «западным гуманизмом», не смогла ни объяснить катастрофических потрясений XX века, ни противостоять им. Типичным героем новейшей американской литературы становится человек, у которого одна цель — справиться с бременем своей судьбы. Его сил хватает только на то, чтобы существовать.

Финкелстайн подчеркивает, что подобно тому как буржуазная философия и идеология вообще после второй мировой войны не только объективно переживают кризис, но и ОСОЗНАЮТ его, так и экзистенциализм осознает, а в художественной литературе наглядно воплощает отчуждение.

Американский литературовед рассматривает экзистенциализм как философское проявление более общего феномена, который в XX веке привел искусство Запада к микроскопически углубленному исследованию внутреннего мира отдельной личности. «В этом направлении художники достигли фантастической чуткости», хотя искусство в целом заплатило за это достижение цельностью, органической связью между терзаниями души и терзаниями века. Если у таких писателей, как Бальзак, Толстой, Драйзер и О'Нил, изображение процесса отчуждения «не сопровождается собственным отчуждением», то многие новые литературные произведения являются выражением полной отчужденности самого художника.

Во второй части книги автор анализирует творчество современных — от Ф. Скотта Фицджеральда до Джеймса Болдуина — американских писателей.

Обращаясь к американской аудитории, Финкелстайн предлагает марксистскую, социалистическую альтернативу тем «проклятым» вопросам, которыми мучаются взыскательные художники нашего времени.

Г. ЗЛОБИН

реклама

Вниманию любителей музыки; открыта подписка
НА МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

«Музыкальная жизнь»

НА 1969 ГОД

Вы любите оперу, балет, симфонию, песню, эстрадную музыку...

Важнейшие события, явления музыкальной культуры прошлого и современности находят отражение на страницах журнала «МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ». Вы прочтете в нем рассказы о песнях и статьи о театральных премьерах, концертные рецензии и творческие портреты деятелей музыкального искусства, беседы о различных произведениях. Вы сможете заглянуть в творческую лабораторию композиторов и крупнейших артистов, совершить путешествие по музыкальным меридианам земного шара.

Для всех, кому близка музыка, журнал станет добрым другом и помощником. Вы будете получать его ДВА РАЗА В МЕСЯЦ и в каждом номере найдете нотную вкладку с популярными песнями и инструментальными пьесами.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год — 6 руб.,
на 6 месяцев — 3 руб.,
на 3 месяца — 1 руб. 50 коп.
Подписка на журнал «Музыкальная жизнь» принимается без ограничения.

реклама

ABG

МАГАЗИН № 64
(МОСКВА К.31, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 18)
«КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ»
ПРЕДЛАГАЕТ:

1. АНТОЛОГИЯ НОВЕЙШЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ДРАМАТУРГИИ (на французском языке). Сост. Балахаков В. и др. «Просвещение», 1967. Цена 75 коп.
2. Бенито Линч. АНГЛИЧАНИН, СОБИРАЮЩИЙ КОСТИ (на испанском языке). «Высшая школа», 1967. Цена 47 коп.
3. Уильям Гибсон. СОТВОРИВШАЯ ЧУДО (на английском языке). «Высшая школа», 1967. Цена 20 коп.
4. Г. Лонгфелло. ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ (на английском языке). «Прогресс», 1967. Цена 66 коп.
5. Д. Сэлинджер. НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ (на английском языке). «Прогресс», 1968. Цена 62 коп.
6. Ж. Сименон. РОМАНЫ (на французском языке). «Прогресс», 1968. Цена 1 руб. 35 коп.
7. Р. Стивенсон. ИЗБРАННОЕ (на английском языке). «Прогресс», 1968. Цена 1 руб. 12 коп.
8. Р. Форбс-Уотсон. АМБРА (на английском языке). «Просвещение», 1968. Цена 14 коп.

реклама

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1969 ГОД
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

«НАШ СОВРЕМЕННИК»

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 РУБ. 60 КОП.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 30 КОП.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ

Издательство «Литературная газета»

Расул ГАМЗАТОВ

ИЗ КНИГИ «ЧЕТКИ ЛЕТ»

Молодости грех

Вблизи луны олаволо светились
Деревьев темных сизые верхи,
Когда ко мне негаданно явились
Написанные в юности стихи.
Я встретил их с печалью,
и сказали
Они, голов вихрастых не клоня:
— Тебя избавить можем от печали,
Садись, как прежде, с нами у огня.
Самовлюбленны и на слово броски,
Все ясно им, ни в чем сомненья нет.
Ужель они —
наивные подростки —
Когда-то мной порождены на свет!
И отвечал в отпрыскам на строго:
— Вы мне ничем не сможете помочь.
Туманом заволочена дорога,
И у порога вычернилась ночь.
Мы вспоминать минувшего не будем.
Ступайте с миром!
И у старых вех
Живите, не показываясь людям...
Прости мне, боже, молодости грех!

Песня Муи

Нерукотворный зеленый шатер,
Ты обезумевших нас
Спрячь соглядатаям наперекор
В сладостный час.

Горная рачка, лети во всю прыть,
Дымчатая, как топаз,
Клекотом громким спеши заглушить
Сплетни о нас.

Родичи пусть,
хоть верны стременам,
С милым меня не найдут.
Горы, в расщелине каменной нам
Дайте приют.

Ах, не страшна никакая гроза,
Спать одиноко — не в мочь.
Звездами — милого будут глаза
Мне в эту ночь.

Зависть

На чьи-то успехи позарясь,
Черна, как в грозу облака,
Строчит обвинение зависть
Размером со шкуру быка.
В чужих закромах она шарит,
Не видит ни боли, ни слез,
Змеей подколодною жалит,
Кусает, как бешеный пес.

Удачи таинственный кровник,
Виновник недоброй молвы —
Живет она, словно терновник
Вблизи благородной листвы.

Отвесит поклон мимоходом
И снова польстит неспроста:
Губительным смазаны медом
У зависти черной уста.

С участьем прошепчет:
«бедняжка!»,
Но рада сама в этот миг,
Как будто досталась ей ляжка
Быка, что зарезал мясник.

Почуяв опасную завязь,
Вы помнить должны наперед:
Из сердца не вытравить зависть,
Когда она в сердце войдет.

Покинуть его не захочет,
Родит в нем и злобу, и страх,
И бедное сердце источит,
Чтоб вы превратились во прах.

Горящего сердца пылающий вздох *

Поднимается в горы луна на арбе,
И туманом ее покрывается пик.
Кличет верного зятя и сына к себе,
Задыхаясь от гнева, почтенный старик.

—О жене твоей, зять, о сестре твоей, сын,
Слух недобрый ползет по соседским дворам.
И позор моих нынче коснулся седин,
Знать должны вы, что в этом повинна Марьям.

Непутевая дочь мне призналась сама,
Не скрывая в греховном бесстыдстве того,
Что от песен Махмуда она без ума,
И не только от сладостных песен его.

Над любым в этом доме лишь в властелин,
Пусть два острых кинжала покинут ножны.
Ты жену свою, зять, ты сестру свою, сын,
Порешить моей волей, не дрогнув, должны.

Отвечал ему сын:
— Будь спокоен, отец,
Я кинжалом смертельный удар нанесу.
И позору немедля наступит конец,
Лишь безгласное тело исчезнет в Койсу.

— Ты спокоен будь, тесть, —
отвечал ему зять, —
Высока над ощеренной бездной скала,
Если вниз полететь, то костей не собрать,
И не птица Марьям, чтоб раскинуть крыла!

Каждый камень был черен, как будто агат,
По ущелью все дальше в полуночной мгле
Вел жену свою — муж, вел сестру свою — брат
К одинокой, высокой, жестокой скале.

Устремила Марьям опечаленный взгляд
В ту из белых сторон, где заходит луна.
И спросил ее муж, и спросил ее брат,
Не желает сказать ли что-либо она:

— Ты пред смертью стоишь
на последнем краю,
Что последним желанием будет твоим!
— Вы позвольте, я песню Махмуда спою,
Больше жизни который был мною любим.

И дозвольте прочесть еще строки письма,
Их прислал мой возлюбленный
с дальних Карпат.
Что от страсти к нему я давно без ума,
Ты прости меня, муж,
ты прости меня, брат.

Муж сказал:
— Можешь спеть, потерявшая честь,
Пусть в гробу возвратится твой милый назад!
Брат добавил:
— Письмо его можешь прочесть,
Пусть зароют Махмуда на склоне Карпат!

Став над бездной,
спала перед ними чахто,
Пали волосы на плечи мягкой волной.
Жаль, далек ты, Махмуд, не оценит никто,
Что темней ее волосы черни ночной.

Ворот душного платья рванула она,
Так, что брызнули пуговки каплями слез.
Обнаженные груди, светлей, чем луна,
Рядом вздрогнувший вдруг
озарили утес.

И запала Марьям.
По вершинам, как лань,
Ее голос летел, растопив облака.
Полоскавшая пропасти гулкой гортань
Волны, будто коней, осадила река.

И с распахнутых в небе сторон четырех
Горы, словно на главный сошлись джамаат,
И горящего сердца пылающий вздох
С дагестанской земли долетел до Карпат.

А как стала читать она строки письма,
Что нанизаны врче коралловых бус,
Исчезать начала караковая тьма,
И заря, как разрезанный встала арбуз.

От безудержной страсти, любви и тоски
Не стыдилась Марьям белоснежных громад.
Выпал мужа кинжал из ослабшей руки,
И кинжал уронил очарованный брат.

О, горящего сердца пылающий вздох,
Ты поныне летишь среди каменных скал.
И каких ни настало бы в мира эпох,
Пред тобою бессилен холодный кинжал.

■

— Скажи, каким огнем был рад
Гореть ты в молодости, брат!
— Любовью к женщине!

— Каким, не избежав потерь,
Горишь огнем ты и теперь!
— Любовью к женщине!

— Каким, ответь, желаешь впредь
Огнем пожизненно гореть!
— Любовью к женщине!

— Чем дорожишь ты во сто крат
Превыше славы и наград!
— Любовью женщины!

— Чем был низвергнут, как поток,
И вознесен ты, как клинок!
— Любовью женщины!

— С чем вновь,
как рок ни прекословь,
Разделишь не на срок любовь!
— С любовью женщины!

— А с чем, безумный человек,
Тогда окончится твой век!
— С любовью женщины!

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ

* Строка из стихотворения Махмуда — знаменитого аварского поэта.

Литературный портрет

ВОЛЖСКИЙ ЧЕЛОВЕК

«...Волга дает мне силы.
Я говорю о Волге
в большом смысле слова...»

По моим наблюдениям, поэты редко говорят о поэзии, когда остаются с глазу на глаз друг с другом. И вовсе не потому, что о ней, как о любви, «все сказано». Поэзия не терпит суесловия, праздных вопросов, вроде: «Как ты это сделал? Что ты этим хотел сказать?» Она интимна и целомудренна, она сама отвечает за себя.

Мне навсегда запомнилась фраза, которую однажды произнес Михаил Луконин: «Пойдем по Волге. Посидим у костров, помолчим о поэзии...» Помолчим — это подумаем, ощутим, насладимся.

Но бывают случаи, когда разговор о поэтах и поэзии становится необходимым. Для меня такой случай сегодня. Я хочу поделиться некоторыми наблюдениями за поэзией и личностью моего земляка, ровесника комсомола — Михаила Луконина.

Мы шли через пустырь от Мамаева кургана к Волге. Луконин вдруг остановился и с теплой усмешкой сказал:

— Нашел...

Навстречу нам бежал лохматый щенок с огромной костью в зубах.

— ...Как поэт — слово.

Щенок пробежал мимо, не обратив на нас никакого внимания.

— Крупно повезло, — продолжал комментировать Михаил. — Зазнался...

Я искоса поглядел на спутника. «А ты не зазнался?» И сам себе ответил: «Нет, не зазнался. Даже мягче, кажется, с годами стал...»

Я знаю Луконина около четверти века, почти половину его жизни. И, сколько помню, он всегда оставался таким — общительным, остроумным, простым и нежным. И твердым. А главное — напористым, работящим.

Впервые мне довелось присутствовать на публичном выступлении Луконина вскоре после войны. Это было в Сталинграде. В одном из уцелевших зданий собралась молодежь, комсомольские активисты. Затаив дыхание, слушали юноши и девушки стихи, раздумчивые, но энергичные и чистые, как совесть поколения:

В этом марева ветровом
Выбор был небольшой,—
Но лучше прийти
с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

В то время еще не была смыта дождями черная копоть с руин, еще подрывались на минах детишки, а самой модной одеждой считалась солдатская гимнастерка. И очень нужны были молодым строителям слова:

Нам не отдыха надо
И не тишины.
Не ласкайте нас званьем:
«Участник войны»!
Нам —
трудом обновить
ордена и почет!
Жажда трудной работы
нам ладони сечет.

Недавно в разговоре мы коснулись проблемы партийности творчества. Творчество должно быть партийным изнутри, так сказать, «само по себе». Однако это не освобождает художника от обязанности постоянно держать руку на пульсе социальной жизни, заботиться об аккумуляции политической энергии. Я спросил Луконина: что дают ему поездки за границу? Он ответил:

— Поездки обостряют чувство ответственности за мир и за страну. Своими глазами видишь всю сложность жизни на земле. Я себя не представляю вне задач моего народа, моей партии, как и все мое поколение, пережившее такие битвы за новые принципы и за новые цели.

В стихах Луконина нет выдуманных ситуаций, нет бесплодных конструкций мысли, они все из жизни, из сердца и все для жизни, для сердца.

Он никогда не был «вегетарианцем», сторонним созерцателем дивных красот природы. С другой стороны, его никогда не захлестывало и мелкотемье, дешевое фрондерство. В поэме «Обугленная граница», которую не так давно опубликовала «Правда», в таких крепких стихах последних лет, как «Спите, люди», «На перевале», и других он с новой силой показал себя и тонким лириком, и зрелым общественным деятелем одновременно.

Как мне кажется, Луконин никогда не был модным поэтом, но всегда был необходим истинным любителям поэзии как поэт думающий и вовлекающий в раздумья.

Критики писали немало о творчестве Луконина, но глубокой работы нет. Даже его лучшее произведение — большое лиро-эпическое сказание о Волге «Признание в любви», — в сущности, не было исследовано. А между тем, кажется мне, в этой книге Луконину удалось поднять такие пласты народной жизни, какие под силу не всякому романисту. Однажды, полушутя-полусерьезно, он сказал о своей поэме: «Признание в любви» — это продолговатый и нелегкий вздох о жизни». Ну что ж, легких раздумий о жизни не бывает. Но вся поэма пронизана глубокой верой в творческие силы народа, высоким оптимизмом борца.

Нерв поэзии Луконина — Волга.

В предисловии к одной своей книге, может быть, уже тридцатой по счету, он написал: «Я — волжский человек и считаю это своим творческим счастьем». И это глубоко верно. Именно Волга подсказала ему лучшие стихи и лучшие поэмы. А из волжских городов ему особенно дорог Волгоград.

В Большой Советской Энциклопедии есть характерная ошибка: там написано, что Луконин родился в Сталинграде. На самом же деле он родился в Астрахани, а детство провел в селе Быковы Хутора. В Сталинград он приехал почти подростком. Здесь прошла его юность, и здесь забил его звонкий поэтический родничок. Здесь, на тракторном заводе, получил он рабочую и комсомольскую закваску. Отсюда он уехал в Литературный институт, а потом — добровольцем — на финскую войну. На сталинградской земле умер от ран его отец. На этой земле погибла во время бомбежки и его мать, могилу которой он не может отыскать до сих пор. Поэтому сталинградская тема заняла важное место в творчестве поэта. Людям Сталинградского тракторного завода была посвящена поэма «Рабочий день».

Но и Сталинград, и Астрахань, и Быковы Хутора — это Волга. Она оплодотворила творчество Луконина конкретными приметами народной жизни и навсегда заронила в его душу неистребимое желание видеть ее и дышать ею.

У других поэтов есть свои родные края — города, горы, леса... Но наш век — век огромных скоростей, глобальных явлений общественной жизни, стремительного обмена информацией. В поэтах проснулась тревога за судьбу всей Земли, их взоры все чаще обращаются в космические дали. Я спросил Луконина: нет ли в этих двух тенденциях противоречия? Не противоборствуют ли друг другу две силы: извечная тяга к месту, где родился, и стремление осмыслить всю жизнь с позиций землянина?

— Может показаться странным, — ответил он, — но этот вопрос касается не только содержания, — он имеет прямое отношение и к формальным поискам, которые сейчас очень модны в поэзии. Попытки мыслить «космическими масштабами» нередко на деле означают отсутствие каких-либо мыслей и чувств, и тогда начинается штукарство, игра в поэзию.

Мне довелось быть в Чехословакии и участвовать в большом разговоре о поэзии. Докладчик говорил о значительных явлениях в чешской поэзии, о новаторстве, об интеллектуализме современной поэзии, о тяге к абстракции, о большой силе так называемой экспериментальной поэзии. А я накануне видел на вечерах, что люди эту экспериментальную поэзию, воспроизведенную со сцены, не принимают. И тогда я им сказал, что сейчас нужна поэзия, которая удовлетворила бы жажду в простых человеческих словах и чувствах...

Почему так тянут родные места? Наверное, потому, что они более близки в своих жизненных подробностях. Жизнь там не только видна, но и понятна до последней клеточки. И это отнюдь не противоречит ни международному, ни космическому. Даже наоборот: яркая подробность скорее наведет на общие раздумья о жизни, о ее проблемах, чем некие отвлеченные «эксперименты».

В Париже мне захотелось написать стихи «Письмо в Быковы Хутора из Парижа». Детская кровь в джунглях Вьетнама и Камбоджи живо напомнила детскую кровь нашей большой войны. В Пакистане, побывав на раскопках древнего мертвого города, я написал, что не у кого спросить, что же произошло с тем миром, с теми людьми. И не может ли случиться, что не у кого будет спросить о нас? Пакистанцы поняли эти стихи, думаю, что их поймут и мои земляки.

За границу всегда едешь со своим миром, который внутри тебя, со своим достоинством, со своей Волгой, со своими любимыми людьми, со своими тревогами о будущем, о земле. И эта цельность позволяет глубже понять и осмыслить все то, что видишь.

Да, Луконин не расстается с Волгой...

Идут, уходят, как во сне,
разлука и размолвка,
а ты всегда со мной,
во мне —
единственная Волга.
Во мне, со мною
навсегда
Когда с тобой прощаюсь,
веселый я лечу туда,
счастливый
возвращаюсь.
И тем и жив,
что знаю я —
ты за меня в ответе —
и боль моя,
и соль моя,
и хлеб мой
на планете.

Он мечтает о новых встречах с Волгой: «Волга дает мне силы. Я говорю о Волге в большом смысле слова, не только о реке, а и о людях, об атмосфере труда и жизни, о хлебе, который сейчас убран и которым пахнет вся область, о коллективах, где я бываю... Роднее этого у меня ничего нет».

Мы вели этот разговор в его волгоградской квартире. Проводив взглядом выброшенное из воды подводными крыльями мощное тело «метеора», он задумчиво проговорил:

— Если будешь писать статью, — побольше о жизни и поэзии... О Маяковском надо... Обязательно — о войнах, о товарищах: Майорове, Кульчицком, Недогонове... О том, как хочется оправдать доверие московских поэтов, избравших меня своим руководителем... Ну, о быковских арбузах, о футбольной команде «Трактор», в которой я играл. — это уж ты сам знаешь...

Я улыбался. Статьи ведь тоже пишутся по способу, которым мы овладели в начальной школе.

Поэзия Луконина началась на Волге и впадает в нее, а вместе с нею — в великий океан Поэзии. Напористая луконинская волна заметна в этом океане.

В. ЛЕДНЕВ
ВОЛГОГРАД

Виктор БОКОВ

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Неизвестный солдат

Ночь накрыла всю землю орлиным крылом,
Отступила она перед вечным огнем,
У огня тополя часовыми стоят,
В честь тебя он горит, неизвестный солдат.

Протяну свои руки и святому огню,
Перед ним свою голову тихо склоню,
А слеза упадет, ты прости, Волгоград,
Я скорблю по тебе, неизвестный солдат.

Где-то Волге волнуется у берегов,
Не забыла она, как мы били врагов,
Как дрожала земля от стальных наседа,
Как кричал ты «ура!», неизвестный солдат!

Незакатный огонь днем и ночью горит,
Пламя с трепетом нежным со мной говорит,
Разговор этот слышит ночной Волгоград,
Лучший памятник — жизнь, неизвестный солдат!

■

Юрию ГРИБОВУ

Сколько песен спето дивных,
Нежных, сильных, смелых, гордых!
Сколько речек воедино
Обнялось, назвавшись Волгой!
Волга ленится неспешно,
Волга гневается грозно,
Ежечасно, ежедневно
Все на Волге грандиозно.
И опоры и турбины,
И часы и киловатты,
И разливы и глубины,
И восходы и закаты.

Не шути с рекой великой,
Взялся плыть, делай работай,
Миг — и свяжет поилиной,
В план возьмет водоворотом.
Весла взял, греби, как надо,
Покажи скорость, опыт,
Или водная громада
Опрокинет и утопит.
Взял гармонь — играй с задором
Залихватские страданья,
Чтоб с поникшим, томным взором
Шла волжанка на свиданье.
Чтоб любила, милована,
Исцеляла душу лаской
И влюбленно называла:
— Ты арбуз мой астраханский!

Любите слово!

Разъезд Разнежье.
Станция Раздоры.
Село Елань.
Деревня Вишняки.
Создал народ наш
Слов златые горы,
Стихов золотоносные
пески,
Любите слово!
И оно — природе,
Цветенье плодоносящих
седое.
Кен из окна,
Гладит душа порода
Из коренных,
Видавших виды слов.

— Не окай! —
Я с улыбкою игривой
Сказал волжанке
Статной и прямой.
Она взглянула
И призналась:
— Милый,
Скажу на «а»
И делаюсь немой.
— Гражданочка!
Да я не укоряю,
Мне самому вот так бы
говорить!
Она смущалась:
— Я слова теряю,
Когда на «о»
Бросаю говорить!
И понял я,
Что речь ее живая,
Плескавшая, как Волга
О причал,
Несла в себе
Черты родного края,
А родина —
Начало всех начал!

Триптих о море

I

Какое там море!
Какая там нынче погода!
А море усыпло.
А волны пришли из похода.

А море лишь изредка
Очень печально вздыхает.
Не надо шуметь! Отойдите!
Оно отдыхает.

Лежит, как младенец,
Качается в каменной зыбке,
Настолько устало,
Что нет даже сил для улыбки.

— Эй, кто там бренчит на гитаре,
Тоску семиструнную нянчит!
Пускай замолчит
И щипковую спутницу спрячет!

Пусть море поспит,
Не будите его пустяками!..
Над Гаграми ночь.
В небе звезды плывут косяками.

II

Морюшко камешки
Перемывает,
Занятость прачечной
Перенимает.

— Как ты работаешь —
Сдельно! Аккордно!
— Я не за деньги! —
Ответила гордо.

— Что мне зарплата,
Гроши человечьи,
Ведомость моря
Не месяц, а вечность!

Вечность за деньги
Не продается,
Вечность, она
От природы дается!

III

— Море! Я не щепка,
Зачем меня кидать!!
А море отвечает:
— А мне и не видать!

В соленом изумруде
Воды моей морской
Едва заметны люди,
Чуть слышен род людской.

Прошу прощенье, сударь,
Но не могу ласкать,
Показываю удаль
И свой морской масштаб!

Ударило волною,
Резвилось о цемент,
Не плечущую чайку
Сказало: — Сантимент!

Водоворот, буруны,
Зеленые бугры,
Немолкнущие руны,
Великий час гульбы.

Горизонт

Степь безбрежна,
Даль бескрайна,
Горький запах чабреца.
Горизонт — все та же тайна
Без начала и конца.

Он зовет и убегает —
Из-под ног, из-под копыт.
Ясной звездочкой мигает,
Яркой фарою слепит.

То чернеет, как черника,
То, как голубь, сизовет.
То совсем как земляника,
То лимонно бледноват.

Он в степи такой высокий,
Откровенный и большой.
За озорною осокой
Воду черпает ковшом.

Чтобы Млечный Путь
напился,
Как верблюд среди стопой,
Чтобы каждый торопился
К голубой черте своей.

Моя струна

Моя струна все более миноре,
Все реже пляшет на крыльцо хорей.
И ярко-золотисто и лимонно
Пылают листья на моем дворе.
От речек бурных тянет и тем равнинным,
К тем медленным, что зре не бьют волной,
Что говорят стихом своим былинным
О прожитых веках земли родной.
Я потом был в Резани, в Ярославле,
В суздальских местах, под Костромой,
И спрашивали люди: — Боков! Знаем!
Не в клуб меня вели — и себе домой!
Я на ладони землю брал сырую
И восклицал: — Земная благодать,
Я за твою улыбку пожилую
Готов тебе всех девушек отдать!
Немного грустно, снег косой линейкой,
Свод небо безнадежно сер и мглист,
И над бульварной крашеной скамейкой
Пикирует кленовый желтый лист.

На пушкинскую тему

Расстанемся! Нам дружба наша в тягость.
Холодным чувством не растопишь лед.
Наш земляничник не принес нам ягод,
А на полыни слишком горький мед.
Расстанемся! Зачем друг друга ранить
И мелкими обидами колоть,
Пусть лучше сохранит нам наша память
На поэзию по будням, а полет!

И. ИСАКОВ

СЛЕПОЙ ПЕВЕЦ

Имя Ивана Степановича Исакова, крупного советского флотоводца и литератора, хорошо известно нашим читателям. Как мы сообщали в прошлом номере, адмирал Исаков оставил большое и интересное литературное наследство.

Сегодня мы знакомим наших читателей с неопубликованным рассказом И. Исакова «Слепой певец», предоставленным газете Комиссией по литературному наследству писателя.

ТОЛЬКО тот поймет автора до конца, только тот прочувствует всю глубину настроения блаженного, всепрощающего и беззлобного, несмотря на обилие забот, — кому через много лет приходилось проснуться дома, на тахте, в городе своего детства, от трубных звуков и воплей, попеременно врывающихся в открытое окно. От возгласов и криков, так хорошо знакомых и привычных, почти неотделимых от всех остальных воспоминаний юного возраста.

«Хац! Хац!» — и затем топот копыт осторожного ослика, перегруженного крынками или хурджинами.

«Мацони! Калбатоно-мацо-они!»

Вслед — певучее: «Ду-ули, яблоки!.. Ду-ули, бакладжан!» или резкое — «Угли, угли!», а за ними многие другие выкрики. Живая реклама — нараспев, каждая на свой лад, возникающая двумя кварталами выше и угасающая двумя-тремя ниже.

В точно определенное время (хоть часы проверяй), привычным маршрутом и знакомыми интонациями, однако настолько громко (почти на весь район!), чтобы посрамить конкурентов, разносчики снеди и всякого добра, почти в течение часа, а то и больше, делаются по совместительству будильниками для всех заспавшихся. Своего рода оркестром без дирижера. Мта-Цминдский персимфанс!

А вернее — Содом и Гоморра, так как, помимо усилий хозяек играть на понижение цен и старания торговцев — на повышение, через улицы от окна к окну, от балкона к балкону — одновременно соседи перебрасываются приветами и последними известиями. При этом глава семьи может обмениваться волнующими новостями, продолжая осторожно добривать намыленную щеку, расположив принадлежности на подоконнике. Таким образом и время экономится, и переговоры с друзьями не прерываются, и телефонов не надо.

Но если в тот же период в углу за дверью старая мать готовит на керосинке сулугунию, жаренную в сливочном масле, то все чувства, данные богом человеку, одновременно напоминают ему старинное, но волнующее слово «очах» *.

Блудному сыну, едущему в командировку, удалось всего на три дня заглянуть домой в 1923 году, после двух революций, гражданской войны и службы в портах Аджарии. Это значит — спустя десять лет, пересеченных курсами, проложенными через моря и океаны. И вдруг — так неожиданно! — оказалось, что местный уклад жизни сохранился почти неизменным. А случалось это потому, что верхний конец улицы Бесика все еще оставался окраиной города, через которую по-прежнему проходил пешеходный подъем на гору Мта-Цминда, к церкви св. Давида **. Нижняя станция фуникулера располагалась в стороне, и близко не было ни рынка, ни современных магазинов, почему базар шел по-прежнему навстречу потребителю.

Казалось, что те же соседи, те же разносчики, те же ослики... Ведь сложная симфония утренней побудки бесспорно оставалась прежней. Однако старая мать и старшая сестра изменились сильно. Время не щадит.

Жестокая судьба определила разлуку даже без права переписки, так как «меньшевистский рай» (по Каутскому) был хорош только для тех из коренных грузин, кто имел кое-какие райские блага. Наши же числились то русскими (по фамилии), то армянами (по документам отца, умершего еще в 1906 году), а служба сына в «красном флоте» расценивалась (и не без основания) как принадлежность к большевикам. Советские денежные переводы не принимались или не доставлялись адресатам, и наличие взрослого сына обернулось вместо помощи в своеобразное проклятие, а меньшевистский шовинизм вынудил сестру уйти с работы на Закавказской железной дороге. В результате двум женщинам пришлось жить несколько лет на выручку от продажи матерчатых кукол, которые делала днем и ночью моя сестра из собранных по знакомым лоскутов материи.

Встреча, неизбежная благодаря приходу Советской власти в Закавказье, сняла тяжелый камень с души одного и дала возможность зажить по-человечески двум представительницам этого рода.

Итак, с первым утренним радостным пробуждением показалось, что все вокруг ничуть не изменилось.

Через час или два оказалось, что не все. Старый Тифлис вырос в Тбилиси, подлинную столицу социалистической Грузии, приобретя много новых черт, однако еще не совсем расстался с некоторыми своими характерными особенностями, признаками закавказского Вавилона.

Создавшаяся на естественных путях перемещения народов, изгнанных с обжитых, родных мест; на скрещениях великих караванных дорог, выхоженных легионерами знаменитых завоевателей; многократно разоряемая иноземцами. Грузия вновь возникала из пепла, как Феникс, благодаря помощи России и удивительной жизнеспособности своего народа.

Вот почему Тбилиси (горячий город), один из старейших городов мира, был и долго оставался закавказским Вавилоном, а пестрая разноплеменность его мокалаков *** всегда оставалась типичной чертой там, где амкары **** обосабливались не только по профессии, но и по племенным и религиозным признакам. С детства я знал, что маляром может быть исключительно айсор, грузчиком и дворником — курд, пекари лавашей — греки, а лудильщики — только осетины. Вот и в 1923 году блудный сын неожиданно видит чету уличных, бродячих певцов, очевидно, русских. Оба, однако, владеют всеми местными языками и диалектами.

Он абсолютно слепой. Было ли это результатом оспы, беспощадно изрывшей лицо, или певец был ослеплен — неизвестно. Юноша обладал изумительно чистым и высоким голосом, изредка встречающимся в среде певчих старых храмовых хоров или у скопцов.

Голос — где-т от дисканта к тенору, преломившийся в фальцет, — был силы и чистоты необычайной. О пении таким голосом принято говорить, что оно «хватает за душу». Так оно и было, хотя исполнитель не употреблял никаких специфических приемов (вроде тремоло или фиоритур). Пел совершенно спокойно, с абсолютно бесстрастным выражением лица. Бледный и болезненный на вид, никогда не пьющий, он, в длинной посконной рубахе, подпоясанный шнурком, с непокрытой головой и босой, бесшумной тенью двигался за своим поводырем.

Она, очевидно, администратор, режиссер и худрук ансамбля, в некотором отношении была прямой противоположностью ведомому. Тоже с непокрытой головой, в стоптанных штиблетах, она представлялась коллектором всех пороков. Что пила водку — ясно чувствовалось по лицу и по какому-то «мутному» тембру голоса. Зато видела она буквально за двоих.

В руке или под мышкой у худрука находилась маленькая и потертая старая гармошка со звуками хриплыми, но настолько тихими, что роль ее в ансамбле была чисто условной. В то же время по циничной улыбке и чуть развязной манере держаться ясно было, что водка и курево — самые невинные из слабостей руководителя труппы.

Как правило, эта необычная пара ходила по дворам приблизительно раз в неделю, повторно появляясь в старых кварталах, в которых их хорошо знали. Маршрут выбирала она. Затем, в зависимости от национального контингента случайных (а иногда и нарочитых) слушателей, она шептала два-три слова музыкальной звезде ансамбля или без слов тихо начинала примитивную мелодию какой-либо песни.

Очевидно, она совершенно ясно представляла, насколько властно голос ее партнера привлекает слушателей, и, не имея артистического тщеславия, играла роль ведущего и своеобразного метронома, определяющего не столько мелодию, сколько темп, начало и конец исполняемого произведения.

Самым примечательным было то, что все номера выполнялись певцом (а иногда и сопровождались ее рефренами) на языке тех слушателей, которым предназначалось пение. А знали они, хотя и с русским акцентом, вполне прилично все языки, имевшие хождение в этом малом Вавилоне.

Кассой, конечно, ведала она, подбирая медные шаури, или же никелевые и серебряные гривенники, или абази, запернутые в обрывки газетной бумаги.

Когда за два-три двора я услышал хрустально чистый фальцет, исполнявший песенку «Кэкэл-джан», которую сам распевал лет пятнадцать назад, и удивленно посмотрел на мать, она улыбнулась и сказала:

— Сейчас услышишь и в нашем дворе. Но если хочешь увидеть оригинальную пару, то оденься так, чтобы можно было выйти на балкон.

Много лет соседствовала с нашей комнаткой скромная армянская семья. Общий внутренний балкон нависал над старым кирпичным двором, который обычно служил сценической площадкой, обозревавшейся со всех деревянных этажей, зигзагообразных резных лестниц и пристроек.

Вожатая точно знала расквартирование всех живущих, годами следя глазами за этим трехэтажным ковчегом. Но надо думать, что слепой, помня репертуар, знал не меньше своей «грации». Во всяком случае, без предварительных заказов или переговоров, не успевал дуэт стать лицом к середине общей веранды, как переставал стучать в полуподвале холодный сапожник и начинались трогательные слова песни:

Дзидзернак, дзидзернак,
Депи ур, депи ур? *

. . . . . .

Из всех углов начали показываться армяне, осторожно приближавшиеся к перилам; ступая бережно, чтобы не вызвать скрипа половиц этого древнего, кружевного и сложного деревянного сооружения, служащего им родным домом.

Вслед спешащей ласточке («...напоминающей прелестного лесного ангела...») полетели медяки, обернутые бумажными лоскутами, и все они были подобраны, причем некоторые схвачены на лету.

Я встал в одной тельняшке и флотских брюках и укрылся за занавеской остекленной двери, откуда не только было слышно, но и видно почти все, что делается с внутренней стороны дома. В то же время этажом выше к резным перилам подошел неумирающий тип представителя грузинского разорившегося дворянства, о котором местные остряки говорят: «Одного барана имеет, значит — князь!»

Темная черкеска грубого сукна с белыми (костяными) газырями. Роскошная, пышная шевелюра, большие усы и подусники цвета «перца с солью», но главное — в природной осанке и посадке головы.

Серебряный набор и кинжал можно купить, даже с золотой насечкой, но такую осанку приобрести нельзя ни за деньги, ни тренировкой. Она передается только по наследству, причем от дедов.

Как только «батоно» ** спокойно прислонился к балконному столбу, на смену известной всем «ласточке» появилась еще более знакомая и более трогательная «Сулико», которую Акакий Церетели написал около тридцати лет назад. Можно сказать, что жалобную и лиричную «Сулико» буквально заиграли и запели до приторности, особенно после того, как отняли ее у народа и перенесли во все духаны, рестораны и кабаки южных городов России.

Но этот очаровывающий, чудесный и хрустально-ясный фальцет так искренне вопрошал: «Шен хом ара хар. Сулико?!» ***, что песнь как будто слышалась вами впервые.

Не знаю, от любопытства либо от трогательного воздействия необычного голоса, я непроизвольно шагнул на балкон, стараясь лучше рассмотреть эту своеобразную пару, но в тот же момент понял, что нарушаю давно заведенный порядок. Это стало ясно потому, что все взоры, включая руководителя дуэта, обратились не на певца, а на тельняшку с черными брюками (хотя и без клеша, но зато и без подтяжек!). Затем мимо моего уха пролетел пакет, брошенный матерью (за «Сулико»), чтобы не нанести ущерб моему авторитету.

Назревала неловкая пауза. Но прошло не больше минуты, как гармошка, ласкательно тихо бормотавшая плачущие интонации только что законченной «Сулико», вдруг рванула с силой маршевые аккорды, вслед за которыми двор огласился:

Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!

Голос настолько посуровел в миноре, как будто пел другой человек.

Так «Варягом» Мта-Цминда приветствовала случайно оказавшегося здесь блудного сына, к полной неожиданности всех присутствующих. Но зато ансамбль оказался на высоте.

. . . . . .

Позже мать рассказала, что у этого дуэта репертуар неисчерпаем. Что если ансамбль не появляется больше месяца — значит, она запила до бесчувствия.

Интересно было узнать, что еще до революции эта муза, оглядев окрестности, давала условный аккорд, когда поблизости не было городового, и тогда слепец начинал:

...Бомба'д висроле,
Хейер шине гда!..

И, если не было помех, он исполнял сложенную народом песню об Арсене Джорджашвили — революционере, метнувшем в 1906 году бомбу в генерала Грязнова и казненном за это в Тифлисе в Метехском замке.

А еще сколько-то лет спустя, при изрядной доле консерватизма в отношении местного репертуара и с увеличением в гарнизоне количества русских бойцов, началось исполнение «Катюши» и «Матроса Железняка». Но, увы, водка делала свое дело, и антрепренер ансамбля уже не подпевал, ограничиваясь сигналами гармошки. Что же касается слепого певца, то он, оставаясь неуязвимым для паров алкоголя, продолжал волновать сердца слушателей.

И долго еще эта музыкальная пара оставалась незыблемой частью характера нашего района.

---

* Очаг — от турецкого «очах». Помимо камина и места подвешивания в комнате котла, риторически применяется для обозначения понятия семейного очага.

** Ныне — Пантеон великих людей Грузии и могила А. С. Грибоедова.

*** Сограждан (груз.).

**** Ремесленные цеха.

* «Ласточка, ласточка,
Куда, куда? (ты мчишься так рано)» (арм.).

** Буквально: «хозяин» (груз.), но вообще употребляется шире, как форма почтительного обращения.

*** «Не ты ли это, Сулико?» — обращаясь к розе, соловью, везде... и т. д.

Яков ЦВЕТОВ

ГРОМ НАД СИНЬ-ОЗЕРАМИ

Десантники, выбросившиеся на парашютах в дремучих Синь-озерских лесах осенью 1942 года в глубокий тыл противника, вместе с подпольным обкомом партии и комсомольцами готовят и осуществляют операцию «Гром» — освобождение юношей и девушек, которых гитлеровцы насильно угоняют в Германию.

Об этом рассказывается в новом произведении Якова Цветова, посвященном героической борьбе комсомольцев-подпольщиков. Герои его не выдуманы — у них есть прототипы, а события подлинны.

МАСУРОВ увидел переправу через Лань. Переправа разбита. Бомба. Возможно, даже случайная: местность эта болотистая, пустынная, в стороне от военных дорог, и здесь — ни отступать, ни наступать. Вниз по течению этой речонки, метрах в трехстах от переправы, бревенчатая хижина перевозчика. Он направился к ней.

Просевшие нижние венцы наполовину врылись в землю, деревянная крыша давно покрылась пятнами курчавого зеленого мха, и было похоже, что хижина, как дерево, выросла из земли. А у самой хижины врезалась в берег лодка с пустыми уключинами, одно весло лежало у борта, другое — стояло в песке торчком, лопастью вверх.

«Весло торчком», — сказал про себя Масуров. Можно идти. Перевозчик, бородатый, закатав рукава, шпаклевал лодку. Он весь ушел в работу и, казалось, даже не видел, как почти мимо него прошагал Масуров и скрылся в хижине. Перевозчик продолжал копаться у лодки.

Потом в хижину ввалился Саша-Берка. Зачерпнул кружкой воды в ведре, стоявшем на табурете у самой двери, залпом выпил.

— Фу! Отдышался. Будто враз стало легко.

В окошке было видно, как перевозчик возился у лодки. Одно весло по-прежнему торчало лопастью вверх.

— Что случилось? — тронул Масуров Сашу-Берку за руку.

— Случилось. Но все идет, как надо. — Саша-Берка коротким жестом успокоил его. — А теперь по порядку.

Ну, группа нападения и группа, которой открывать вагоны, готовы к действиям, это Масуров уже знает. То, что ловля молодежи продолжалась все время, главным образом в деревнях, Масурову тоже известно. Известно ему и то, что Оля вошла к немцам в доверие, что на пустующей спичечной фабрике двадцать семь комсомольцев ведут подготовку к побегу, и в техникуме — тринадцать вместе с Олей. Им передали пятнадцать гранат. Сколько смогли. В помещениях техникума и на дворе спичечной фабрики, в шалашах, собрана для отправки в Германию тысяча человек. Даже больше. А в последние дни усилилась охрана этих лагерей. В охране только немцы. Городские комсомольцы-подпольщики выследили это.

— Все, кажется, прояснилось, — сказал Саша-Берка, сунув в карманы брюк руки, будто хотел согреть их. — Отправка завтра. Конечно, возможна и отмена. Но пока ясно — завтра.

— Данные, что отправка завтра? — Масуров поскреб указательным пальцем кончик носа.

Ну, их достаточно. Во-первых, управление гебитс-комиссариата, ведающее мобилизацией рабочей силы для рейха, послало начальнику станции заявку на состав, об этом сообщили комсомольцы, связанные с гебитс-комиссариатом. Начальник станции — немец — приказал начать формирование состава из тридцати семи вагонов-теплушек, во-вторых. Шестнадцатый вагон — для конвоя. Сюда и главный удар. Подпольщик, работающий на станции диспетчером, передал это своему товарищу, слесарю депо, тоже подпольщику, а тот по ниточке дальше. Он же, слесарь депо, выяснил, кто из машинистов готовится в путь. Машинист — свой человек и согласился участвовать в деле. Не сразу так получилось, но согласился. Человек — свой. С ним все обговорено. Условились: он даст сигнал о выходе с последней станции, с узловой,— два протяжных гудка и один короткий. А через два-три километра еще — два коротких и один протяжный.

— Мы ж услышим с такого расстояния, — уверенно сказал Саша-Берка. — Место ж менять не будем?

Масуров развел руками: зачем же менять? Место нападения выбрали не за городом, как предполагали вначале, а значительно дальше, на одиннадцатом километре, западнее другой станции, узловой. Сразу за городом — не годится.

— Нам могут показать нос, — сказал Масуров, когда в последний раз обсуждали план операции. — Можно ли быть уверенными, что состав пойдет прямым ходом на запад? А если сделают так: двинутся на восток для отвода глаз, а там поднимутся по северной ветке и уж оттуда повернут в западном направлении? А мы будем сидеть под городом и ждать... На узловую же они во всех случаях должны выйти — и если из города тронутся этой, южной, дорогой, и если отправятся на восток и с севера пойдут на запад. Возьмем вот этот лес, — показал на карте. — Одиннадцатый километр. После узловой. Вот если б машинист оказался своим, можно было бы условиться о сигнале...

— Значит, машинист — свой человек? — переспросил Масуров.

— Свой.

— А не скиснет в последнюю минуту?

— Скисать в последнюю минуту поздно. Это и дурак поймет,— сказал Саша-Берка. Он посмотрел в окошко. Перевозчик все еще работал, и весло стояло, как и раньше.— «Распишем» давай поезд. На основании собранных данных.

— Самое, пожалуй, сложное,— медленно произнес Масуров и ногтем коснулся носа,— что делать ребятам после спасения. Понятно, подадутся в лес. А дальше что? Возвращаться домой нельзя. В отряды сразу не направишь. Мы ж имеем представление о полсотни, может, и меньше. А их тысяча. Может, и больше, ты говоришь.

— Ну, со своими Оля условилась. Они соединятся с группами нападения. Одни у Дубовых Гряд, другие — возле Снежниц. И — в отряды. А остальные... Были б свободны!

— Так. А наши в вагонах знают о сигналах машиниста?

— Знают. И только услышат, объявят всем и скажут, что делать.

— Народу там много,— раздумчиво произнес Масуров,— хорошо, если не окажется предателя.

— А если и найдется прохвост — что он сможет? Да и свои с ним расправятся.

Масуров вдруг почувствовал какое-то облегчение. Оттого, быть может, что задуманное уже близко. Завтра. Завтра. Завтра тысяча человек будут на свободе, и многие из них, кто сможет, возьмут в руки оружие. Все трудное, все опасное, лежавшее между ним и тем, что произойдет завтра, как-то потерялось, превратилось в тень. Его охватила радостная уверенность, что все получится хорошо, и уже видел себя и Витьку на обратном пути вдоль ночной опушки, мимо Турчиной балки, где будут поить коней.

— Послушай,— кивнул Масуров Саше-Берке. Он хотел, чтоб тот рассказал ему об Оле, которую подпольщики в последние дни привлекли к работе. Он ее не знал.

— Да,— вскинул голову Саша-Берка.— Да?

Весь он, только что еще подвижный, полный сил, как-то обмяк. Сидя на табурете, откинулся к стене, прижмурил глаза. Сначала чуть-чуть, потом крепче. Выпуклые веки дрожали, словно им больно. Видно было, как наступавший на Сашу-Берку сон сковал его движения, и он медленно оставлял эту тихую хижину на Лани.

— Ложись, друг. Отдохни, — попросил Масуров. Он смотрел на померкшее, вконец истомленное лицо Саши-Берки, казавшееся старше его. — Ночью тронемся.

ОНИ остановились в можжевельнике.

— Здесь, Витька, и жди нас, — говорит Масуров. — Ясно?

Витьке ясно, Масуров и Саша-Берка передают ему поводья и, не торопясь, идут через Синь-озерский бор к железнодорожной насыпи.

Вооруженные группы рассредоточены. Ночь. Масуров лежит в середине цепи. Всех прикрывают елки, низенькие, колючие, холодные. Масуров беспокойно смотрит туда, где находится узловая станция. Между ним и станцией — океан тьмы.

Внезапно вспыхивает свет, сначала блеклый, неровный, и бежит, бежит прямо на елки, на Масурова. Гудки? Он прикладывает к уху ладонь и напряженно вслушивается. Гудки, гудки... Два протяжных, один короткий... Он скорее догадывается, чем слышит их. Похоже, что темнота заглушила гудки. Потом два коротких и один протяжный. Те самые, которые он напряженно ждет.

Яркие, сильные глаза паровоза излучают густой холодный свет, он быстро уходит вперед, далеко, высеребрив насыпь, лес. «Все-таки двинулись на запад. Значит, не боятся, сволочи. Уверены, что обойдется». Масуров подвигается ближе к елке, зарывается в нее головой и чувствует на своем лице ее острые шелковистые коготки. Во рту пересохло, он пробует набрать слюну и проглотить, но слюны нет. Ветер уже доносит горьковатый запах дыма и капли охлажденного пара. Свет нарастает, делая пространство легким, свободным и потому страшным, прижимает Масурова к земле, он не может поднять голову, боится шевельнуться. Стремглав движутся на него передние бегунки, но прокатывают мимо, грохот колес кажется адским. Вот-вот начнется...

И — тррреск... Масуров знает: это палит группа Саши-Берки. Поезд, замедлив ход, как угасающий гром, еще несколько минут гремит по рельсам. Масуров и те десятеро с ним схватываются с земли. Он успевает заметить, что тендер не откликается на автоматный огонь Саши-Берки. «Пулемета не было. Или сразу подавили?» Только с двух-трех тормозных площадок раздаются в ответ автоматные строчки. И умолкают. Значит, группа нападения делает свое дело...

То тут, то там вспыхивают разорвавшиеся гранаты. И вдруг — пулемет, автоматы заставляют залечь Масурова и остальных с ним. Густой огонь. Густой огонь.

«Наверное, из шестнадцатого, — лихорадочно мелькает в голове. — Эх! — вырывается из груди. Вагон гораздо правее, чем лежит Масуров, метров на пятьдесят правее.— Не рассчитали. Не рассчитали... А ракету не пускают, — соображает он. — Не знают, какие силы напали. Боятся показать, где он, шестнадцатый...»

А ШЕСТНАДЦАТЫЙ бьет и бьет из пулемета, бьет из автоматов... Бьет по сосновому бору, по можжевельнику. Если б десять автоматов Масурова укрылись метрах в пятидесяти правее, сразу б атаковали этот главный вагон. «Он не успел бы опомниться, вагон», — думает Масуров. Упущены две-три решающие минуты, и теперь... Масуров и те с ним ведут огонь направо. Оттуда строчит пулемет. «Ну и шпарит! Ну и дает!» — ужасается Масуров. Пулемет уже не подавить. И ладно. Надо держать огонь, чтоб люди из вагонов могли как можно дальше уйти в лес. Группы нападения знают об этом. Пули, как гвозди, впиваются в землю так близко, что глаза засыпает холодная пыль.

— Ложись! — слышит Масуров свой голос как бы издалека и вместе со всеми, подчиняясь команде, будто не им, а кем-то другим отданной, скатывается под насыпь.

В ту же секунду слепящей луной вверх взлетает ракета, и все на земле вырастает — насыпь, вагоны, кусты, опушка... Упираясь локтем в землю, он слегка приподымает голову и видит бор в неправдоподобном желтовато-зеленом свете ракеты. Неподвижный бор стоит, как выгравированный. Бор пуст. Никого не видно. Может быть, за стволами, в кустах, в посохшей высокой траве и скрываются люди. «Ведь тысяча. А то и больше», — вспоминает слова Саши-Берки.

Свет ракеты медленно оседает на землю. Масуров успевает увидеть: пустой состав с широко раздвинутыми дверями застыл, как мертвый. И видит ложбинку, в две перебежки можно до нее добраться. Да и пора подавать сигнал к отходу. Он достает ракетницу. В воздухе всплывает мгновенный красный свет и вслед — зеленый. Снова пулемет. Пули свистят теперь над головой. Выждать, выждать — и в лес. Ребята знают куда. У каждой группы своя дорога. Он вскакивает и, задыхаясь от бега и нетерпенья, несется прочь от вагонов, от насыпи. Ноги цепляются за что-то, все время цепляются, путаются, тяжелеют. Это сапоги мешают. А может, легким просто не хватает воздуха и потому он не в силах быстро передвигать ноги? Сосна, другая... Значит, достиг бора. Он обхватывает сосну, чтоб не свалиться. В ствол шуркнуло, и отколовшиеся куски коры шлепаются вниз. Он тоже падает на землю. Потом снова бежит. Кого-то догоняет.

— Ты? — узнает Сашу-Берку.

— Я.— откликается тот. Он тоже задыхается.

Что же это цепляется за ноги, отчего так тянет упасть? — уже злится Масуров. Он не замечает, как пробивается через можжевельник, как вскакивает в седло. Конь храпит, бьет копытами, делает рывок, и Масуров, держа повод, тыкается носом в гриву. С места конь срывается в галоп.

Масуров совсем забыл, что за можжевельником поляна. Впереди, совсем близко и дальше, слышит он топот. «Витька и Саша-Берка...» Надвигается что-то черное, даже в темноте черное, и лошадь шарахается. Оказывается, одинокий большой куст. Сбоку тарахтит пулемет. Опять!.. Опять...

Витька и Саша-Берка приостанавливают лошадей. Масуров — к ним. Куда кинуться, где укрыться, что надо сделать сейчас, сию минуту? Вся жизнь воспринимается в этом, в одном измерении. А пулемет, будто видит их в темноте, бьет сюда, как раз сюда. «Ох!..» — это еле слышный голос Саши-Берки. Непохожий, в нем нет твердости, но это его голос, Саши-Берки. Что-то происходит во мраке, что-то необычное, даже страшное, и Масуров не может понять — что. Лошади стоят рядом. Масуров чувствует, как Саша-Берка сползает с седла. Тотчас же молча падает наземь и Витька. Масуров соскакивает с лошади, поднимает голову Саши-Берки, подкладывает под нее руку, но голова бессильно отваливается назад. «Что же это? Что?..» — хочется закричать, но крик не получается, и он тормошит, тормошит Сашу-Берку. Рука Масурова становится мокрой. А Витька? Придавленный

крупом лошади, лежит он под ней. Масуров шарит по нему, по его лицу, по глазам, по губам, по подбородку. Витька молчит. Даже не шелохнется, не застонет.

Масуров оттаскивает Сашу-Берку под большой куст, тот самый, которого испугалась лошадь. Потом возвращается за Витькой. Тела их такие тяжелые, даже тело худенького Витьки. Всё. Но он не в состоянии постичь, что это действительно все. Что у Витьки уже ничего впереди. А вчера ночью, когда они ехали вдоль Турчиной балки, когда искали клены и кривую ольху между кленами, все это еще было. «Мы с тобой тоже армия»,— вспоминается. И Масуров слышит тихий голос Витьки: «Ты, может, А я нет...» Витька, убитый солдат, лежит вот здесь, в Синь-озерах, под кустом, куда только что положил его Масуров.

«А в лесу тут полно людей,— продолжает мысль Масуров,— Их не видно, их скрыли ночь и лес. Они обрели свободу. И, значит, жизнь. Тысяча,— сказал Саша-Берка. Саши-Берки уже нет. И Витьки. Но тысяча, они есть, они где-то рядом...»

Рисунки В. КРАСНОВСКОГО

БОЛЬШОЙ ЭКРАН ТАШКЕНТА

ФИЛЬМЫ, ФИЛЬМЫ...

Рассказывают члены оргкомитета Ташкентского фестиваля

ИНДИЯ

Калькутта, Мадрас, Бомбей... Надо ли перечислять эти крупнейшие индийские киноцентры в таком порядке, как мы их посетили? Или поставить на первое место Мадрас, где сейчас ежегодно производится самое большое число фильмов — около двухсот? Или, может быть, Бомбей, где работают давно известные нам Капур, Наргис, Датт и другие? Или все же Калькутта? Традиции Тагора и фильмы С. Рея?..

Проще, наверное, коротко рассказать о некоторых впечатлениях...

Калькутта. Сатьяджит Рей завершил очередную работу — фильм-сказку, фильм-фантазию «Приключения Чоппи и Бака» по рассказу своего деда — детского писателя.

Картина «Свои люди». Главные герои молоды. Непонятая любовь, отсутствие чуткости у воспитателей. И как следствие — улица, банды, драки и поножовщина. Прозрение приходит трагически — пытаясь разнять драку двух банд, гибнет от удара ножа старая женщина, ставшая для заброшенных парней матерью. Зрители Ташкентского фестиваля увидят этот семнадцатый фильм режиссера, сценариста, продюсера, композитора Тапан Синха.

Запоминается картина режиссера Бидиной Басу «Тигрица». Ее герой, возглавив группу, занимающуюся нелегальным изготовлением спиртных напитков, распределяет вырученные деньги среди бедняков. Так он хочет помочь им избавиться от нищеты. Политические взгляды автора и героя путанны, но зато ясно, что в самом обращении к гражданской проблематике заслуживает одобрения.

Двух с половиной дней слишком мало, чтобы узнать бенгальский кинематограф. Познакомиться с ним шире помогут в Ташкенте, в предстоящая ретроспектива фильмов С. Рея в СССР.

Бомбей. На фестиваль Атмал Аббас представляет фильм «Бомбей в объятиях ночи», продюсер Мера — музыкально-танцевальный фильм «Амрапали» (с известной танцовщицей Вайджанти

Мала), продюсер Сагар — фильм «Любовь в Кашмире», новый фильм привезет талантливая семья Капуров...

И все-таки о двух лентах хотелось бы сказать. Фильм «Хамраз» режиссера Б. Чопра (картина будет демонстрироваться в Ташкенте). Заняты известные актеры Сунил Датт, Радж Кумар, Балраджа Сахни и новая для нас молодая кинозвезда Мумтаз. Это любовно-детективная история с остроумно придуманными неожиданными сюжетными ходами.

Самой интересной была встреча в картине «Ночь и день» с актрисой Наргис, вернувшейся в кинематограф после семилетнего перерыва. Фильм еще не вышел на экраны, и Наргис очень беспокоится, как встретит ее публика.

За год в Индии выпускается 320—330 фильмов. Мы просмотрели лишь малую часть. Поэтому, конечно, было бы несерьезным пытаться дать глубокий анализ современного индийского кино.

Хотя... На экране мы не увидели многого из того, что за те же двенадцать дней видели на улицах Дели и Калькутты, Мадраса и Бомбея. В фильмах все красивее, все облегченнее, все... сказочнее. Но гражданская позиция, творческие возможности многих талантливых мастеров внушают надежду, что реальная жизнь придет на национальный экран не только в виде живописно построенных идиллических деревень.

Тем более, что зрители в Индии удивительные. Искренняя, непосредственная реакция на все происходящее — вместе с героями зрители плачут, смеются, возмущаются. Хочется еще добавить, что ежедневно через кинозалы проходят около 5 миллионов человек.

Н. ВОЛЧЕНКО

На снимке: кадр из фильма «Свои люди».

ЯПОНИЯ

Японские кинематографисты проявляют огромный интерес к советскому кино. И не только кинематографисты. В первый же вечер на одной из центральных улиц Токио наше внимание привлекли пылающие в неоновом свете плакаты со знакомыми лицами Самойловой, Гриценко, Яковлева, Лавровой... Шла «Анна Каренина». Зал был переполнен. И это после четырехмесячной непрерывной демонстрации фильма.

Японские кинематографисты рассказали нам об огромном успехе в стране киноэпопеи «Война и мир», получившей приз «Западной жемчужины», присуждаемый за лучший иностранный фильм года. Рассказали о восторженном приеме фильмов С. М. Эйзенштейна и В. И. Пудовкина и многих других классических и современных советских кинокартин. Еще один разительный пример: японцы крупным прокатным фирмам запретили показывать картины «Братья Карамазовы» и «Преступление Анриетты», когда-то выкладывать еще в первые дни съемки, основываясь, так сказать, на доверии к советскому кино.

Мы встречались с крупнейшими кинокритиками и режиссерами, сценаристами и актерами, с представителями общественных кинообъединений и могли очень много часов провести в кинозале, просматривая внешние фильмы.

Последние два года не было особенно «урожайным» для японской кинематографии. Фильмов делается много — наши кинотеатры посмотрели, кстати, кинематографисты, самые 100, но преобладают так называемые нескромные сцены. Эти фильмы-сенсации, фильмы-ужасы, фильмы-гангстеры. К сожалению, они составляют сейчас до 60 процентов японских кинопродукции. С ними успешно конкурируют американские фильмы, захватившие еще со времен оккупации господствующие позиции на японском кинорынке. Не нам ли принять аналогичную эстетику вкуса и назидательные картины, заполняющие экраны некоторых? Может быть, в этом кроется причина уже длительного отсутствия на экранах фильмов, любимых такими, как «Расемон», «Семь самураев», «Голый остров», принесших японскому кино мировую славу.

...Маленький домик, тростинцы до крыши небо вязки. В этот вечер мы в гостях у «независимых» режиссеров, продюсеров, представителей ассоциации возрождения японского кино в ассоциации трудящихся — любителей кино — тех, кто мужественно отстаивает прогрессивные позиции японского киноискусства. Сообщение о Ташкентском кинофестивале и приглашение «независимых» участвовать в нем принимается восторженно.

По-деловому обсуждалось участие в кинофестивале в кабинете «большой» петиции — руководителей крупнейших японских киностудий «Дайэй», «Тоэй», «Сандзуч», «Нихонсуч», «Тоэй». Цель Ташкентского кинофестиваля нашли понимание. Японские кинопромышленники отрицают возможность расценить свои зарубежные связи, в том числе и с нашей страной. Президент киностудии «Сохэй» Сэри Кавэ использовал и тот, как сорок лет назад на пароходе в Москву прославленный японский театр «Кабуки» и встречался с С. Эйзенштейном и В. Пудовкиным, убежденно говорит нам: «Мы должны взаимно войти на более тесные и искренние контакты». Эту мысль в разных словах повторяют нам многие деятели японского кино.

Гость фестиваля, известный режиссер Масаки Кобаяси покажет в Ташкенте свой новый фильм «Гимн усталому человеку», созданный на киностудии «Тоэй». Это фильм о человеке, который вернулся с империалистической войны морально и физически разбитым. Но он находит в себе силы, чтобы вести смертную борьбу за свою семью, которому снова грозит военную карьеру. В этом фильме звучит гневный голос художника, бросающего вызов тем буржуазным кругам, которые пытаются отравить молодежь ядом милитаристским ядом.

Антивоенная тема лежит в основе фильма еще одного гостя кинофестиваля — Курасэ Куразаро — «Планета мертвецов», поставленного на киностудии «Нихонсуч». Фильм рассказывает о безграничной любви двух молодых людей, разрушенной войной.

На фестивале будет показан биографический фильм о жизни знаменитого японского художника начала нашего века Котаро Такамуры «Портрет Чижа», история второго брата этого драматурга и горькая судьба. Фильм поставлен на студии «Сохэй» режиссером Набору Накамурой — экранизатором многих классических произведений японской драматургии.

О борьбе рабочих за свои права рассказывает фильм «Завод рабов», представленный на фестиваль Сатсуо Ямамото, одним из виднейших деятелей «независимого» кино. Советский зритель знает этого мастера по фильму «Большая белая борода».

Нельзя не упомянуть и о таких картинах, как романтическая драма «Снежная женщина» и мультипликационный фильм «Сказки Андерсена».

Г. МАРЬЯМОВ

На снимке: кадр из фильма «Пламя верности».

Ю. АНДРЕЕВ

ЧЕМ ПЕСНЯ ЖИВА

НЕДАВНО в Сочи проходил Второй международный фестиваль молодежной песни. Аудитория была действительно всенародной: пять вечеров миллионы людей не отходили от телевизоров. Фестиваль показался мне интересным. И навел на размышления о судьбах песни.

Впрочем, не только этот фестиваль. Помню совещание литературоведов в одной из социалистических стран. Когда оно закончилось, устроители пригласили всех участников на торжественный банкет. Звучали речи, звенели бокалы, но в зале было в общем-то чинно и официально. Мы с профессором А. Овчаренко (нас было двое из Советского Союза) тихонько, чтоб не нарушить этикет, начали петь. К нам быстро подсели участники симпозиума. Песня выросла, зазвучала на весь зал. Интересно, что в этой интернациональной аудитории почти все знали «Степь да степь кругом» «Дивлюсь я на небо». «Есть на Волге утес», «Из-за острова на стрежень», «Я люблю тебя жизнь», «Темная ночь», «Карие очи, темные брови», «Подмосковные вечера». Пели снова и снова, пока официанты не начали включать-выключать люстры намекая, что ресторану пора закрываться. И все, направляясь к выходу, запели «Катюшу». Песня сблизила нас, пожалуй, больше, чем многочасовые обсуждения.

Но почему добрая и верная «Катюша» стала международным партизанским гимном? Почему так много людей знает, помнит и с чувством поет песню о замерзающем ямщике? А многие искусно написанные песни, исполнявшиеся, скажем, на прошлом фестивале в Сочи, забыты? По каким законам вообще живет и бытует песня — мощное средство человеческого единения?

МНОГО профессиональных исследований и разного рода суждений о песне появилось в печати за последние годы. При всем этом справедливые суждения не отвечают на главное: чем песня жива, почему она, будучи создана, привлекает или не привлекает людей? Должна быть хорошей музыке? Да. Хорошим текст? Да. Хорошим исполнение? Да. Но что значит все это применительно к песне? И почему все-таки нередко остаются на десятилетия и века песни, бесхитростные по тексту и напеву?

Что же все-таки главное в песне, какими мерками ее мерить, какие критерии при оценке применять? Вопрос о критериях весьма существен.

Приведу пример — не из громких, но симптоматичный.

В составе жюри мне пришлось участвовать в городском конкурсе самодеятельной песни. Музыковед, который находился среди нас, был буквально потрясен единодушным мнением всех остальных членов жюри, что песня техника В. Вихорева «На фронт трамвай уходил» — памяти отца, погибшего в годы блокады,— достойна первой премии. Он жестикулировал, он бросался к роялю, доказывал примитивность и даже неоригинальность ее мелодии. Мы шли с ним по не пересекающимся параллелям, никто ничего не мог другу другу доказать. Вопрос решили голосованием — музыковед остался в одиночестве.

Но, может быть, это было одиночество правоты? Нет, песня создается для слушателей, и именно они решили ее судьбу. Молодежный клуб «Восток» провел в конце сезона опрос. Большинство отвечавших лучшей из гражданских песен назвало в анкетах именно «На фронт трамвай уходил».

Глупо было бы из сказанного делать вывод, что я призываю к пренебрежению мелодией (или текстом, или исполнением). Нет, чем они лучше, тем и песня лучше. Но лишь в том случае, если они способствуют главному: раскрытию в песне души человеческой.

Я ДУМАЮ: песня — это обнаженная человеческая душа, и этим она привлекает к себе. Человек может проявлять себя в песне мужественным, нежным, задумчивым, веселым, грустным, гневным и т. д., но не фальшивым. Душевная неточность, психологическая ложь убивают песню сразу же, на корню, в основе. И тогда ее не спасет ни оригинальная мелодия, ни изысканный текст, ни хорошо поставленный голос певца. И сколько досады вызывают иные песни, исполняемые с эстрады или по радио. Те, в которых и признаков человеческой души нет. Но их

выпускают в эфир! Потому что критерии не отработаны — все вроде бы в этих песнях на месте и аранжированы здорово, а что внутренне пусты — так это не по нашему ведомству...

Впрочем, иногда бывает и «по нашему». Я с удовольствием услышал однажды во втором отделении большого эстрадного концерта, как Кира Смирнова блестящей пародией разделалась со слабой, поддельной песней «Скоро осень». Услышал с тем большим удовольствием, что в первом отделении эту песню «на полном серьезе» исполняла Н. Пантелеева. Жаль, что такой «анализ по существу» случается чрезвычайно редко.

Обнаженная, искренняя душа привлекает к песне. Но не всякая. Встречаются и такие, которые, «семовыражаясь», отталкивают слушателя, антипатичны ему. Мне доводилось слышать песни, созданные уже в наше время безымянными авторами из тех, кого когда-то революция выбросила за пределы Родины. Как чужд нам их мир странных отношений между мужчиной и женщиной, их надрыв, сменяющийся вдруг разгулом, их уныние как основная тональность бытия... Да, воистину не всякая наготе прекрасна. Ну, а некоторые песни не живут потому, что (при внешнем блеске) обнажают душевную вздорность или малозначительность своих авторов.

Однако я хотел вернуться к главному: к критериям, по которым оценивают песню те, кому она предназначена, — слушатели. Чрезвычайно симптоматично, что в отличие от профессионалов они оценивают явление не по его отдельным компонентам, а в целом, в его слитности. Чего же ждут слушатели от песни?

Среди многих вопросов, которые задавал участникам своих вечеров уже упоминавшийся клуб любителей песни «Восток», был и такой: «Что вы цените в песне, что вам в ней нравится?» (Я умышленно привожу вопрос в несколько сокращенном виде, а почему — дальше будет ясно.)

Вот некоторые из ответов:

— Поэтически образное содержание, душевная молодость (студентка ЛЭТИ, 5-й курс, 26 лет).

— Простота, отсутствие ложной красивости, «шершавость» (студентка, 20 лет).

— То, что о нас и для нас. Непосредственность и отсутствие иронии (гидрограф, не мальчик, 28 лет).

— Жизнерадостность, философичность в меру (инженер-машиностроитель, 33 года).

— Человечность, разнообразие (рабочий Кировского завода, лет 30, не более, на вид).

— Оригинальность тем, свежесть восприятия мира (преподавательница, 24 года).

— Свежесть чувства, глубина мысли, человечность, честность (инженер-строитель, 30 лет).

— Душевность, простота, запах леса (радиотехник, 23 года, холост!).

— Верное понимание жизни (студент-политехник, 18 лет).

Эти ответы можно продолжать, они варьируются в чем-то, но среди них не было ни одного, где песню любили бы «за музыку», «за текст». Хороший урок тем специалистам, которые в своих оценках исходят из сочетания двух-трех конструктивных элементов песни. Нет, песню следует оценивать в качестве синтетического явления и в зависимости прежде всего от того, что она несет, а не как. Это как есть лишь средство для решения главной задачи, и давайте-ка за деревьями не терять из виду леса, давайте говорить о средствах только тогда, когда песня состоялась!

Интересно, что ответы людей старшего возраста качественно ничем не отличались от отзывов более юных посетителей этих вечеров-диспутов. Вот некоторые:

— Отсутствие догматичности (геолог, 57 лет).

— Отсутствие шаблона. Высокоинтеллектуальный дух (пенсионерка).

— Отсутствие тоски зеленой. Содержание, близкое и действительности, многогранность, отсутствие шаблона (инженер-геофизик, 38 лет). И т. д. и т. п.

Очень хотелось бы, чтобы профессионалы вдумались в эти ответы. Итоги опроса способны окатить холодным душем тех, кто настолько «запрофессионализировался», что перестал видеть суть явления, кто восторгается, например, оригинальной формой песни в вопросах и ответах («Ходишь в турпоход? Да! Хочешь миллион? Нет!»), но не видит, что зал безмолвствует, когда на сцене воспроизводится этот духовный пупок.

Сказанное, разумеется, относится и к исполнителям. Не пойте те пустые и фальшивые имитации, которые ничего не могут дать ни уму, ни сердцу, но уж, если попадает вам стоящая песня, позаботьтесь, чтобы она стала еще содержательней, — обогатившись вашим духовным и интеллектуальным своеобразием!

И персональная просьба. Дорогой Эдуард Хиль! Найдите, пожалуйста, новые краски и интонации для своего сценического образа. Есть опасность, что вы начали повторять себя. Это вредит вашему творчеству.

ПЕСНЯ жива теми людьми, которые хотят ее петь или слушать, и теми, у которых есть особый дар создавать песни. Это редкий талант. И вот теперь-то пришло время раскрыть характер сокращения, умышленно произведенного выше. Вопрос, обращенный к любителям и знатокам, объединившимся вокруг клуба «Восток» в Ленинграде, звучал так: «Что вы цените в самодеятельной песне, что вам в ней нравится? И ответы, которые приведены, относятся именно к самодеятельной песне, то есть к такой, авторы которой соединяют в себе, как правило, дарование поэта, композитора, певца, аккомпаниатора одновременно, но не являются при этом профессионалами-песенниками.

Я умышленно завершаю эти этюды разговором о самодеятельной песне потому, что речь идет о немалом внутреннем резерве нашей духовной культуры. Лучшие песни инженеров, геологов, учителей, физиков, журналистов, рабочих пользуются любовью широких кругов молодежи, и не только молодежи, причем заслуженной любовью! Создалось парадоксальное положение: слушатели принимают их всем сердцем, а профессионалы-музыковеды, за редким исключением, презрительно отбрасывают. Спору нет: среди самодеятельных песен — масса сора, примитива (впрочем, процент здесь вряд ли выше, чем в песне эстрадной), но разве о корабле следует судить по ракушкам, налипшим на его днище? Всяких слизняков, морских ежей, всяческую плесень следует удалить, но при этом следует соизмерять энергию, чтобы не отодрать вместе с ними и самое днище. Правильно писал я сто лет назад в «Литературной газете» Б. Мокроусов, что победителей не судят, что слушателям в общем-то все равно, лежит у создателя хорошей песни в кармане билет члена Союза композиторов или нет. В нашей прессе уже вспоминали весьма уместно, что авторами подавляющего большинства знаменитых революционных песен, ставших нашей классикой, были профессионалы, но отнюдь не от музыки. Мне кажется, Союз композиторов, в общем, оказался беспомощным перед новым, весьма прогрессивным явлением — массовым расцветом песенной самодеятельности.

Вспоминается, как сменил свое отрицательное мнение на положительное В. Соловьев-Седой, поглубже познакомившись с творчеством самодеятельных песенников; вспоминаются задумчивые слова А. Петрова, сказанные им после концерта самодеятельных авторов, — что профессионалам не грех бы понять, как именно следует обращаться к интеллекту и чувствам людей. Однако ряд выступлений на прошедшем недавно съезде композиторов РСФСР свидетельствовал о том, что некоторые композиторы видят причины популярности самодеятельной песни только в неприхотливости вкусов слушателей. Весьма упрощенное понимание проблемы!

Мне кажется также, что решающую роль в «утилитаризации» того лучшего, что появляется в этой области, призван сыграть комсомол. Мало занимать прочную оборонительную позицию, справедливо критикуя всяческую бездарь, пора перейти к активному наступлению, к использованию тех возможностей, которые предлагает нам сама жизнь для благодетного воздействия на молодежь.

СОВЕТСКАЯ песня всегда, во все периоды нашей истории была нашей гордостью и любовью. Она всегда являлась в своих лучших образцах выражением духовного своеобразия народа, строящего новый мир и новые человеческие отношения. Мы поем те пришедшие к нам из веков чистые, искренние песни, которые соответствуют нашей морали, и поем новые, которые раскрывают своеобразие современного человека. За последнее десятилетие профессиональное искусство в результате духовного и культурного взлета нашего народа получило серьезное творческое подспорье. И думается, чем больше талантливых, знающих жизнь и душу человека, художественно одаренных людей придет к песенному творчеству, тем лучше будет и песне, и всем нам, и всему нашему обществу.

ЛЕНИНГРАД

АЛЕКСАНДР БЕНУА — НАШ СОБЕСЕДНИК

ПЕРЕД нами лежит книга «Александр Бенуа размышляет...», выпущенная издательством «Советский художник».

Нам хочется откликнуться на появление этого ценного сборника статей и писем разносторонне одаренного деятеля русской художественной культуры первой половины нашего века. Книга близка нам, она интересна не только для художников, но и для всех любящих искусство.

Свыше тридцати последних лет своей долгой жизни (Бенуа скончался в 1960 году, почти в 90-летнем возрасте) художник провел вдали от Родины, но никогда не утрачивал нерушимой внутренней близости с ней. Он с жадностью расспрашивал о всех явлениях советского искусства, горячо радовался его успехам, видел в нем оплот в борьбе против засилия модернизма и распада искусства в капиталистических странах. Мы видели А. Н. Бенуа 88-летним человеком в его тесной парижской квартире и были восхищены тем, что в нем не угасала пламенная любовь к русской и советской культуре, к правде и честности в искусстве, к творчеству не для богатых «знатоков», а для народа. Неизменный интерес к творческой жизни Советского Союза сочетался у него с убежденностью в мировом значении сокровищ, созданных гением русского народа.

Бенуа давно пользуется широкой известностью как первоклассный художник — мастер и пейзажа, и исторической темы, я иллюстрации, и театральной постановки. Он был одним из тех, кто сделал русское театрально-декорационное искусство мировым явлением, кто участвовал в создании советского театра. Бенуа работал для театра со Станиславским, Блоком, Стравинским, Фокиным и др. Как иллюстратор он создал замечательные рисунки к произведениям Пушкина, которого он благоговейно почитал: его иллюстрации к «Медному всаднику» неотделимы от пушкинской поэмы. Но мало кто знает сейчас Бенуа как художественного критика и мыслителя, как пропагандиста и популяризатора искусства. Его литературное наследие огромно. Публикация даже части этих материалов обогащает наши знания об отечественном и зарубежном искусстве, дает много примеров тонкого и взволнованного анализа его разнообразных явлений.

На своем долгом жизненном и творческом пути Бенуа не избежал односторонних пристрастий и заблуждений. От многих из них, рожденных в молодом полемическом задоре, он сам потом отрекался горячо и настойчиво. Книга, охватывающая написанное им начиная с 1917 года, говорит о том, что же именно отстаивал Бенуа в пору своей духовной зрелости — то в ранний период советского строительства, то в столкновениях с упадническим зарубежным искусством. Книга подтверждает справедливость той характеристики, которую А. В. Луначарский, писавший в марте 1921 года по поручению В. И. Ленина о пятнадцати виднейших деятелях культуры того времени, дал Александру Бенуа: «Я познакомился с ним у Горького, и мы очень сошлись. После Октябрьского переворота я бывал у него на дому, он с величайшим интересом следил за первыми шагами нового режима. Он был одним из первых крупных интеллигентов, сразу пошедших к нам на службу и работу... Вообще, человек драгоценнейший, которого нужно всячески беречь. В сущности говоря, европеец типа Ромена Роллана, Анатоля Франса и других».

Отзыву А. В. Луначарского не противоречит ничто из материалов книги. По ним мы убеждаемся в том, как верны и близки нам основные утверждения Бенуа. И всегда — в статьях, написанных на родине в первые годы революции или в Париже в 30-х годах, в письмах к близким, к сыну (известному театральному художнику) или к советским художникам и искусствоведам — Бенуа настаивает, что только действительность является основой художественного творчества. Каким решительным опровержением многолетних обвинений Александра Бенуа в проповеди эстетства, в противопоставлении искусства и жизни (чем он якобы всегда занимался) служат эти его высказывания, повторяемые им со всей силой убежденности.

Невозможно привести все примеры анимательного и вдумчивого взгляда А. Бенуа на искусство — они на каждой странице этого интереснейшего сборника статей и писем. Критерий жизненной правды (и страстное возмущение кривляньями «новаторов») встречаем мы в парижских статьях Бенуа 30-х годов. Их содержание исключительно богато: выставки произведений искусства французского, испанского, иранского и др.; балет и опера; гравюра и фотография (вспомним также, что Бенуа высоко ценил и любил кино); творчество русских художников, давнишние встречи с ними. Всегда в этих статьях мы слышим голос русского художника-реалиста, в юности восхищавшегося И. Е. Репиным, близкого друга Валентина Серова. Незадолго до смерти Бенуа среди своих «любимцев и кумиров» называет П. А. Федотова, В. Г. Перова, крепостного живописца Григория Сороку и других мастеров русского реализма в одном ряду с великими мастерами мирового искусства. Он не преуменьшал угрозы искусству со стороны антигуманистических явлений, порождаемых буржуазным обществом. Александр Бенуа писал: «Что меня особенно ужасает, это то, что свистопляска грозит самому существованию подлинных художественных памятников и целым музеям».

Многочисленные репродукции, помещенные в книге, прежде всего знакомят с А. Бенуа в разные годы его жизни, в Петрограде и в Париже, приближают его к читателю. Произведения самого художника — а все они впервые публикуются в книге — не менее, чем статьи и письма, говорят о нем, как об убежденном стороннике реалистического искусства. Таковы же и не нашедшие себе места в сборнике дореволюционные картины и рисунки Бенуа. Книга выиграла бы, если бы в ней были помещены главнейшие, ставшие уже классическими произведения мастера 1900—1910 гг.

Мы убеждены, что изданием книги «Александр Бенуа размышляет...» сделано хорошее, полезное дело. Составители И. С. Зильберштейн и А. Н. Савинов проделали большую работу по выявлению и собиранию материалов, включив в сборник много интересного.

Советскому обществу возвращается замечательный художественный деятель, человек светлого ума и прекрасного таланта. Бенуа и за рубежом был достойным представителем славных художественных традиций своей родины. Более того, Александр Бенуа, которого мы узнаем наново по его поздним статьям и письмам, предстает нашим союзником в борьбе с модернистскими извращениями. «Как мне хотелось бы быть вместе со всеми вами!» — воскликнул Бенуа, завершая свое последнее письмо на родину. Мы вправе сказать, что с изданием книги, о которой мы пишем, сбылась его мечта.

КУКРЫНИКСЫ

КРЕСЛО № 13

ЛЮДИ И БУМЕРАНГ

...В одной пьесе, в одной лаборатории появился бумеранг. Он прибыл прямым ходом из Австралии. Прибыл как сувенир и как драматургическая находка, взамен классического ружья, которое должно стрелять. Это был возвращающийся бумеранг. Поэтому и пьеса Н. Штемлера получила аналогическое название — «Уйти, чтобы остаться».

В одноименном спектакле (он поставлен режиссером М. Весниным в Театре на Малой Бронной) в зрительный зал со сцены систематически мечают бумеранги. Почти всем персонажам представлена такая возможность. Поэтому какая общая догадка пьесы в том, что содержимое пороков возвращается, если, как бумеранг. А что же содеяно?

Главный герой спектакля — ученый Савицкий. Так формулирует мышление случившегося: «Один мудрец сделал открытие. Второй украсил красавицу женщину. А третий — третий присвоил открытие первого, отбил жену у второго и стал академиком».

Вот про это спектакль. Только мудрецов в нем двое, и жены в нем не при чем. Ученый Кирилл [illegible] лет назад предал ученого Кавинского. [illegible] Савицкий попал в [illegible], а Киреев [illegible] работу. И [illegible] дни повторяется та же история. В [illegible] гидроксила [illegible] дды.

В возвращении бумеранга участвуют, как известно, завершений [illegible]. Но для случайного наблюдателя [illegible] прежде [illegible] винка, [illegible] «Уйти, чтобы остаться» [illegible] пожалуй, [illegible] вторая, [illegible] вопроса.

Савицкий, [illegible] обкрадывают [illegible] ся сам, не [illegible] и [illegible] Он читает [illegible] и в конце концов [illegible] него инсульт. Эта грустная [illegible] в сюжете [illegible] но, что [illegible] ранга [illegible] знает [illegible] да — его [illegible] не [illegible]. Другой [illegible] кавинского. [illegible] Третий [illegible] что [illegible] уха, да [illegible] что, с [illegible] уже [illegible] ученых [illegible] Молодцы [illegible] гарантируют [illegible] дожигают [illegible] ясмают [illegible] действие [illegible] кой-то [illegible] рует [illegible] кой-то [illegible] — [illegible] драматургии [illegible] смысл читает [illegible]

— А почем [illegible] ранги? — [illegible] шает [illegible] полит.

Действительно — [illegible]

Вот финал. Рыбка [illegible] ного [illegible] нулся. [illegible] кричит [illegible]

На [illegible] «физика-лирика» [illegible] «мысли-стихи» [illegible] выражая идею пьесы:

В человека надо верить,
Неизменно надо верить,
Настежь [illegible]
[illegible] дверь,
Надо верить, надо верить.

И пускай [illegible]
Что знаем мы про [illegible]
Что знаем [illegible] о единственной [illegible]
И про [illegible] родного сына
Мы, [illegible]
[illegible] ничего.

Так верить или не верить? Настежь сердце или на [illegible] замки? Или, сказано, по-другому: можно ли бороться с [illegible] стью, нужно ли защищаться, когда на тебя нападают? Странные вопросы! И странно, что в пьесе и спектакле мы не получаем на них ясного и единственно возможного ответа. Здесь проглядывает нота фатальности полета бумеранга. А бумеранги, кстати, как сообщает энциклопедия, не всегда возвращаются...

Андрей ЗОРКИЙ

ВЕРИСАЖ ЛГ

В Центральном Доме кино состоялась торжественная церемония открытия витража «Девушки и голуби», выполненного по рисункам Фернана Леже художниками Недей Леже и Жоржем Бонье и переданного в дар Советскому Союзу вдовой художника Н. Леже.

ФАКТЫ И ОБОБЩЕНИЯ МИР ФАКТЫ И ОБОБЩЕНИЯ

СЕМЬ ДНЕЙ В ОКТЯБРЕ...

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СЕКЦИИ КОМЕС

Секретариат Европейского сообщества писателей (КОМЕС) выступил с документом, претенциозно названным «манифестом», в котором содержатся ложные сведения о положении интеллигенции в Чехословакии и непрошеные призывы о «помощи» чехословацким писателям.

Бюро советской секции Европейского сообщества писателей, ознакомившись по сообщениям телеграфных агентств с текстом так называемого «манифеста» Европейского сообщества писателей, выражает решительный протест против этого безответственного документа, основанного на широко расплеснувшейся на Западе волне дезинформации о чехословацких событиях.

В «манифесте» повторяются фальшивые утверждения о том, что в Чехословакии «ведется самая настоящая охота на человека и в еще большей степени охота на интеллигента», о том, что «чехословацкие писатели брошены в тюрьмы, отправлены в ссылку».

Все это — недостойный вымысел, как известно, опровергнутый правительством Чехословацкой Социалистической Республики.

Этот документ по существу направлен против процесса нормализации в Чехословакии. Братская дружба между советскими и чешскими и словацкими писателями укрепляется на основе верности социалистическим принципам, и мы считаем недопустимым вмешательство авторов документа в наши отношения.

Бюро советской секции решительно протестует против того, что подобный документ был распространен — в нарушение устава — без рассмотрения его предусмотренными уставом сообщества органами — президентским бюро и руководящим советом, и решительно отклоняет его.

Мы убеждены, что сейчас особенно необходимы и важны усилия писателей всех континентов, направленные против попыток возврата к «холодной войне». Именно поэтому бюро советской секции отвергает действия авторов «манифеста», ставших на путь распространения антисоциалистических измышлений против ряда писательских коллективов — членов сообщества. Эти действия ставят под угрозу возможность нашего дальнейшего участия в сообществе со всеми вытекающими из этого для Европейского сообщества писателей последствиями.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РАССЕЛУ И САРТРУ

Болгарское телеграфное агентство передало открытое письмо лорду Бертрану Расселу и Жану-Полю Сартру, подписанное рядом видных деятелей болгарской общественности. Ниже следует его текст:

«Господа!

С огорчением и негодованием мы ознакомились с письмом, подписанным вами и опубликованным в газете «Таймс» *.

Известные как видные гуманисты и борцы за мир, вы поставили свою подпись под документом, который может служить лишь делу холодной войны.

Наше негодование вызвано явными вымыслами относительно политики Народной Республики Болгарии и Советского Союза, вымыслами, звучащими, как клевета для каждого осведомленного человека.

Ваше письмо адресовано социалистам и коммунистам, но, насколько нам известно, любимой газетой социалистов и коммунистов никогда не была «Таймс».

Как представители болгарской интеллигенции, мы считаем своим правом и своим долгом публично отвергнуть ваши обвинения.

Первая клевета содержится в утверждении, что Болгария будто бы угрожает миру на Балканах. Нам хорошо известны первоисточники этой клеветы. Ее сочинителями могут быть лишь те, чьим интересам эта клевета может служить.

Вы постарались придать правдоподобность вашему тезису, приведя в его подтверждение «известные факты». Но каковы же эти факты?

Вы упоминаете албанскую ноту против какого-то скопления советских войск в Болгарии, но вы не удосужились осведомиться, что этой выдумке уже был дан достойный ответ на самом авторитетном уровне. Никакого скопления советских войск в Болгарии нет и не было. Наша страна не так уж велика, и любое действие подобного рода было бы замечено тысячами иностранных граждан, находящихся у нас. Если тревога, выраженная в вашем письме, действительно искренна, мы могли бы добавить, что совсем недавно Болгария демобилизовала в нормальный срок соответствующую категорию военнослужащих регулярного набора, чего не делает ни одно государство, когда оно готовится на кого-либо напасть.

С тем же, мягко говоря, легкомыслием вы стали проводниками избитой лжи о том, будто Болгария предъявляет территориальные претензии, в частности в отношении Югославии. И в этом случае вы снова «забыли» ознакомиться с реальными фактами и с нашими неоднократными, и даже совсем недавними, официальными опровержениями этой лжи.

В качестве доказательства того, что Болгария якобы угрожает миру на Балканах, вы указываете на посещение Москвы председателем Совета Министров Болгарии Тодором Живковым. Но вы не поинтересовались опубликованным по этому поводу ясным и конкретным коммюнике и предпочитаете придавать этому посещению фантастический и зловещий смысл.

Перед лицом подобного рода произвольных, но, очевидно, полезных для известных кругов толкований обстановки на Балканах мы считаем необходимым обратить ваше внимание на все те официальные государственные документы, красноречиво свидетельствующие о том, что политика нашего правительства, направленная на добрососедские отношения между балканскими государствами, не является плодом конъюнктурных соображений. Эта политика вытекает из глубоко гуманной и миролюбивой сущности нашего социалистического строя. Роль Болгарии как важного фактора укрепления мира на Балканах не раз признавалась даже обозревателями, стоящими очень далеко от наших позиций. Эта политика снова была подтверждена специальным заявлением нашего парламента, принятым единодушно на состоявшейся на днях сессии. Разумеется, ознакомление с подобными документами потребовало бы двух-трех часов вашего досуга. Это, очевидно, оказалось для вас более трудным делом, чем просто подписать явно сочиненный другими людьми и преподнесенный вам в готовом виде текст этого обвинительного письма.

Ваше письмо содержит клеветнические утверждения не только против Болгарии, но и против Советского Союза. Право ответа на этот пункт, конечно, принадлежит нашим советским коллегам, но наши связи кровного родства и наша непоколебимая солидарность с великой Советской страной не позволяют нам остаться безучастными и к этой части вашего письма.

Вы позволяете себе выдвигать как старую и чуть ли не общеизвестную истину чудовищную клевету о том, будто Советский Союз и Соединенные Штаты Америки якобы договорились не только взаимно соблюдать, но и расширять свои сферы влияния.

В подтверждение этой лжи вы манипулируете информацией и «сведениями из самых авторитетных американских газет». «Авторитетных» для кого и в каком отношении? — осмелимся спросить. Или, быть может, вы будете утверждать, что американские газеты — это самый точный и самый объективный источник понимания характера советской политики, что вымыслы, провокационные слухи и преднамеренная фальсификация правды являются лучшим и самым верным отражением этой правды?

Мы просто изумлены той дерзостью, с которой вы ставите на одну доску мировой центр империализма, колониализма и агрессии и могучую крепость мира и прогресса, оплот всех народов, борющихся за свободу и национальную независимость.

Разве возможно произносить подобную клевету людям, которые имеют претензию на объективность суждения, в эпоху, когда именно Советский Союз стоит во главе борьбы против американского милитаризма и на деле сдерживает его хищнические поползновения в самых различных частях света — от Вьетнама до Ближнего Востока и сердца Европы? Отдаете ли вы себе отчет в том, что в тот же момент, когда вы подписывались под своим злополучным письмом, миллионы советских людей самоотверженно трудились, как они трудятся каждый день, в шахтах, на заводах и на необозримых полях, чтобы производить продовольствие и машины, необходимые для той исторической борьбы против мракобесия и насилия, которую ведут народы на всех континентах? Которой из двух сил вы помогаете своим письмом?

Мы позволили себе напомнить вам лишь несколько элементарных и неопровержимых фактов и указать вам на то, сколь несовместимы эти факты с вашими утверждениями. И если ответ очевиден, и если он далеко не в пользу позиции, с которой вы связали себя, вина в данном случае совсем не наша. Что касается вашего авторитета людей, дорожащих миром и прогрессом, то, сами понимаете, важно не только завоевать высокий авторитет, важно и сохранить его. А что до нашей общественности, она совершенно не в состоянии понять, как можно пользоваться престижем борца за правду и в то же время ставить свое имя под таким манифестом неправды, каким является это ваше письмо».

Академик Ангел БАЛЕВСКИЙ, президент Болгарской академии наук, академик профессор Александр ОБРЕТЕНОВ, академик ГУЛЯШКИ, директор Софийского народного театра, заслуженный деятель культуры, Анна КАМЕНОВА, председатель болгарской секции Пен-клуба, профессор Богумил РАЙНОВ, главный редактор газеты «Литературен фронт», профессор Владимир ТРЕНДАФИЛОВ, народный артист, Владимир НАЙДЕНОВ, публицист, академик Георгий КАРАСЛАВОВ, народный деятель культуры, Георгий ДЖАГАРОВ, председатель бюро Союза болгарских писателей, Георгий БОКОВ, председатель Союза болгарских журналистов, Дора ГАБЕ, народный деятель культуры, Димитр РУСКОВ, председатель Союза музыкальных деятелей Болгарии, Елисавета БАГРЯНА, народный деятель культуры, Эмиллиан СТАНЕВ, народный деятель культуры, академик Людмил СТОЯНОВ, народный деятель культуры, академик Михаил АРНАУДОВ, профессор Николай ИРИБАДЖАКОВ, ответственный редактор журнала «Ново время», академик Петко СТОЯНОВ, народный артист, академик Пантелей ЗАРЕВ, ректор Софийского государственного университета имени Климента Охридского, Ружа ДЕЛЧЕВА, председатель Союза артистов Болгарии, народная артистка, академик профессор Сава ГАНОВСКИЙ, профессор Стефан КАРАКОСТОВ, ректор Высшего института театрального искусства, заслуженный деятель культуры, Стоян Ц. ДАСКАЛОВ, народный деятель культуры, профессор Филип ФИЛИПОВ, народный артист, Филип КУТЕВ, главный секретарь Союза болгарских композиторов, народный артист, профессор Христо ВРЫМВАРОВ, народный артист, Цанко ЛАВРЕНОВ, народный художник.

* См. «Литературную газету», № 42, стр. 9. «Кому выгодно?».

ИНДОНЕЗИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

НОВЫЙ ПОХОД РЕАКЦИИ ПРОТИВ ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ

20 лет тому назад у подножия вулкана Лаву на Центральной Яве в бою погиб генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Индонезии Маноаар Мусо. Незадолго до его гибели индонезийской реакцией была расстреляна большая группа руководящих деятелей компартии во главе с членом Политбюро ЦК КПИ, бывшим премьер-министром Индонезии Амиром Шарифуддином. Десятки тысяч коммунистов были убиты и замучены в застенках. Эти кровавые события, получившие название «мадиунских», открыли список преступлений индонезийской реакции перед собственным народом.

События тех далеких дней невольно приходят на память в эту тяжелую для индонезийской республики годину испытаний. Более чем три года отделяют нас от трагических событий 30 сентября 1965 года, когда силы внутренней реакции Индонезии вновь обрушили на коммунистов и других патриотов оружие террора. На этот раз реакция не ограничилась расстрелами руководителей компартии и ее функционеров. Три года она методически проводит линию на «полное физическое искоренение» коммунизма в стране. К сотням тысяч патриотов, убитых в конце 1965 — начале 1966 года, летом — осенью текущего года прибавились новые жертвы.

В начале октября столица Индонезии Джакарта вновь напоминала военный лагерь: по улицам с грохотом проносились бронетранспортеры и грузовики с солдатами. Столь же воинственно была настроена и реакционная пресса. Поводом для очередного приступа истерии послужили провокационные заявления центральных властей о том, что коммунисты якобы намерены «устроить беспорядки» в столице, приурочив их к третьей годовщине событий 30 сентября.

2 октября после специального заседания кабинета министров с участием руководителей законодательных и консультативных органов президент Индонезии генерал Сухарто официально отклонил просьбу о помиловании приговоренных к смертной казни коммунистов и других демократов. Среди них — известные деятели коммунистического и рабочего движения Индонезии, члены Политбюро ЦК КПИ товарищи Ньоно и Судисман.

Итак, налицо новое массированное наступление на национально-патриотические силы страны. О том, насколько далеко идут планы индонезийской реакции в ее стремлении вытравить все прогрессивное из политической и общественной жизни общества, свидетельствует недавний допрос находящегося под домашним арестом бывшего президента Индонезии Сукарно. Его обвиняют в тайной подготовке антиправительственного заговора. Нынешние власти намерены учинить расправу над Сукарно, которого, как они сами заявляли три года назад, «спасли» от так называемого «коммунистического заговора»! Представители военных властей заявили, что они не исключают возможности суда над бывшим президентом республики. Так, продолжая террор и репрессии против коммунистов, индонезийская реакция вместе с тем стремится разделаться со всеми теми, кто отстаивает прогрессивные идеи, кто не согласен с проводимым правительством Сухарто политическим курсом, кто требует возвращения Индонезии на путь свободы, демократии и независимости.

Руководители нынешнего режима в Индонезии не упускают случая поразглагольствовать о намерении проводить независимую внешнюю политику, о стремлении сохранить нормальные отношения с социалистическими странами. Но это только слова. В опубликованном 11 октября Заявлении ЦК КПСС справедливо говорится о том, что «в Индонезии берут верх те силы, которые стремятся осложнить отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами, похоронить традиционную дружбу между индонезийским и советским народами с тем, чтобы снискать благосклонность империалистических держав и заслужить признание со стороны самой черной реакции».

Налицо явное сближение с империалистическими державами, и прежде всего с США. Оптом и в розницу идет распродажа национальных богатств страны. На днях еще 84 западные фирмы получили право на эксплуатацию природных и людских ресурсов Индонезии. Страна связана по рукам и ногам займами и кредитами, предоставленными США и другими империалистическими государствами.

Несмотря на многочисленные публичные опровержения индонезийского правительства, Индонезия постепенно втягивается в сферу военно-политических интересов Запада. В кулуарах внешнеполитических ведомств муссируется вопрос о возможности участия индонезийских солдат в подавлении национально-освободительного движения народа Вьетнама. Но царящие в стране террор и беззаконие свидетельствуют не о силе, а о слабости индонезийской реакции.

Б. ВЕТИН

ВЫСОКАЯ ЦЕНА

Ниже мы перепечатываем с небольшими сокращениями статью, опубликованную в газете «Рэнд дейли мейл».

Президент Конго Жозеф Мобуту живет в лагере парашютистов на высотах горы Стэнли с видом на Киншасу. Его резиденция находится неподалеку от штаба его армии, состоящей из 30 тысяч человек.

Мобуту наложил строгие ограничения на всякую политическую деятельность. Он контролирует единственную политическую партию, которой позволено существовать.

Однако это не признак силы Мобуту. Правительство состоит из гражданских лиц, но прежде всего Мобуту должен удовлетворить желания армейских генералов и полковников. В свою очередь они гарантируют его пребывание на посту президента. Цена этой гарантии высока.

На армию уходит значительная часть правительственных доходов. Более того, отдельные армейские подразделения, расквартированные в глубине страны, часто находящиеся вне контроля командования армии, взимают налоги, эксплуатируют местное население и пользуются репутацией бандитов.

Иностранные государства, которые оказывают помощь армии Мобуту (американцы поставляют все снаряжение, бельгийцы обучают пехоту, израильтяне — парашютистов, итальянцы готовят летчиков), надеются, что армия представляет эффективную силу в Конго. Однако по большей части эти надежды не оправданы. Мобуту опасается, что если бы он попытался произвести в армии реформы, они вызвали бы быстрые ответные репрессалии со стороны тех самых людей, от которых он зависит.

Для оживления обширных внутренних районов, понесших убытки в результате 8 лет насилия и запущенности, сделано мало. Правительство не способно править страной.

БУНДЕСВЕР ОБРАЗЦА 1968 года. Не правда ли, эти тупые и мрачные физиономии западногерманских солдат невольно воскрешают в памяти облик воин гитлеровского вермахта образца 1938 года?

ЛЕВ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ВЕГЕТАРИАНЦЕМ

Вот уже второй месяц колесит по столицам стран — участниц Общего рынка Диори Амани. В этой поездке он выступает не только как президент Республики Нигер. Амани, исполняющий обязанности председателя Общей афро-малагасийской организации (ОКАМ), защищает сейчас интересы этого имеющего в целом профранцузскую ориентацию союза. Европейский вояж Амани должен стать прелюдией к возобновлению так называемой Яундской конвенции 1963 года об ассоциации 18 африканских государств с Общим рынком. Срок ее действия истекает в мае будущего года.

В то время как Амани жал руки своим европейским коллегам, самими афро-малагасийскими странами был издан статистический сборник, подводящий итоги пятилетнего сотрудничества с европейским Общим рынком.

Со времени заключения соглашения, говорится в документе, только 4 процента капиталовложений, направляемых в Африку «шестеркой», пошло на создание промышленных объектов.

Согласно данным, приводимым в сборнике, ассоциация с Общим рынком привела к увеличению ввоза в Африку промышленных товаров, но не обеспечила одновременного вывоза в Европу сельскохозяйственной продукции и сырья, производимых африканскими странами. При этом, как отмечается в документе, цены на промышленные товары продолжали расти, а стоимость сырья — падать.

Экспорт стран Африки в страны европейского Общего рынка, указывается в сборнике, возрос по стоимости за период с 1964 по 1966 год только на один процент, а в 1967 году на столько же упал.

Не трудно заметить, что подобное «сотрудничество» сильно смахивает на союз лошади и наездника. На пороге возобновления соглашения Амани призывает руководителей Общего рынка «взглянуть на нужды африканских стран под иным углом зрения», склоняя их пойти на незначительные уступки.

Но не похоже ли это на попытку склонить льва к вегетарианству?

А. МИРОВ

БАТИСТА НАПОМИНАЕТ О СЕБЕ

Широкое, скуластое лицо, кривая усмешка и мрачный взгляд чуть раскосых глаз... Фотографии этого человека после почти десятилетнего перерыва снова замелькали на страницах американских газет.

В самом начале 1959 года история безжалостно скинула этого человека с политической сцены. Но Фульхенсио Батиста, бывший президент Кубы, верный американский лакей, кровавый палач кубинского народа, никак не желает мириться с унизительным эпитетом «бывший». Он хотел бы снова заставить других говорить о себе в настоящем времени.

Впервые он напомнил о себе три года назад. В 1965 году семь выходящих в Нью-Йорке газет перешли в руки людей, объединенных лютой ненавистью к Кубе. Создание «газетного пула» ставило перед собой задачу расширить холодную войну против острова Свободы. Нет надобности указывать, что именно Батиста возглавил это «содружество ненависти». Один из приобретенных им органов печати, еженедельная газета «Эль тьемпо», руководимая американцем Стэнли Россом, своим истерическим голосом выделяется даже из общего хора американской печати, питающей ненависть к революционной Кубе.

Сейчас имя Батисты — снова на газетных полосах. Только что он призвал Вашингтон организовать новое вторжение на Кубу. Он заявил, что для правительства США пришло время «пересмотреть» обязательства, взятые в октябре 1962 года.

Конечно, неспроста напоминает о себе своим хозяевам стреляный воробей Батиста. Он безошибочно чувствует, что проводимая ныне Вашингтоном политика, направленная на обострение международной обстановки, достигла той стадии, когда он снова может оказаться в фаворе.

В. ГЕРМАН

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ 68-го ГОДА

По установившейся и очень давней традиции решение о присуждении Нобелевской премии по литературе оглашает постоянный секретарь Шведской академии. Ровно в полдень 17 октября распахнулись белые двустворчатые двери кабинета секретаря. Его хозяин Карл Рагнар Гиерое объявил журналистам:

— Шведская академия избрала лауреата Нобелевской премии по литературе на этот год. Решено присудить премию японскому писателю Ясунари Кавабате. Мотивировка решения размножена на ротаторе, вы найдете ее на столе.

Пока Гиерое произносит эти слова, заглушаемые стрекотом кинокамер, его помощники уже раскладывают на большом круглом столе пачки листочков с мотивировкой решения академии. Кавабата получил Нобелевскую премию «за писательское мастерство, которое с большим чувством выражает суть японского образа мышления».

Писателю сейчас 69 лет. Из его произведений шведские литературные критики выделяют три романа: «Снежная страна», «Тысяча журавлей» и «Киото, или молодые влюбленные в старой императорской столице».

Решение Шведской академии, вынесенное в этом году, достаточно примечательно. Статистика Нобелевских литературных премий показывает, что в течение почти семи десятилетий эта награда лишь однажды — 55 лет назад — была присуждена представителю азиатских литератур Рабиндранату Тагору. Ясунари Кавабата заявил представителям шведской печати:

— Это, конечно, случай, что именно я получил премию. Но сегодня радуются все японцы. Ведь Нобелевская премия по литературе никогда раньше не присуждалась японцу.

СТОКГОЛЬМ. (По телефону)

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

В. ШЛЯПЕНТОХ,
доктор экономических наук

ОТКУДА БЕРУТСЯ «РЕШИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ»?

Последнее время, особенно в связи с хозяйственной реформой, немало разговоров вокруг материального стимулирования. Это в общем-то естественно: материальные формы поощрения важны и в некоторых случаях имеют, пожалуй, решающее значение. Однако не менее перспективны и иные формы стимулирования людей к активной деятельности.

Я хочу обратить внимание читателя на одну глубоко присущую человеку особенность, о которой мы, к сожалению, очень часто забываем, когда говорим о необходимости воспитывать у наших инженеров, хозяйственников дух творчества, новаторства. Речь пойдет о роли... игр в жизни человека и общества.

По результатам многих обследований, игры притягательной силой своей уступают лишь кинофильмам и чтению. Они всюду нас окружают, по-разному задевают, по-разному влияют на нашу жизнь. Не думаю, что склонность к ним — некий пережиток, который в новых социальных условиях должен исчезнуть так же, как вера в бога. Опыт нашего общества показывает, что интерес к играм — нечто очень устойчивое.

Математики уже давно попытались посмотреть на мир сквозь призму игры. Созданная ими теория игр оказалась во многих случаях удобным методом описания самых различных ситуаций: от выбора структуры посевных площадей («игра» человека с природой) до политических и военных конфликтов. Но сейчас нас интересует иной аспект. Мы обратили внимание на математическую теорию игр только для того, чтобы подумать о некоторых сторонах человеческой деятельности, очень важных для экономиста и вообще для человека, управляющего производством.

Элементом любой игры (будь то шахматы или домино, карты или футбол) является принятие решения ее участником. Вся привлекательность именно в том, чтобы принимать решения, воздействовать на ход событий, «испытывать судьбу». Если хотите, — разумно рисковать! Но всякий ли готов к этому? Я не спрашиваю: умеет ли, нет, ощущает ли он потребность принимать решения?

Всем нам хорошо известно, что склонность к принятию деловых решений, а тем более связанных с риском, отнюдь не широко распространена. В разных сферах народного хозяйства любой из нас сталкивается с работником, стремящимся переложить тяжесть принятия решений либо на подчиненных, либо на начальников.

Было бы неверным объяснять боязнь ответственности, баснословные количества виз, которых требуют иные руководители, только бюрократическими их наклонностями. Нельзя не учитывать по крайней мере еще два фактора. Во-первых, отсутствие на некоторых должностях людей, не только умеющих, но и любящих принимать решения. И, во-вторых, отсутствие условий, которые стимулировали бы работника принимать решения невзирая на риск.

Начнем с первого фактора.

Люди, способные принимать решения. Да это же «решительные люди»! А ведь словосочетание подверглось инфляции и потеряло первозданный смысл.

Но почему все-таки «решительных людей» не хватает? Думается, в значительной мере и потому, что их не всегда ценят, не все и не всегда осознают потребность в них.

Способность принимать решения, как и любая способность, зависит не только от профессиональной подготовленности, уровня знаний, но и от биопсихологических особенностей человека, и от обстоятельств.

Принять решение — не что иное, как умение выбрать один вариант из многих. Чтобы выбор был оптимальным, чтобы решение было компетентным, нужно обладать соответствующей информацией. Но с информацией пока не все обстоит лучшим образом. К сожалению, многие решения мы вынуждены принимать в условиях неполноты сведений о ходе дела. И тот, кому недостает необходимой воли или энергии, или просто склонности к действию, всегда будет терзаться сомнениями. Будет действовать нерешительно.

Для воспитания в человеке потребности принимать решения как раз и нужны игры. Раньше других это поняли военные. Военные игры в учебных аудиториях и на полях уже давно стали, помимо всего прочего, и школой, где воспитывается умение действовать быстро и четко.

А почему не воспользоваться этим опытом на гражданской ниве?

Давным-давно следовало бы в вузах готовить инженеров, экономистов и других специалистов народного хозяйства с помощью разнообразных экономических игр. Серия лабораторных занятий по некоторым дисциплинам может свестись к «играм»: студент будет принимать все новые и новые решения, реагируя на поступающую к нему свежую информацию.

Кстати, такой метод широко распространен за рубежом в учебных заведениях, специально готовящих руководителей предприятий и фирм. В Осиро в статье «Как учат в школе бизнеса» («ЛГ» № 41) привел любопытный пример подобной игры, в которой он и сам участвовал, проходя стажировку в Высшей школе делового администрирования при Гарвардском университете. Разумеется, социальные и экономические условия «игры» там совершенно иные, чем у нас, и мы не должны слепо копировать игровые ситуации, но сама методология безусловно заслуживает внимания.

Для того чтобы работник не «тянул резину», не требовал бесконечных виз и согласований, необходима известная степень его самостоятельности, автономии в действиях. Только так можно выявить его способности к управлению производством.

Вот тут-то я и хочу поговорить о моральном стимулировании людей, занятых в сфере управления производством, — стимулировании к инициативной, энергичной, истинно творческой деятельности.

Управление для определенной категории людей само по себе является источником удовлетворения. Социалистическое общество должно максимально использовать склонность человека к решительности, к действию, к риску и тем самым к утверждению своей личности. У нас это стремление приобретает иной смысл, нежели в капиталистических странах, ибо для человека, воспитанного в коллективистских идеалах, наиболее значительными становятся не действия, связанные с его личными успехами (хотя и они играют известную роль), а решения, способные оказать благотворное влияние на развитие общества, его экономику, его культуру. И в этом смысле сама возможность проявить решительность, самостоятельность является очень эффективным моральным стимулом.

Здесь мы вынуждены затронуть проблему соотношения централизации и самостоятельности предприятий в социалистическом хозяйстве.

Обычно подчеркивают, что децентрализация в принятии решений приносит выигрыш, ибо центр даже с помощью вычислительной техники не в состоянии быстро собрать и переработать всю информацию, поступающую с мест. Преимущество самостоятельности в действиях предприятий, объединений и других ячеек народного хозяйства тут неоспоримо. Но оно не является единственным и самым важным. В конечном-то счете можно рассчитывать, что в недалеком будущем вычислительная техника сумеет достаточно перерабатывать информации. И проблемы тут не будет. Важен иной, психологический, аспект. Недаром людям, которым поручают ответственную и срочную работу, как правило, предоставляют максимальную свободу в выборе средств. Руководствуются при этом не только тем, что данный человек наиболее компетентен в выборе способов решения, но и тем еще, что предоставление свободы действий создает особый психологический климат, увеличивающий творческие возможности.

Нельзя не учитывать и еще такое обстоятельство. Один крупный ученый как-то бросил в шутку, что рекомендации ЭВМ люди станут выполнять охотнее, нежели советы коллег, ибо тут их самолюбие не будет задето. Эта шутка, по сути, очень верна и важна.

Предоставление максимальной самостоятельности специалистам, руководителям производства — важнейший резерв ускорения нашего экономического и технического прогресса. Социалистическое общество способно решать эту задачу осознанно, стремясь не только к повышению благосостояния народа, но и к расцвету человеческой личности, что само по себе является важнейшей целью нашего государства.

Однако решение этой задачи отнюдь не просто. И дело даже опять-таки не в каких-то бюрократических извращениях или в стремлении отдельных лиц ограничить самостоятельность и инициативу хозяйственников. Тут причины более глубокого и принципиального характера.

Прежде всего нужно заметить, что самостоятельность в принятии решений оправдывает себя лишь в том случае, когда существует хорошо отработанная система критериев, позволяющая обществу достаточно оперативно и четко оценить, сколь эффективна деятельность человека, и своевременно заменить малоспособных работников более способными. Но если нет четких и объективных критериев, то самостоятельность руководителя может обернуться произволом. И тут есть известная опасность. Смысл экономической реформы состоит и в том, что она позволяет более объективно, чем прежде, установить истинную ценность хозяйственных руководителей всех уровней.

Наконец, следует подумать и о другом важнейшем аспекте нашей проблемы. Самостоятельность отдельных ячеек общества способствует развитию инициативы и добросовестности в работе. Это ясно. Но обществу не менее важно координировать действия всех этих ячеек. Независимо от того, сколь насыщены эти ячейки вычислительной техникой. Человечество выработало разные способы координации. Огромное достижение социалистического общества — согласованность действий его членов с помощью централизованного планирования.

Важные преимущества такого планирования перед другими способами координации, например рыночным механизмом, признаны уже и в развитых капиталистических странах, и там уже делаются энергичные попытки внедрить государственное планирование, несмотря на те препятствия, с которыми оно сталкивается в условиях господства частной собственности на средства производства.

Многим из нас теперь ясно, что жестко централизованное планирование, исключающее автономию ячеек народного хозяйства, не может быть достаточно эффективным. Экономическая реформа имеет одной из целей отыскать оптимальное соотношение между централизмом и самостоятельностью предприятий. И тем более нужны сейчас люди, способные принимать решения. Но как их готовить? Давайте подумаем. Памятуя при этом, что любой техникой, а тем более электронно-вычислительной, должны управлять решительные люди, что ЭВМ — лишь средство управления. Потому-то давайте к играм отнесемся серьезно. Ибо склонность к ним человека можно и должно использовать на благо нашему социалистическому обществу.

ВЫПИСЫВАЙТЕ, ЧИТАЙТЕ
ТРУД
ЦЕНТРАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ СОВЕТСКИХ ПРОФСОЮЗОВ!

НАД ТИССОЙ

Административный центр колхоза «Пограничник»

Пастбище над Тиссой

Если вы попадете в наш колхоз ранней осенью, обязательно остановитесь на окраине села Бобового. Вы увидите стогектарный сад, колхозные огороды, плантации винограда. Но не только фрукты, овощи и табак приносят артели высокие доходы. Гордимся мы своим животноводческим городком. Это поистине механизированная фабрика молока и мяса. В прошлом году артель получила более полутора миллионов рублей доходов.

Земли колхоза «Пограничник» расположены вдоль советско-венгерской границы. Трудятся в хозяйстве колхозники разных национальностей: русские, украинцы, венгры. Частые гости у нас — земледельцы из братских социалистических стран: Венгрии, Чехословакии, Румынии. Мы охотно делимся с друзьями нашими «секретами» и в свою очередь с большим интересом изучаем их опыт.

Заседание правления

Теплый вечер

Габор Тоот, ветеран колхоза

Побочный промысел

Коллективный труд дал нам уверенность в своих силах. Эта уверенность, помноженная на знания, сделает нашу жизнь еще зажиточней, счастливей и радостней.

Антонин БИРОВ,
председатель колхоза «Пограничник», депутат Верховного Совета УССР
Фото А. ГЕРИНАСА

РЕПЛИКА

Г-н ТИДМАРШ СПИТ И ВИДИТ...

Ранним утром при въезде в уездный город видавший виды Остап был поражен необычной картиной. Из бревенчатого домика выбежав почтенный господин с седыми бакенбардами, в солдатских подштанниках и с шаляпинскими интонациями в голосе воскликнул:

— Чур, меня, чур!

Господина мучили кошмарные сны. Он был монархистом и каждую ночь во сне видел советский строй. Остап, с присущей ему проницательностью, сразу понял, нам можно вылечить страдальца. Надо устранить причину болезни, сказал он. А причиной этой является само существование советского строя, о конце которого монархист мечтал денно и нощно. Но Остап был реалистом и откровенно признался почтенному господину, что в данный момент устранить причину он, увы, не может. К тому же выводу и до, и после него приходили многие. И все же мечтатели вышеописанного толка не перевелись.

Специальный корреспондент лондонской «Таймс» Кириля Тидмарш прочитал серию статей в «Литературной газете» о Колыме. В ней группа советских журналистов рассказывала о достижениях наших «золотопромышленников», о большом строительстве в отдаленных северных районах страны, о радостях, заботах и горестях людей, здесь живущих. Кириля Тидмарш пытается увидеть в статьях то, чего там нет: ни много ни мало — частнособственнические тенденции в нашем народном хозяйстве. Золотодобывающая промышленность использует систему частнопредпринимательских групп, утверждает К. Тидмарш. Так говорит он об артелях, бригадах старателей, которые создает дирекция прииска для работы на тех участках, где технику нельзя использовать широким фронтом.

Члены этих бригад, писалось в статьях «ЛГ», как и все остальные рабочие, состоят в приисковой профсоюзной организации. Бригада ведет все работы по договору с прииском, всю продукцию передает по государственным ценам предприятию, на вырученные деньги покупает машины, необходимые для работы, а остаток распределяет по труду между своими членами. Где же углядел К. Тидмарш здесь частнопредпринимательскую инициативу? Следуя такой логике, можно ошарашить доверчивого читателя и более хлесткой сенсацией.

В нашей стране существуют тысячи предприятий (колхозов), они продают продукцию государству и все расширенное воспроизводство ведут за счет своей выручки. Почему бы корреспонденту «Таймс» и колхозы не причислить к частнопредпринимательским группам? Картина «сближения» капиталистической и социалистической экономики была бы убедительнее, не так ли? Ну, а то, что это не соответствует действительности, что во всех упомянутых случаях речь идет исключительно о хозрасчетных отношениях в социалистической экономике, это, видимо, не волнует ни К. Тидмарша, ни редакторов «Таймс».

Не все еще складно на Колыме, пишут советские журналисты. На базаре стоит «частник» и торгует цветами втридорога. И люди вынуждены покупать, потому что торговые организации безынициативны и упускают из своих рук в руки ловкого «частника» то, чем могли бы торговать сами. Никто на собрании с этого «частника» прогонять с рынка. Но все понимают, что в этом — прямой укор нашим торговым работникам. Однако К. Тидмарш со слезами умиления устремляется к этому «цветочнику» и уверяет — вот он, будущий советский бизнесмен! Но будьте хоть сколько-нибудь разумны, господа! Неужели вы и в самом деле считаете, что такое вот «частное предпринимательство» может иметь хоть какое-нибудь влияние на нашу экономику?!

Мечты К. Тидмарша того же свойства, что и мечты его предшественника — уездного монархиста-одиночки. И вместе с ним до такого же уездного уровня мышления снизошла газета «Таймс».

Г. ЛИСИЧКИН,
кандидат экономических наук

Михаил ШКЕРИН

ЭКСПЕРИМЕНТ

2. Еще совсем недавно в Подмосковье мечтали о стопудовых урожаях, то есть о 16—17 центнерах зерна с гектара в среднем. Земли тут суглинистые, за тысячу лет сильно «изношенные». С них много спрашивали и мало их удобряли. Да и обрабатывали не лучшим образом. Севообороты то и дело нарушались. 6—8 центнеров с гектара — вот какие урожаи были в тех колхозах, на базе которых создан совхоз. И его первый урожай в 1961 году был таким же. По пословице: «Ни кожи, ни рожи, ни шерсти, ни молока».

И «вдруг» в минувшем, 1967 году совхоз собрал по 30,6 центнера с гектара в среднем!

Но, конечно же, случилось это не вдруг. За предшествующие семь лет тут проделана огромная подготовительная работа. Тщательно исследованы почвы на всех полях, введены строгие севообороты, ежегодно вывозилось столько органических и минеральных удобрений, сколько требовали агрономы. Ну, и вспашка, и сев, и все другие виды полевых работ производились в лучшие агротехнические сроки.

Впрочем, все это относится только к последним трем годам, а в первые четыре было больше горя, чем радости.

Хоть и задуман этот совхоз как опытный, образцовый, как «проба» на будущее; хоть и машины ему дали первоклассные, и кредитами не обижали, но господствовавший в те годы «шаблон» сильно мешал делу. На больших площадях сеяли культуры, себя не оправдавшие. Случалось, по тысяче гектаров посевов перепахивали и заново засевали другими культурами. А на корм скоту закупали и везли из-за тридевяти земель солому. Ну, и уж, конечно, какое там молоко с соломы! Хоть бы коров до весны сохранить. Полный разор.

Образовался своеобразный «заколдованный круг». Чтобы увеличить сбор зерна и кукурузы на силос, нужно расширять и расширять посевы — даже за счет распашки лугов и пастбищ. А чтобы обеспечить скот подножным кормом и сеном, нужно расширять и расширять пастбища и сенокосы. Одно исключает другое. И казалось, нет разумного выхода из этого «заколдованного круга», не хватает земли.

Все, кто следил за развитием земледелия и животноводства в стране до 1965 года, знают, что в таком положении был не только совхоз «Заря коммунизма».

В 1963 году главный агроном совхоза Сергей Михайлович Скоряков побывал в Финляндии. Очень ему понравились там так называемые культурные пастбища. Слыхал он, что такие же были и в наших прибалтийских республиках. Скот пасут на сеяных травах. Один участок вытравят, на другой свот перегоняют, потом — на третий, четвертый, пятый. А тем временем трава снова подрастет на первом участке. Этакий зеленый конвейер.

Год спустя ознакомился с культурными пастбищами в Прибалтике директор совхоза А. А. Гуманюк. Но едва ли удалось бы перенять этот опыт, если бы не известные решения партии по вопросам сельского хозяйства, принятые в последние годы.

Направление было выбрано верно: руководители совхоза сократили площадь посева зерновых сначала на двести, а потом в конце концов и на шестьсот гектаров и пустили эти земли под культурные пастбища и сенокосы. Уменьшенные площади посева лучше удобрили и лучше обработали. И вот общий результат: в минувшем, 1967 году средний урожай зерновых — 30,6 центнера с гектара, а средний удой — 4 318 килограммов от каждой коровы — на 867 килограммов больше, чем за предыдущий год. И это при резком увеличении поголовья коров!

За средними цифрами, как и всегда, скрываются низшие и высшие производственные показатели. Я хочу выставить напоказ высшие — они необыкновенны, особенно в земледелии. В Шишкинском отделении на одном участке собрали ячменя нового сорта «Московский-121» по 47,4 центнера с гектара, а в Заборьевском пшеницы «Мироновская-808» — по 50,1 центнера с гектара! И не на кровечных участках, а в первом случае с площади 52 га, во втором — 69 га.

Это — событие, и не единичное.

Вот свежие сообщения из разных районов страны. В Мордовии колхоз «Россия» собрал в этом году по 40 центнеров пшеницы с гектара; в Казахстана колхозы имени Ильича и «Алма-Ата» — по 47 центнеров; на Кубани целые районы вырастили почти по 40 центнеров пшеницы, а десятки хозяйств — по 45—50 центнеров.

Стало быть, успех совхоза «Заря коммунизма» — не случайность, а показатель общей зрелости культуры нашего земледелия. В нынешнем году тут почти не было дождей. В прежнее время при таких обстоятельствах и убирать было бы нечего, в ныне выращен первоклассный урожай почти на уровне прошлогоднего.

Так давайте помечтаем: а что если распространить опыт таких передовых хозяйств, как «Заря коммунизма», на всю страну? Прикидка вполне законная. Если на бедных землях Подмосковья, где привыкли к урожаям в 6—10 центнеров с гектара, можно вырастить 50 центнеров, то почему нельзя достигнуть таких результатов на более плодородных землях других районов страны? Условимся: на лучших почвах добиваться урожая в 50, а на худших — в 20 центнеров с гектара в расчете на средний урожай по стране в целом в 30 центнеров. Это как раз то, чего добился коллектив «Зари коммунизма» на своих суглинках.

Но я слышу возражение: одно дело — в одном совхозе, да еще в образцовом, другое — в целом по стране. Где взять столько сил и средств, чтобы все посевы удобрить и обработать так, как в «Заре коммунизма»? Маниловщина!

На это возражение есть ответ: лучше меньше, да лучше.

Посевы зерновых в последние годы у нас держатся на уровне примерно 122—125 миллионов гектаров при средней урожайности 12,1 центнера с га (1967 г.). Попробуем засеять меньше — ну, скажем, 100 миллионов, а силы и средства, сэкономленные от «непосева» 25 миллионов га, — очень значительные! — употребим на закупку и вывозку на поля удобрений, на лучшую обработку в лучшие агротехнические сроки посевов и на доброкачественную уборку урожая.

Разумеется, все это можно сделать на сразу, не вдруг, не в один год, а поэтапно, предположим, за пять—семь лет. За этот срок и производство удобрений намного увеличится.

И вот — 30 центнеров зерна с каждого из 100 миллионов га посевов. Это 300 миллионов тонн — примерно вдвое больше того, что мы имеем ныне со 125 миллионов гектаров. Такого количества зерна в год нам хватит для потребностей не только нынешних, а и завтрашних — с учетом прироста населения до конца XX века.

Такая перестройка земледелия благотворно воздействовала бы и на развитие животноводства в стране. Высвобожденные из-под непроизводительных посевов зерновых культур земли с избытком обеспечат разнообразными кормами вдвое больше скота, чем у нас есть ныне, и позволят поднять удои по крайней мере до того уровня, какого достигли в минувшем году в «Заре коммунизма» и в других передовых хозяйствах страны, то есть более чем вдвое.

Вот на какие размышления наталкивает опыт совхоза «Заря коммунизма». Не то важно, какие тут жилые дома построены, а то, что на подмосковных суглинках выращен сказочный урожай, что высвобождено более 600 гектаров под культурные пастбища и сенокосы, решена проблема кормов и резко подняты удои. Этот эксперимент открывает заманчивые перспективы.

Окончание. Начало см. «ЛГ», № 42.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Илья ФОНЯКОВ

«Раскалывая топором доску, я рассек себе ногу. Сидел на лавке за столом и хныкал.

— Ин-тел-ли-ген-ция, — длинно растягивая слово, проговорил дед.

Я не знал, что означает это слово, но оно меня обижало».

Так начинается повесть моего земляка и товарища Василия Коньякова «Цвет солнечных бликов». Я люблю эту повесть, вышедшую лет шесть назад. Люблю прежде всего за точность деталей. Что говорить, и мне знакома интонация, с которой произносит слово «интеллигенция» вовсе не злой, даже мудрый по-своему деревенский дед! А все-таки, «что означает это слово»!

ВСПОМИНАЮ строки в горьковском «Коновалове»: «...Нет такой болячки, которую нельзя было бы найти в сложном и спутанном психическом организме именуемом «интеллигент»...

Вспоминаю стихи современного поэта:

Широкоплечие интеллигенты —
Производственники, фронтовики,
Резина, слоено у плотников, жесты,
Каменное пожатье руки...
Тяжелорукие, но легконогие,
Книжки перечитавшие — многие,
Бревна таскавшие — без числа.
В бой на врага поднимавшие роту, —
Вас ожидают большие дела!
Крепко надеюсь на вашу породу.

И вот недавно — очень точные слова, прозвучавшие с трибуны учительского съезда: о том, как важно, «чтобы школа давала не только сумму конкретных знаний, но и учила делать самостоятельные выводы на базе этих знаний, прививала молодежи навыки творческого мышления».

Стране нужны люди широкого кругозора, способные «делать самостоятельные выводы». Нужны интеллигенты.

1. Недавно у меня умер близкий родственник.

Случилось так, что впервые мы встретились всего несколько лет назад. Тогда, в первый мой приезд в Абакан, и запали мне в память слова хакасского поэта Михаила Кильчичакова:

— Так вы родственник Белоусовых? О, это самая интеллигентная семья во всей Хакасии. Можете гордиться!..

На главной улице хакасской столицы растут большие раскидистые деревья. Белоусовы знали их еще тоненькими и жалкими прутиками, глядя на которые никак невозможно было поверить, что из них может вырасти что-нибудь путное. Да и сам город—разве таким он был? Двухэтажные, обмазанные глиной дома бывшего треста «Хакасзолото», в одном из которых и поныне занимает крохотную двухкомнатную квартирку вдова, были тогда самыми большими и солидными в Абакане.

Люди тянулись друг к другу. И таким, как Белоусовы, — интеллигентам, ленинградцам, петербуржцам даже, если хотите, — приходилось быть, помимо основной работы, еще и филармонией, и лекторием, и местной секцией Всероссийского театрального общества. В квартире их и сейчас стоит заслуженное пианино старинной марки с изображением золотых медалей на внутренней стороне крышки, с бронзовыми подсвечниками. Предназначенное явно для того, чтобы украшать собой богатую гостиную, оно путешествовало с хозяевами по стране, побывав всюду, куда бросала инженера-горняка судьба: Миасс, Усть-Каменогорск, Абакан, дальний прииск Знаменитый, снова Абакан. И всюду гуляли по черно-белой дорожке его клавишей — сперва неуверенно, потом все тверже — тонкие пальчики ребятишек, учеников Екатерины Михайловны, тети Кати пригодилось домашнее музыкальное образование!

Театральный кружок ставил извечный самодеятельный репертуар: чеховские «Предложение» и «Медведь», из Островского — «Женитьбу Бальзаминова». Тетя Катя приглашала постановщиков, распечатывала на машинке роли, играла сама — обычно старух или отрицательные женские типы. То, от чего отказывались капризные самодеятельные премьерши.

А Дмитрий Михайлович, дядя Митя, не опасаясь уронить престиж главного инженера треста, кроил, как было в те годы заведено, праздничные монтажи из стихов советских поэтов, выступал с докладами о Маяковском, сам писал стихи и публиковал их в «Советской Хакасии». Он владел пером: еще ранее его охотничьи рассказы печатал Ефим Пермитин, редактировавший тогда в Новосибирске интереснейший журнал «Охотник и пушник Сибири».

Я перечитал эти рассказы — тонко, изящно, может быть, не во всем самостоятельно, но автор их явно мог бы претендовать и на книжку в издательстве. Только ему это и в голову не приходило.

Считалось, представьте себе, естественным, что человек интеллигентной профессии, будь он академик или рядовой инженер, может изложить имеющиеся у него за душой сведения, наблюдения и мысли не только грамотно, но и увлекательно, с известной долей художественности.

Это было необходимым компонентом интеллигентности. О каком-нибудь талантливом, но косноязычном математике или химике говорили как о забавном феномене.

2. Склоняю перед вами голову, дорогие мои современники, запустившие первый спутник и спроектировавшие Красноярскую ГЭС.

Отдаю должное широте наших интересов — я знаю, что лучшую аудиторию для вечера поэзии, чем студенты технического вуза, представить себе трудно.

На полках моей домашней библиотеки стоят книги стихов и прозы, написанные геологами, химиками, физиками, инженерами самых разных специальностей.

Но, простите меня, я знаю и другое.

В свое время через мои руки, руки литсотрудника областной газеты, прошло немало сухих, суконных и не всегда грамотно написанных статей, принадлежавших порой очень неплохим, если не отличным, специалистам: инженерам, врачам, кандидатам и докторам наук, в том числе, увы, и филологических. Вспоминаю, как на глазах у меня один академик с карандашом в руках старательно «засушивал» стенограмму своего блестящего публичного выступления, превращая его в статью для областной газеты:

— Неудобно, знаете, как-то перед коллегами...

Стало принято, как видите, порой даже стесняться умения излагать свои мысли ярко и увлекательно! Почему? Объективных причин много, в том числе и исторического свойства. Ни одной стране в мире не приходилось в столь короткие сроки готовить столь многочисленную армию специалистов, людей интеллигентных профессий. Но массовость заставляла зачастую жертвовать одним из важнейших качеств интеллигента: универсальностью. Главное — постигнуть необходимое, практически приложимое, прочее, так сказать, — факультатив. Меня легко обвинить в известном упрощении. И все же, наверное, не случайно литераторам пятидесятых годов (да и раньше) приходилось решать весьма своеобразную эстетическую задачу: один за другим представали перед нами на страницах стихов и прозы герои, которые в разговоре двух слов связать не могут, зато, мол, дела их рук говорят сами за себя...

3. Словечко «интеллектуализм», замелькавшее на страницах литературной печати где-то на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов, неспроста было вызвано к жизни. Неспроста вошли в ежедневный литературный обиход имена Эйнштейна и Ван-Гога, Пикассо и Хемингуэя. Кстати, пятое имя было бы уже трудно назвать: «интеллектуализм» был своеобразным «ячменным кофе», суррогатом интеллигентности. Ему нужен был некий общедоступный и легко усвояемый набор информации.

Недавно новосибирские социологи дали мне прочесть несколько сот заполненных анкет. Анкеты были, как и положено в таких случаях, анонимны. Меня заинтересовала графа о любимых и нелюбимых поэтах. Ответы несколько озадачивали, ибо среди сотен ответивших было, как мне показалось, крайне мало читателей с действительно свободным, нестандартным вкусом. В графе «любимые» резко преобладали два стереотипа: традиционный — «Есенин, Твардовский, Исаковский...» и новейший—«Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Цветаева».

Второй стереотип отличался особенной устойчивостью: как правило, именно эти четыре имени, и никаких больше. А почему, собственно? Я сам люблю этих четырех поэтов, каждого по-своему, как люблю и многих других, но почему все-таки такое единообразие? Почему, скажем, — хотя бы изредка — не Анненский, не Андрей Белый, не Ходасевич, не Волошин, коли уж такие мы интеллектуалы и эрудиты? Или, быть может, четверка поэтических имен служит в данном случае лишь некоей условной групповой меткой, паролем, маркой принадлежности к клану «интеллектуалов»?

Интеллигент внутренне широк, это одно из главных его качеств, — «интеллектуал» же, хотя и говорит много о свободомыслии, скован традициями кампании, моды, своеобразно понятого «хорошего тона»: не дай бог сказать доброе слово не о «том» писателе, не дай бог признаться, что ты зевал на фильме Антониони!

Думаю, что не надо объяснять: менее всего мне хочется в чем-то уязвить молодую (и не очень уже молодую) интеллигентную смену — тем более, что речь идет о моем поколении, о моих сверстниках. Она очень многочисленна, молодая интеллигенция. Она не была столь многочисленной никогда прежде. И она столь же многообразна, сколь и многочисленна. Я знаю в среде ее людей, поистине замечательных, сочетающих глубину знаний с не меньшей глубиной душевной чуткости, умение всегда и во всем оставаться самим собой — с обаятельнейшей скромностью и гражданской совестливостью. Напрашивается фраза: «И таких — большинство». Да, наверное. Но дело не в утешительных арифметических подсчетах. Каковы бы ни были результаты подсчетов, нам есть о чем задуматься — всем вместе.

4. Давно, еще «в старой», четырехполосной «Литературной газете», было напечатано письмо, до сих пор не идущее у меня из головы. С вызовом и даже некоторым упоением писал московский инженер Горлов о том, что в ответ на упреки друзей в эстетической неосведомленности он положил перед ними список изученных им за последние два года трудов по электронике и тем посрамил упрекавших; что вообще он «человек не «худлита», а кино»; что все сколько-нибудь значительные произведения литературы должны быть экранизированы, дабы занятой человек технического века мог за полтора часа узнать содержание толстой книги.

Во всем этом одно соображение серьезно: то, что растущий поток специальной информации все меньше оставляет человеку времени для проникновения в соседние области жизни. Это серьезное противоречие «внутри» прогресса. И выход из него едва ли будет найден без больших усилий и даже, увы, потерь. Но ведь автор письма не просто констатирует противоречие. Он упивается собой!

Я глубоко убежден: установка «лишь бы знать свое дело» ведет не просто к духовной однобокости, но и к гражданскому инфантилизму.

Видимо, все-таки подлинно интеллигентный ум не может не быть умом государственным—не по некоей обязанности, а по самой природе своей. Не может он ограничить масштабы своих помыслов собственным двором или кабинетом, участком или лабораторией. Не может не думать каждодневно «о путях России прежней и о сегодняшней о ней». Не может не соотносить с нею свои желания и поступки. Это, наверное, и называется чувством гражданской ответственности. Никем не предписанной. Кровной. Составляющей неотъемлемое свойство интеллигента. Недаром Пушкин, величайший лирик, столь многое понимавший в квантовой механике человеческих душ, был выдающимся государственным умом, даром что не занимал и не мог занимать сколько-нибудь существенной ступеньки в российской чиновной иерархии.

А когда, с другой стороны, я читаю ставшую хрестоматийной фразу о том, что «после Октября лучшая часть русской интеллигенции стала на сторону революционного народа», мне думается произошло так прежде всего потому, что это была настоящая, в полном и высшем смысле слова, интеллигенция: Блок, Брюсов, Павлов, Тимирязев, бесчисленные и безымянные учителя, врачи, инженеры. Были сложные, трагические фигуры, были и те, о ком сказаны уничтожающие злые слова Горького. Но больше было других. Они потеряли, если говорить о материальном благополучии, на первых порах. Но в том-то и дело, что были это люди, твердо убежденные в существовании ценностей превыше материальных благ. Великая национальная культура воспитала в них качества душевной тонкости, отзывчивости на чужую боль, самоотверженности: сперва — другим, себе — в последнюю очередь.

Они поднимали заводы и строили мосты, лечили людей и учили людей, культуртрегерствовали в свободное время, как дядя Митя и тетя Катя, со слезами на глазах отстаивали милых сердцу передвижников в спорах с новыми поколениями, принесшими новые художественные вкусы. Они праздновали вместе со страной и страдали вместе с ней.

ВОТ и дяди Мити не стало.

Тихо и достойно уходит от нас поколение интеллигентов, олицетворяющих собою живую и непосредственную связь классической национальной культуры и культуры новой, народившейся не только в огне сражений, но и в бурях духа.

Что сумели мы взять в наследство, что утратили безвозвратно, о чем еще не поздно вспомнить?..

ПОЧТА РЕДАКТОРА

Уважаемая редакция!

Хочу сообщить вашим читателям об одной любопытной находке. В нашем городе Белёве при впадении речки Белёвки в Оку обнаружен предохранительный латунный колпак от бризантной артиллерийской гранаты. Сам колпак, естественно, не представлял бы особой ценности, но на его наружной части резцом выгравированы следующие слова: «А. А. Фадееву от командира 551 артполка майора Карелина. Представители Вашего Союза, побывавшие на передовых позициях 23.02. 1942 во вверенном мне 551 арполку, провели беседы с бойцами и командирами, прочли свои произведения, тем самым еще больше воодушевили на разгром фашизма».

Интересно, кому из писателей или поэтов был вручен этот своеобразный сувенир, адресованный Фадееву? Кто скажет, почему сувенир не дошел до адресата?

Памятный колпак хранится сейчас в Белёвском краеведческом музее. Может быть, жив майор Карелин, и было бы интересно узнать от него самого историю этого воинского подарка. Работники музея просят также откликнуться тех писателей, которые приезжали в Белёв в грозные 1941 и 1942 годы или участвовали в освобождении города.

А. КУРТЕНКОВ,
член Совета краеведческого музея
БЕЛЁВ Тульской области

■

Уважаемый товарищ редактор!

В вашей газете («ЛГ», № 40) на первой полосе был опубликован фотоочерк А. Узляна «Чтобы сбылась ГЭС», в тексте которого цитируются мои стихи. Это было бы для меня весьма лестно, если бы не одно обстоятельство: к сожалению, я не «участник строительства Красноярской гидроэлектростанции», как меня там представили. Хочу разъяснить это недоразумение.

Я действительно около десяти лет — со времени своего приезда в Красноярск после окончания факультета журналистики МГУ — много писал о ГЭС. Но писать о строителях и быть строителем — не одно и то же. Легенда, которой отдал дань Узлян, пошла, по-видимому, от книги «Исполни на Енисее» («Советская Россия», 1966), где в списке авторов в результате редакторского недосмотра я «попал в строители». К сожалению, эта ошибка начинает неоднократно повторяться, что ставит меня в крайне неудобное положение. При всем своем уважении к строителям и их прекрасному труду я не могу принять лавры, мне не принадлежащие.

С уважением
Вячеслав НАЗАРОВ
КРАСНОЯРСК

■

Уважаемый товарищ редактор!

В прошлом году «Литературная газета» поместила мое письмо, в котором я сожалел, что некоторые республиканские издательства, выпуская в переводах книги московских писателей, не считают нужным прислать экземпляр автору.

Своеобразно откликнулось на это письмо украинское издательство «Веселка». Выпустив вторым изданием (30 тысяч экземпляров) мою книгу «Это стоит запомнить», издательство прислало мне один экземпляр, но... наложенным платежом! Не получая, по существующим правилам, гонорара, я вынужден еще платить издательству за свою же книжку.

Таким образом, «Веселка» нарушила сразу два положения авторского права: переиздала книжку, не получив письменного согласия автора, и не выдала полагающийся ему бесплатный экземпляр.

Говорить ли о том, что простая вежливость требовала хотя бы вложить в пакет письмо с благодарностью автору?

А. ДОРОХОВ,
член комиссии по авторскому праву правления Союза писателей СССР

■

Уважаемый товарищ редактор!

Недавно у нас в гостях в Харькове был известный польский писатель Сат-Ок — сын Высокого Орла, вождя свободного индейского племени шеванезов, и Станиславы Суплатович, польской революционерки (Сат-Ок, как известно, родился в Канаде, где кочевало племя его отца. А в Польшу вместе с матерью приехал только перед второй мировой войной).

Мы были очарованы рассказами Сат-Ока о его родном племени, о жизни и борьбе индейцев против белых колонизаторов. Естественно, у всех нас возникло большое желание прочитать его чудесную книгу «Земля Соленых Скал», выпущенную в 1964 году издательством «Детская литература». Эта книга ценна еще и тем, что воссоздает правдивую картину жизни индейцев, так как написана очевидцем — сыном индейского племени.

К сожалению, книга «Земля Соленых Скал» уже стала редкостью, купить ее невозможно. По нашему мнению, давно назрел вопрос о переиздании этой увлекательной повести. Ее можно было бы включить в подписную «Библиотеку приключений», а если это сейчас по каким-либо причинам нельзя, мы просим выпустить второе издание «Земли Соленых Скал». На полках книжных магазинов это замечательное произведение не залежится.

С. ТКАЧЕВ,
О. ДОКУКИН,
М. КОНИК и другие
ХАРЬКОВ

Последние штрихи Фото И. АГАФОНОВА

ФЕЛЬЕТОН

АФИША С КРАСНЫМИ БУКВАМИ

В РЕДАКЦИЮ пришел товарищ из эстрады. Собственно говоря, в редакцию его пригласили. Для выяснения деликатного обстоятельства. Был получен похвальный отзыв об одном с его участием концерте. В отзыве особенно напирали на данного товарища, дескать, он был сценически ярок. О чем и просили довести до сведения читателей.

Можно было бы, конечно, напечатать и такую заметку: не так уж часто в наших клубах выступают сценически яркие дарования. Но у заведующего отделом писем возникли кое-какие подозрения...

Зав. начал издалека:

— Скажите, это не вы писали заметку?

Маэстро гордо ответил:

— Почему ж не я? Я...

Тут же последовал наводящий вопрос:

— О себе?

— О себе, — кротко подтвердил посетитель. — А что, ошибок много?

Он во всем чистосердечно признавался, но не раскаивался. Он стоял перед нами, подмаргивая выгоревшими ресницами, и абсолютно нас не понимал. Наперебой мы разъясняли представителю эстрадного цеха, что путь к славе нелегок, что театр начинается с вешалки, что нельзя заниматься саморекламой. И пусть, если он действительно так понравился в концерте, об этом напишут другие.

Он искренне удивился:

— Другие? Другие разве напишут?!

И в этих словах было такое отсутствие веры в доброту человечества, что и нам стало грустно: «Действительно! Разве другие что-либо напишут? Разве только жалобу на имя редактора. Стараешься, работаешь, а где одобрение, где крики похвалы?» И захотелось написать о себе в третьем лице и в прошедшем времени: «Он был...»

Но служебный долг пересилил. С еще большим жаром мы стали уверять товарища, что скромность украшает человека, что подлинному таланту не нужна дутая слава, настоящая слава приходит к тем, кто умеет ждать. Многие ведь так вот и ждут ее.

Он ушел. Он, кажется, кое-что начал понимать.

Пришел ветеринарный врач. Пожилой и очень, говорят, деловой специалист.

Мы почувствовали это сразу.

— Вот вам два фотоснимка. Ретушь уже сделали за мой счет, — проявляя знакомство с основами полиграфии, сообщил доктор. — Клише будете давать на одну колонку или на две? Вот здесь я с лошадью снят, а если на четвертую полосу, можно с кошкой, вернее — с котом... Хронический насморк...

Мы вяло поинтересовались, зачем общественности болезненный кот.

— Он теперь здоровый... Общественности нужен я. Вернее — она мне. На пенсию выхожу. Звание хочу получить: заслуженный ветеринар республики. Статья со снимком, думаю, не повредит?

Нам оставалось выяснить детали:

— Сами писали?

— Нет, что вы. Предместкома упросил. У меня разве так получится: «Не жалея себя, отдавая силы». Я только проверял, чтобы неточностей не было. Все-таки газета...

— Спасибо. Неточностей не будет. Мы не сможем поместить заметку. Это, знаете, не наш профиль.

— У кота? Так его можно переснять...

Нам не нравился профиль специалиста, но мы не стали его обижать.

— Попробуйте сдать статью этажом выше, в радиовещание. У них постоянная нехватка материалов...

— Что вы, мне радио не подойдет. К личному делу ведь не приложишь...

Самообслуживание, как передовая форма торговли, вышла из тесных границ столовых и магазинов, она начинает овладевать творческими и нетворческими массами. Сами создают, сами оценивают, сами себя и награждают. «А что, ждать, когда другие наградят? От них дождешься...»

И вот уже автор первой книги вместо того, чтобы сесть за вторую, мечется между родственниками и знакомыми, журналами и газетами, организуя отзывы и рецензии. И бедная мама юного писателя, подписываясь девичьей фамилией, посылает настоятельный запрос в издательства: «Нельзя ли почитать еще что-нибудь этого автора?».

Или вдруг косяком начинают идти друзья автора только что поставленной пьесы, принося в портфелях хвалебные «рецензии с раздумьями». В этом случае скромный автор пьесы ежедневно звонит в редакцию и, не называя себя, интересуется: «Стоит сегодня в номере рецензия «Навстречу солнцу»?»

Игра в самооценки не так уж наивна, как кажется на первый взгляд. Происходит подмена понятий, инфляция превосходных степеней, смещение оценок.

В характеристике уже не пишут «добросовестный работник», а непременно «замечательный труженик». Впрочем, кто пишет? Ведь, согласитесь, нередко бывает так: «Дорогой! Кто же тебя знает лучше, чем ты? Сядь в сторонку, напиши, что про себя думаешь».

Да и это часто не требуется: есть уже парадный набор устоявшихся фраз, в который надо вставить только ФИО — фамилию, имя, отчество. Почти как у базарного фотографа: в отверстие приходится просунуть лишь голову, ангельские крылышки уже пририсованы.

При таком массовом производстве ангелов — откуда же берутся чертовски нехорошие люди? И, наученные горьким опытом, мы старательно отодвигаем в сторону отзывы и характеристики и тревожно ждем, как это себя проявит очередная морально устойчивая личность? И знаете, напрасно. Оказывается, и при похвальном отзыве человек может быть хорошим, специалист — дельным, книга — интересной, комедия — смешной... Происходят, как говорится, издержки жанра.

...Эстрадный товарищ все-таки опять пришел в редакцию. Он сделал выводы из первой попытки прославиться. Под заметкой о концерте стояли три подписи:

— Уговорил завклубом! — радостно сообщил он нам. — Тоже подписал!

— Господи! Да зачем вам это?

— Как зачем? Соберу еще пару отзывов и пойду к министру...

— И что вы ему скажете?

Мастер жанра одернул кургузый пиджачок, вытянулся и весь засверкал:

— Товарищ министр! Прочтите отзывы! Я сценически ярок, идеологически выдержан! Устройте мне отдельную афишу с красными буквами! Народ требует!

Он был абсолютно наивен, этот гражданин. Нам уже не хотелось его перевоспитывать. Ну, что ему слова: «Самореклама — вред», «Театр начинается с вешалки»? Он же не пойдет в гардеробщики.

Быть может, нами был допущен ненужный перехлест. Но мы сказали достаточно твердо:

— Не надо паясничать! Надо работать!

Л. МАРГОЛИН

Продолжается подписка на 1969 год

НА ГАЗЕТУ

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

И ПРИЛОЖЕНИЕ

«СОВЕТСКОЕ КИНО»

Газета «Советская культура» и приложение «Советское кино» рассчитаны на самые широкие круги читателей, на людей самых разнообразных интересов. Все, кто интересуется вопросами театрального, музыкального изобразительного и киноискусства, найдут в газете рецензии на спектакли, кинокартины, статьи о художниках и их работах, о гастролях наших артистов за рубежом и зарубежных артистов в нашей стране.

Подписка на газету и приложение оформляется на любые сроки.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА» на год — 4 руб. 68 коп.,
на 6 мес. — 2 руб. 34 коп.,
на 3 мес. — 1 руб. 17 коп.

«СОВЕТСКОЕ КИНО» на год — 1 руб. 08 коп.,
на 6 мес. — 54 коп.,
на 3 мес. — 27 коп.

Выписывайте и читайте газету «Советская культура» и приложение «Советское кино».

Александр СТАРОСТИН

записки авиа-инженера

МОЙ ОСТРОВ

Остров этот, находящийся в Ледовитом океане между Чукотским и Восточно-Сибирским морями, по многим причинам можно назвать уникальным. Здесь самые крупные на Севере олени и, на удивление, совсем нет их постоянного спутника — волка. И гнуса нет. Тут множество видов цветов и гнездовье канадского гуся. Это место набрали своим «роддомом» медведицы и моржихи всего восточного сектора Арктики.

Далекий остров интересен не только своей необычной природой. На нем живут и работают охотники, оленеводы, ученые. Советский человек сделал много доброго на Врангеля с тех пор, как впервые пришел сюда в 1924 году.

Но сложные взаимоотношения человека и природы здесь, на этом острове, как и повсюду, не однозначны. Кое-что в них заставляет задуматься, настораживает. Об этом и рассказывает в своем очерке Александр Старостин.

Автор — авиационный инженер — работает в полярной авиации. Не раз он бывал в Арктике, в том числе и на Врангеле. И читателю, мы надеемся, будет интересно познакомиться с его наблюдениями и раздумьями.

МНЕ нравится моя профессия. Когда я слышу шум моторов пролетающего аэроплана, мои ноздри раздуваются и я уже не могу усидеть на месте, меня тянет в путь.

Я, конечно, понимаю, что большие скорости приучают человека к верхоглядству, болезни нашего века, но тут уж никуда не денешься. Поэтому на земле я стараюсь ходить медленно, говорить с людьми, но не всегда это удается. В авиации есть дисциплина и предполетный отдых, который нарушать не положено, а еще есть в пилотском свидетельстве талоны, а их только два, а ножницы у начальства длинные, из Москвы достанут.

Но все равно работа у меня хорошая, она дает мне возможность увидеть всю нашу землю. Ведь земля эта — моя и я должен обойти свои владения.

...Однажды на меня накатилось. Кажется, я был влюблен тогда: не в кого-то, а просто влюблен. Я вдруг ощутил, что все твари земные: белые медведи, моржи, волки, летучие мыши, цветы, люди — все это — «я» и во всем разлито мое «я». Ведь мне бывает больно, когда автомобиль за десять шагов от меня раздавит собаку, я, может, целую ночь не сплю после этого.

И то, что я почувствовал, — не причастность ко всему живому, нет, не родство, — а то, что все живое — это я сам, перевернуло мое сознание. Мои знакомые, глядя на меня, интересовались, в кого это я влюблен. И я отвечал: «В вас!» И, ей-богу, не врал.

«В самом деле,— думал я, — когда я смотрю на дерево, зелень его как-то входит в меня, когда собака прижимается к моим ногам, ее тепло входит в меня, а мое — в собаку, нет ничего в этом мире исчезающего бесследно: и зелень, и тепло не исчезают, а как-то остаются в нас, «трансформируются», влияют на нас, изменяют нас. Когда человек наслаждается природой, или красивыми движениями какого-нибудь зверя, или встречей с себе подобным, он наслаждается собой, своей жизнью, пьет, жаждущий, жизнь».

И мне уже казалось, что все творящееся на земле отдается толчками в мое сердце и за все творящееся на земле я в ответе, как за свои собственные слова и действия. И я почувствовал, не понял, нет, а именно почувствовал, что моя жизнь не бессмысленна, как и жизнь земли. А в чем смысл жизни вообще? Наверное, в самой жизни, в борьбе за нее, в любви к нашей жизни и всему сущему на земле.

Теперь я расскажу о том, что я творю на Врангеле.

ПЕРВАЯ встреча с островом была краткой. Мы вывозили моржей для каких-то зоопарков.

У самолета стоял грузовик с опущенным задним бортом, и два эскимоса в одних ковбойках на голое тело, без шапок, хватали хрюкающие и лающие ящики и затаскивали их в багажный люк.

«Значит, это не взрослые звери, — подумал я, — сто — сто пятьдесят кило».

Третьим в грузовике был русский, маленького роста, тоже без шапки, голубоглазый, лет, как мне показалось, сорока, не больше, в сиреневом бумажном свитере, пиджачке, кирзовых сапогах. Этот человек вдруг легко, без посторонней помощи поднял ящик на плечо и осторожно подал в самолет.

«Ого!» — подумал я и начал внимательно глядеть, как этот человек без видимой натуги, сноровисто подхватывает ящики. И нельзя сказать, что он был особо широкоплеч или рукава его запачканного пиджачка лопались от бицепсов — ничего подобного. Наверное, его мускулы сделаны из другого материала, как мускулы маленькой росомашки, которая в случае нужды разорвет самую крупную собаку или волка.

— А кто будет сопровождать груз? — спросил я от нечего делать.

— Акимыч. Вон в кузове. Знаменитый тигролов. О нем даже в газетах писали. Теперь ловит моржей и медведей. Состарился.

— Сколько ж ему лет?

— Шестьдесят без одного.

Я не люблю знаменитостей, потому что, во-первых, русский человек может вынести все, что угодно, только не бремя славы, и, во-вторых, не та самая красивая женщина, которая в одних трусах пляшет на сцене и улыбается с обложек. Этот бывший тигролов был первой знаменитостью, с которой мне хотелось познакомиться поближе. Его слава не могла быть пустой, как не были пустыми ящики, которые он поднимал.

От постоянно нагибающейся и исчезающей за ящиками седоватой головы Акимыча шел пар, а я в своей меховой куртке поеживался: все-таки мороз около десяти градусов, когда не двигаешься, зябко.

Самолет наполнился лаем, хрюканьем и вздохами маленьких узников.

Наконец погрузка была закончена, и на землю спрыгнул эскимос неопределенного возраста по имени Юра. Ковбойка на его груди была расстегнута до живота, сам невысокий, с покатыми плечами, лицо правильное, лоснится, без морщин, вместо морщин — ямки на лбу, глаза черные, блестящие.

— Как ловят моржат? — спросил я.

— Руками, — ответил Юра и застеснялся.

— Не понял, как это руками?

— Руками, — повторил Юра и хватил пальцами воздух.

«Наверное, загибает, — решил я, — вот и смущается». Акимыч залез в самолет, и оттуда донеслось его сюсюканье:

— Маленький, маленький!

Так причитают старухи над младенцем, и в ответ какой-то моржонок залился жалобным полухрюканьем-полулаем. И я подумал, что так может сюсюкать только человек, не разыгрывающий из себя «настоящего мужчину», не боящийся выглядеть немужественно, не то что мы.

— От тоски, я так полагаю, да и эти перемрут.

Мы вышли из самолета.

— А как ловят тигра? — спросил я.

— По-разному, — ответил он нехотя, — Богачев ловит рогаткой, а другие фуфайкой.

Акимыч сделал вид, что дал мне очень ясный ответ, и понадеялся закончить на этом разговор, но от меня не так легко отделаться.

— Это как же?

— Да сейчас я ловлю только моржей и медведей, стар стал, не ловлю тигров.

— А как ловят медведя?

— Его не мы ловим, а собаки. Мы только связываем. Петлю удавкой на одну лапу, на другую, держат врастяжку и надевают намордник. Лапы заняты, содрать не может.

— Это бурого?

— Бурого.

— А белого?

Акимыч пробормотал что-то неопределенное и махнул рукой.

— А тигра как?

Другой человек послал бы меня к черту, но Акимыч был вежлив.

— Тигр, когда сделает последний прыжок, хватает когтями все, что попадется, и в пальцах у него получается судорога, мертвая хватка, разжать не может. Ты стоишь с фуфайкой, он прыгает, ты, конечно, летишь кувырком, а его связывают, пока лапы держатся за фуфайку.

— А как далеко тигр может прыгнуть?

— Я так полагаю, что последний прыжок — метров двадцать.

Бортмеханик крикнул в форточку:

— Поехали!

И Акимыч услышал этот клич как избавление от назойливого собеседника и торопливо полез по стремянке в самолет.

Запах в самолете стоял ужасный. Летчики набирали в легкие воздуха и проскакивали в пилотскую кабину на одном вздохе, как будто за ними гнались.

Мне было жалко моржей и немножко стыдно за то, что я — соучастник этого издевательства над природой, и потому нарочно шел в кабину медленно, чтоб хоть как-то пострадать за то зло, которое творю.

Мы пошли на взлет. Сквозь гул слышно, как моржата испуганно хрюкают.

Бортмеханик проворчал:

— Лучше уж возить картошку на прически, когда в горле першит, а в носу черно, как в трубе.

В этот день мы приземлились в одном из сел.

Сходили в столовую, в кино и, лежа на чистых постелях, почитывали журналы. Потом заснули.

А утром нас не разбудили: не было погоды по трассе.

— Какого черта? — ворчал механик. — Что там, дождь кирпичами, что ли? Моржи передохнут в своих ящиках.

Перед ужином я решил нагулять аппетит. Погода прекрасная, тишина и мороз. Уже на расстоянии я почувствовал запах моржей. Из кабины доносилось причитание Акимыча:

— Маленький, маленький!

А потом в дверях появился и он сам с мокрой тряпкой и ведром в руках — мыл самолет.

Он по-прежнему был в пиджачке, но теперь и в шапке с кожаным верхом. Я поздоровался:

— Не холодно?

— Нет.

— Где вы ночевали?

— Здесь, в самолете. То есть, я не ночевал. Некогда было. А один пассажир отдал богу душу. Отмучился, сердяга.

— Вы были в столовой?

— Нет, не был еще. Некогда. А где буфет?

— Пойдемте провожу.

Акимыч вытер руки о штаны, и мы пошли.

— Там, в окне самолета, есть заглушка. Ее можно вытащить, чтоб не задохнуться, — сказал я.

— Нельзя, морж боится сквозняков.

— Заботитесь?

— Нужно довезти.

— Лучше бы моржи заботились о себе, а люди о себе.

Акимыч неопределенно улыбнулся. Мы, кажется, не понимали друг друга.

— А много моржей по северу?

— Раньше было много, — сказал Акимыч.

Зашли в буфет, и Акимыч все боялся кого-нибудь испачкать, и все лезли впереди него, без очереди, а он все отступал и отступал. Даже я рассердился и стал ворчать, но Акимыч добродушно улыбнулся:

— Пусть, пусть, может, им нужнее.

И в его голосе я не услышал иронии.

Он купил полтора килограмма кекса и кисточку винограда.

— Творю зло? — помог мне сам Акимыч. — Не я, так кто-нибудь другой. Может быть, я ничего больше не умею делать. Нет никакой специальности, война и все такое. А семья есть.

Добирались мы до Москвы четыре дня, и четыре ночи Акимыч не спал.

А потом, через неделю, я встретился с ним в Шереметьевском аэропорту. Мы встретились, как старые друзья, и Акимыч предложил сходить в ресторан.

— Вы же не пьете!

— Бутылку пива можно.

Мы долго тянули пиво, и Акимыч все приглашал меня на Врангель.

— А здесь, в Москве, еще восемь моржей умерло, — сказал он. И задумался.

ТАК получилось, что я снова оказался на Врангеле, но теперь уже у меня была возможность «садиться» и «говорить». Попросту мы на посадке помяли плоскость самолета.

За эту неприятность всыплют всему экипажу по первое число, хотя штурвал держит только командир. В авиации виноваты все.

Утром я высунул нос из дому — кругом туман, сузивший до десяти метров мир, и ватная тишина.

Но через полчаса уже сияло солнце и заливались пуночки. Пуночка — это полярный воробей, побольше нашего воробья, белая, крылышки мраморные, как у бабочки, с черными концами.

— А где Акимыч? — спросил я.

— В Москве. Медвежат повез. 22 медвежонка. В газетах даже писали.

— Скоро ли вернется?

— Неизвестно. Что-то непонятное с ним творится, хочет бросать работу.

— А почему?

— Неизвестно. Молчит.

Прилетел самолет. Экипаж наш собрался уезжать. Командир приказал механику остаться, чтоб сдать машину техникам.

— И ты останься, — сказал он мне, — чтоб механику не было скучно. Поможешь ему крутить гайки.

— Слушаюсь, — сказал я, делая недовольное лицо, а на самом деле был рад. Мне хотелось дождаться Акимыча.

Экипаж улетел. Мы пропадали от безделья. И было целым событием, когда как-то днем тихо подъехал вездеход, разбрасывая комья снега и снежную пыль, и резко остановился.

Из кузова начали вылезать незнакомые мне люди, последним был красивый рослый парень в новой куртке на розовой цигейке, новых кожаных брюках и темных очках, каких и в Москве не найдешь, и все сразу догадались, что это корреспондент. Слишком уж вид у него был мужественный, хладнокровный. Парень курил сигарету и посматривал вокруг, слегка приподняв волевой подбородок.

— Мне нужно съездить в бухту Роджерса, дать материал об этом поселке, — сказал он.

Я давно хотел съездить в бухту Роджерса, место, где в 26-м году высадился легендарный теперь Г. А. Ушаков с эскимосами и чукчами, и еще мне почему-то захотелось посмотреть таинство рождения очерка.

Я сказал корреспонденту, что хотел бы поехать с ним.

— Пожалуйста, — ответил он, — мне же будет веселее.

Так мы познакомились. Звали корреспондента Васей.

Дорога шла между горами и морем, отличавшимся сейчас от земли только своей ровностью. «Дорога» — не совсем точное слово. Дороги, собственно, не было никакой, и вездеход то задирало носом в белесое небо, то бросало вниз, в белую, как небо, землю.

Когда мы добрались до места, была ночь, светлые сумерки. В сумерки чувствуешь себя очень неуверенно. Теней нет, неровности незаметны, теряется представление о пространстве, идешь и спотыкаешься и хочется вытянуть руки вперед, как в темноте.

Перед Акуленковым, председателем поссовета, которого пришлось разбудить, Вася стоял очень прямо, перекатываясь с пяток на носки, как пресс-папье, и говорил:

— Мы — корреспонденты. Нам нужно где-то поселиться. У нас задание — дать материал по Роджерсу.

Мы пошли в кабинет Акуленкова. На табличке небольшого домика было написано: «Исполком Врангельхэн сельскакэн советкэн депутатыргэн». И я отметил про себя, что, оказывается, недурно понимаю чукотский язык.

Акуленков сам принес нам матрацы и подушки.

Домик находится в яме, и если б лопатой не отбрасывали снег, он был бы под снегом. Я подошел к окну. Вверху, на горке, две собаки, упершись передними лапами, чтобы не скатиться, смотрели на нас сверху вниз. Снег казался лиловым, а собачьи зрачки красными.

— Хорошо, — сказал Вася, — сидим в бухте Роджерса и пьем кофе. А в окно смотрят псы.

Утром из рассказа Акуленкова мы узнали, что основная статья дохода колхоза — олени, гуляющие по острову в полудиком состоянии, их здесь порядка 4 000 голов, пять процентов дохода дает песец, раньше разводили черно-бурую лисицу, но это оказалось невыгодной затеей. Летом ездят на морского зверя, но это также колхозу не выгодно. Зверь идет на внутренние нужды. Например, на корм для собак.

— А еще выполняем государственные задания, — закончил Акуленков.

— Это какие же? — спросил Вася.

— Отлов медвежат и моржей.

Теперь я знал, как ловят белого медведя.

Сначала собака, специально натасканная, легко отыскивает берлогу на ровном месте или склоне холма, заметную только по заиндевевшей от дыхания дырке. Берлога большая, наполненная проникающим сквозь метровую толщу плотного снега голубоватым светом, идеально чистая. Люди начинают бросать в нее камни и тыкать в дырку палкой. Трое-четверо стоят наготове с заряженными карабинами. Когда потревоженная медведица высовывает голову, в нее стреляют. Хорошим стрелком быть не обязательно. Потом убитую медведицу цепляют тросом и тянут вездеходом. Сильным здесь тоже быть не обязательно. Теперь нужно залезть в берлогу и вытащить медвежонка, желательно в рукавицах; может укусить. Но чаще медвежонок сам вылезает за убитой матерью. В это время его вес килограмма два, поэтому серьезной опасности для человека он не представляет.

Теперь я понимал, почему Акимыч замял мой вопрос о способе «отлова» белого медведя. Вряд ли можно этим хвастаться.

— Вот недавно отправили в Москву двадцать два медвежонка.

— А много ли здесь медведя? — спросил Вася.

— Года через два-три не будет никакого медведя.

— Почему?

— Перебьют. Считайте. Чтобы взять двадцать два медвежонка, убивают двадцать две медведицы: итого — сорок четыре. А медведь размножается не как кролик, сами понимаете. Раз в три года.

— А почему бы не прекратить это убийство? Ведь остров скоро станет пустыней, везде зверя перебили и здесь перебьют!

— Перебьют, — согласился Акуленков. — Вот вы — корреспонденты, вы и пишите. Напишите всю правду, а там пусть думают. Вы не первые об этом спрашиваете... Приезжал к нам тоже какой-то журналист. — Акуленков стрельнул в нас взглядом. — ему сказали, что ловят медвежат, не убивая медведицы. Ее вроде бы отгоняют вездеходом. И точно, одну при нем отогнали. Он и написал где-то, что все нормально. Но если всегда так делать, около берлоги нужно тогда дежурить неделю, а то и больше. Неделю не выключать мотор, потому что выключишь — застынет, не запустишь. Опять же бензин, и несколько человек не при деле. И кормить их нужно, и платить им нужно, и жить им где-то надо. И не всякая еще медведица оставит медвежонка, даже напуганная вездеходом. Словом, дорогое удовольствие, а колхозу убытки.

Я слушал Акуленкова и все пытался понять — зачем? Зачем убивать медведей на Врангеле, единственном острове, который медведицы всего восточного сектора Арктики избрали роддомом? Должна же быть хоть какая-то логика, какой-то смысл, если не оправдывающий, то хотя бы объясняющий такую жестокость? Говорят, что в зоопарках медвежатами любуются тысячи детей, — значит, ради этого?

— А медвежата хоть живут в зоопарках? — спросил я.

— Нет, не живут, дохнут. Единицы тянут еще, но не очень долго.

Но если бы даже и выживали, самку-то зачем убивать! Нет, что-то здесь не так...

ВАСЯ решил сходить к радистам сделать снимки, и я увязался с ним.

Кто-то проверял метеорологические будки, и Вася кричал:

— Делай, делай!

— Но я уже все сделал.

— Делай, делай. Все равно, делай. Нажимай на какие-нибудь гвоздики!

С потолков капало, и один парень сказал, не отрываясь от работы:

— Напишите лучше, как с потолков капает.

Он нас тихо презирал.

Потом Вася заинтересовался охотником Ульвелькотом, который сбрасывал снег с крыши.

— У вас есть национальная одежда? — спросил Вася.

Ульвелькот сделал вид, что ничего не понимает.

— Кухлянка есть? — спросила женщина, остановившаяся возле нас, — перед этой женщиной охотник уже не мог строить из себя дурака.

— Есть.

— Наденьте, вас сфотографируют для газеты.

Ульвелькот послушно пошел за кухлянкой.

— Все наденьте, и нож, к поясу! — крикнул Вася. — А как же насчет песцов?

— Я могу дать со склада, — сказала женщина, — он отловил двадцать штук, я ему и дам двадцать шкурок.

— Очень хорошо, — сказал Вася, — а как же насчет ружья?

— Дам и ружье, если хотите.

Ульвелькоту вручили связку песцов и ружье.

— Послушайте, Ульвелькот, вы приехали на вездеходе из тундры и привезли песцов, — сказал Вася тоном гипнотизера, — залезьте в вездеход.

Охотник послушно залез.

— Хорошо! Теперь вылезайте.

Ульвелькот вспотел, и на кончике его носа висела капля пота.

— Теперь идите!

Ульвелькот пошел. Вася пятился и щелкал то одним, то другим фотоаппаратом. Ульвелькот шел, не обращая внимания на корреспондента, впавшего в творческий транс, а Вася тем временем приседал на корточки, ложился на снег, как солдат на учениях, и все отступал, а Ульвелькот все шел и шел вперед. Подошел к берегу, спустился на лед и продолжал идти, как заведенный, с отрешенным выражением лица и каплей пота на кончике носа.

Здесь гуляли детишки. Они подбежали к охотнику.

— Хорошо! Очень хорошо. Эквэкинот, ты пришел из тундры! Дети, встречайте его!

Воспитательница засмеялась, потому что Вася все перепутал: Эквэкинот — это географический пункт.

— Дети! Распределите хвосты! Смотрите на хвосты, где у песцов лапки? Найдите лапки. Рассматривайте, рассматривайте! Вам очень интересно. Вам очень интересно!

Ульвелькот совсем пропадал от жары, а связка песцов, если ее долго таскать, тяжелая, а тут еще ружье.

— А ружье зачем? — спросил я. — Песца-то ловят капканом или пастью.

— И точно, — согласился Вася. — К черту ружье!..

Наконец Вася сказал, что он свою программу закончил. Мы подошли к вездеходу, на котором только что «вернулся» из тундры Ульвелькот.

Здесь же стоял эскимос с очень знакомым лицом, и когда кто-то назвал его Юрой, я вспомнил. Это он загружал в самолет вместе с Акимычем моржей. Юра — «начальник» мыса Блоссома. Живет там один среди медведей и моржей.

Я вспомнил видный с воздуха мыс Блоссома, уходящий острым углом в металлический гофр моря.

— Как твоя фамилия, Юра? — спросил Вася и вытащил из кармана записную книжку и ручку. — Можно сфотографировать медведя? Как близко можно подойти?

— Прямо подходи и снимай, на метр подходи. Был корреспондент, хотел подойти, испугался, убежал. Мертвого сфотографировал.

— А ты хорошо стреляешь? — спросил Вася.

Юра пожал плечами.

— В подброшенный гривенник попадет, — сказал оленевод.

Я хотел лучше узнать и Юру, и Ульвелькота, и парней-радистов, которых Вася заставлял нажимать на гвоздики, пожить их жизнью и иметь их заботы, иметь здесь друзей и врагов, и съездить к тундровым чукчам, и поработать с ними, и увидеть их обряды.

— Нужно ехать дальше, — сказал Вася. Наверное, он коллекционировал географические названия в своем командировочном удостоверении.

Я жалел, что так и не повидал Акимыча.

— А почему он хочет бросить егерство? — спросил я у Юры.

— Не знаю. Наверное, с кем-то поругался.

— Не может он ругаться.

— Не знаю. Хочет быть оленеводом. Оленя хочет разводить. Не знаю, что хочет. Молчит.

«ЧТО же мне делать? — думал я. — Ведь все это не по моей части. Но сейчас-то я должен как-то вмешаться. Вот только куда идти и кому писать, кто командир?»

И еще я думал, что за поломку самолета получу «втык» от своего летного командования. Всем нам всыплют, конечно. А вот кому всыплют за остров Врангеля? Кто получит «втык», когда здесь не останется ни одного белого медведя и ни одного моржа?

---

* Земля Франца-Иосифа.

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ — ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ ДИРЕКТОРА НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЦЕНТРА РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ МГУ В. КОСТОМАРОВА «I AM ANXIOUS TO MASTER RUSSIAN», ОПУБЛИКОВАННУЮ В «ЛГ», № 34.

«...МЫ ХОТИМ ЗНАТЬ РУССКИЙ»

WE WANT TO KNOW RUSSIAN

NOUS VOULONS SAVOIR LE RUSSE

Демократическая Республика Вьетнам. На уроке русского языка. (Фотохроника ТАСС)

Лев УСПЕНСКИЙ

«ГРАММАТИКИ СЛАВЕНСКИЯ», XX ВЕК

Когда читаешь интересную статью В. Костомарова («ЛГ», № 34) о недостатках нашей пропаганды русского языка за границей, и голову приходят странные параллели.

Мне, например, стали вспоминаться разные русские народные сказки. О том, как лиса подрядилась кур стеречь. О том, как волк взялся овец пасти. И что из этого — для кур и овец — получилось...

Ведь нетрудно представить себе, какую начинку вложат в русские грамматики или хрестоматии те единомышленники Глеба Струве, которые составляют их в Нью-Йорке или Чикаго, всевозможные «кремленологи» за океаном и в других странах «свободного» мира... Какие примеры на сложносочиненные предложения они там приведут. Как проиллюстрируют любое правило и любое исключение...

В. Костомаров, исследуя причины сложившегося печального положения, сурово отозвался о нас, писателях. Вот Лев Толстой: он не гнушался составлением даже азбук; а мы, современные, не рвемся подхватить благую инициативу!

Тут не так все просто, как кажется.

Во-первых, Лев Николаевич Толстой был не только гениальнейшим из гениальных прозаиков мира. Он был еще, кроме того, недюжинным педагогом — и практиком, и теоретиком.

Во-вторых, разница между школьным учебником середины XIX и второй половины XX века огромна.

Я написал о языке — в частности, о языке русском — не одну книгу, которые читаются и у нас, и за рубежом. Но предложите мне так вот, с бухты-барахты взять и выдать на-гора хороший современный учебник русской грамматики, и тем более — для иностранцев, я бы, как говорил один молодой человек на экзамене, я бы «застеснялся».

Что мне известно о том, как именно надо такие учебники теперь писать? Почем я знаю, какие к ним — сегодня — можно и должно предъявить методические и педагогические требования? Каков их новый стандарт?

Что же получается? Встать в позу Понтия Пилата и умыть руки? «Не повинны мы в несчастиях сих обучающихся»?

Думаю, — наоборот. Я уверен: многие русские литераторы готовы ответить милому Дж. С. Генри из Малайзии: «And we are anxious to teach Russian». («И мы очень хотим научить русскому»). Но чтобы мы могли «teach», мы нуждаемся по меньшей мере в двух вещах — в организации и методической помощи.

Нам бы собраться да посовещаться: а как в шестидесятых годах XX века следует составлять учебники русского языка для иностранцев?

Что такое вообще современный, «на уровне мировых стандартов» учебник языка? Какие новые возможности открыли современная лингвистика и современная педагогика перед составителями таких учебников? Ведь они должны существенно отличаться не только от «Грамматики славенския правилное синтагма, по тщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрискаго», составленной в 1618 году, но и от многих, многих последующих, и даже недавних, учебников...

Мы должны знать, что сделано учеными-грамматистами и у нас, и за рубежом за то время, которое прошло со дней, когда мы, сами писатели, зубрили школьные исключения. Мы правы, настороженно относясь к внутреннему содержанию западных пособий по нашему языку, но нам, скорее всего, следует пристально приглядеться, как там, на Западе, наловчились за последнее время золотить пилюли сухой науки, преподавать ее и остроумно, и строго, и точно, и весело, и убедительно, и изящно...

Мне пришлось как-то ознакомиться с толстенными академическими курсами палеонтологии, изданными Чикагским университетом. Научности там было не добавлять стать. Но там же, через каждые пять-десять страниц, были и острые, злые, ядовитые и добродушные шаржи. И на оплошные научные гипотезы, и на ученых, и на учащихся, и на их ошибки... Этот курс читался с улыбкой. Тянуло рассматривать его занятные карикатурные резюме. И то, что стояло за ними, запоминалось навсегда.

А чем филология или грамматика хуже палеонтологии?

Так вот я и думаю. «Два года назад в Москве был создан Научно-методический центр русского языка», — пишет В. Костомаров. Почему бы этому центру (на то он и центр) не собрать деловое совещание всех, кто может помочь ему в работе по пропаганде русского языка «в глобальном масштабе»? Лингвистов, мастеров и теоретиков перевода, видных педагогов и нас, литераторов? Я уверен: прослушай мы несколько хороших докладов по существу вопроса, познакомься мы с образчиками хорошей (и плохой!) нашей (и зарубежной) литературы интересного нам профиля, — мы, писатели, нашли бы, где и кому, как и подо что надлежит подставить свое плечо, чтобы подсобить в важном общем деле.

Это следует сделать. Потому что, ей-богу, «We are anxious to teach Russian» хороших людей Запада и Востока. «Wery anxious!»

Австралия

Моя коллега прочитала в переводе «Анну Каренину» и так была поражена, что решила изучить язык, на котором роман написан. Некоторые мои студенты изучают русский, желая самостоятельно разбираться в сложнейших мировых проблемах.

Пожалуй, только во время второй мировой войны австралийцы «открыли» для себя русский язык. А в университет он шагнул только в 1946 году, в какой-то степени по моей инициативе. Вот как это произошло.

Меня пригласили вести курсы для взрослых при Мельбурнском университете. Я старалась прививать слушателям интерес к искусству, науке, беседовала с ними на различные актуальные темы. И однажды предложила диспут: «Почему в Австралии не преподают русский язык?» Диспут свою полезную роль сыграл. Мне сразу предложили преподавать в Мельбурнском университете этот язык. Так я стала основательницей первого русского отделения в австралийском университете. Помню, на эту должность претендовал оказавшийся в чужой стране Керенский. Когда отдали предпочтение мне, он был крайне обескуражен и долго сердился на меня. Об этом писали тогда швейцарские газеты...

Сейчас, кроме Мельбурнского университета, открыты кафедры русского языка и литературы в Канберре, Сиднее, Брисбене, откроются в Аделаиде и, по всей вероятности, в Перте...

Статья доцента Костомарова в вашей газете, где говорится о возможном создании платного института русского языка для иностранцев, порадовала нас. Наши студенты и аспиранты могли бы приезжать в такое время, когда другим неудобно: с конца октября до начала марта. В это время у нас каникулы.

Кстати, инициатор такого ценного для нас предложения — Научно-методический центр, возглавляемый Костомаровым, — известен в Австралии. У этого центра, на мой взгляд, две главные заслуги. Во-первых, он старается поставить преподавание русского иностранцам на научную основу. И, во-вторых, щедро делится своим опытом с преподавателями всего мира. Большое за это спасибо нашим советским коллегам.

Н. КРИСТЕСЕН,
заведующая отделением русского языка и литературы Мельбурнского университета

Франция

Недавно мы зашли в один из магазинов русской книги в Латинском квартале Парижа. Владелец магазина был в отчаянии. Ему нечего было продавать.

Этот эпизод мы вспомнили, прочитав в «Литературной газете» статью В. Костомарова «I am anxious to master Russian».

Французы тоже хотят изучать ваш язык. Он необходим нам для контактов в научных и торговых сферах, для сугубо лингвистической работы и просто для души. Но на пути к его изучению немало преград, преодолеть которые французские лингвисты не смогут без помощи советских коллег.

Исстари у нас повелась традиция. Русский преподавали классицисты-филологи. Студенты постигали премудрости языка на тщательно отработанных переводах классических произведений. И потому знание языка было книжным. Пришло время изменить традиции. Важно изучать фонетику и синтаксис живого языка. И тут неоценимую помощь оказали бы нам советские лекторы. Но у нас их крайне мало. Полезен был бы и обмен лекторами — не только на уровне университетов, но и на уровне школ.

В последнее время во Франции каждый день приносит преподавателям неожиданности. Студенческие требования изменить систему образования коснулись и изучения языка.

Мы не знаем сегодня, останутся ли в университетах лекции вообще или занятия будут проходить в форме свободных бесед. Не знаем, какие лекции нужны студентам, а какие лучше исключить из программы. Но, как бы там ни было, конечная цель остается прежней: подготовить специалистов с отличным знанием русского языка. А для этого во все времена необходимы книги. Если для владельца книжного магазина отсутствие русской книги — финансовый кризис, то для нас, лингвистов, это кризис методики преподавания, кризис учебных планов.

Французские студенты, занимаясь лингвистикой древнерусского языка, параллельно слушают лекции по русской и советской литературе. Но лекции о каком-либо авторе трудно программировать, не зная заранее, есть ли его произведения на книжных полках. Любые средства идут в ход для того, чтобы добыть, например, лекции ваших профессоров об истории России. Добываем книги в Латинском квартале, пишем московским знакомым.

Есть еще одна немаловажная сторона в изучении вашего языка, о которой не упомянул Костомаров.

Этот язык изучают не только будущие лингвисты, но и люди других специальностей. Но — увы! — обучение деятелей техники и науки ведется у нас весьма посредственно. Мало центров, где изучают методику преподавания для нелингвистов, — таких центров, как под Парижем, в Безансоне, Гренобле.

И опять-таки камень преткновения — книги. Если бы у советских издательств появилась возможность увеличить тираж учебников для Франции, это было бы для нас реальной поддержкой.

Ж. БОНАМУР,
профессор русской литературы в Сорбонне, Париж.
Ф. ГРЕССЬЕ,
преподаватель советской литературы в Лилле

Англия

Я собираюсь стать коммерсантом, и контакты с людьми разных стран — основа моей профессии. Поэтому я интересуюсь вашим языком, устройством советского общества, литературой. В школе познания мои в этой сфере были невелики. И это, к сожалению, не исключение из правила, хотя обобщать не берусь. От Нотингемского университета ожидаю многого. Наши старшекурсники ставят даже пьесы Островского, Чехова. Как-то на таком представлении присутствовали туристы из Советского Союза. Говорят, они живо реагировали на каждую реплику. Значит, удалось передать оттенки языка.

И все-таки некоторые перемены в преподавание внести стоит. Студенты нашего славянского факультета языковую практику в основном проходили во Франции, в эмигрантских семьях. Произношение и лексика этих людей, давно уехавших из России, устарели. От такой практики больше вреда, чем пользы. Наша нынешняя поездка в Советский Союз, поездка целого курса, двадцати двух студентов, — первая в истории университета. И если бы она стала традицией, знания наши несомненно бы углубились.

Кстати, ответ на это пожелание мы нашли в вашей же газете. Дельная мысль мелькнула в статье доцента Костомарова «I am anxious to master Russian». Мысль о создании у вас в стране платного института русского языка для иностранцев. Вероятно, этот институт был бы полон. Так, по крайней мере, считаю я, англичанин.

Мистер УИНГЕЙТ,
студент 2-го курса Нотингемского университета

Нигерия

В редакции «Дейли сервис», одной из столичных газет Нигерии, где я работал корреспондентом, царило оживление. Готовили в номер какой-то важный материал. Я услышал — говорили о Советском Союзе. Потом узнал, что в вашей стране запустили космический корабль. Это было неслыханно. Захотелось своими глазами увидеть русских людей, изучить их язык.

Тогда никто из нигерийцев им не владел. Даже в университетах этот язык не преподавали. Случайно я прочитал в газетах объявление о том, что можно поступить в Университет дружбы народов. Послал заявление в Москву — меня рекомендовал нигерийский профсоюз. И мечта сбылась — я попал в Москву. В 1965 году вернулся на родину, и сразу же в Ибаданском университете назначили мою лекцию. Первую лекцию в Нигерии по русскому языку. Я очень волновался.

Преподаватели, которые слушали мои лекции, поделились впечатлениями со студентами, и те выразили желание изучать этот язык. Так появилась у меня и студенческая группа. Начинать пришлось с алфавита. Студенты долго путали латинские буквы, на которых построен наш алфавит, и вши. Но время и упорство взяли свое. Это были старательные ребята. И крайне любознательные. Я им — грамматические правила, а они — вопросы, вопросы. Как живут люди в Советском Союзе? Может ли негритянский юноша дружить с советской девушкой? Да, и такие нелепые вопросы задавали...

Сейчас в Нигерии ваш язык хотят изучать многие. Декан факультета искусства Лагосского университета профессор Адерибигбе приезжал за помощью в Москву. Русский изучают и в школе, которую кончил я сам. (Я рассказал директору о роли этого языка сегодня, привез книги из советского посольства.) Недавно я был в родном городе, зашел в школу, куда бегал мальчишной. И каковы же были мое удивление и радость, когда нигерийские школьники, и среди них мой младший брат, поднялись навстречу и хором приветствовали меня: «Добрый день!»

Интерес нигерийцев к вашему языку ставит перед нами много проблем. Предстоит создать специальные кафедры в университетах. Нам нужны свои учебники с текстами местного содержания — об истории Нигерии, о ее людях и городах. Необходим институт русских исследований.

Я приехал в Москву вторично, уже в аспирантуру. Сейчас пишу последние строки диссертации. Я буду первым в Нигерии специалистом по русскому языку с кандидатской степенью. Это большая честь.

Шагун ОДУНУГА

СТАТИСТИКА, ФАКТЫ

■

Каждый год в Италии на острове Понца проводится международный семинар русского языка. Вот уже пять лет в нем участвуют советские педагоги.

■

Осенью 1957 года, когда первый спутник вошел в орбиту, русский язык преподавали лишь в 10 средних школах США. Сейчас обучение русскому введено почти в 600 средних школах. Если в 1956/57 учебном году русский преподавался в 173 колледжах и университетах, то в 1959/60 году число их увеличилось до 426. В последующие годы цифра эта дошла до 600.

■

По радио Камбоджи звучит наша речь. Устные уроки русского языка проводятся каждую неделю.

■

С 1 сентября 1967 года в Москве действуют курсы повышения квалификации преподавателей русского языка в социалистических странах. За это время курсы закончили 1 011 человек.

■

В городе Хайдарабад (Индия) при Османском университете создано театральное общество, участники которого ставят пьесы на языке народа Советской России.

■

«Русский язык в Могадишо преподается не только в университете, но и в школе-интернате, выстроенной три года назад Советским правительством в дар народу Сомали...

На курсах при Культурном центре и в университете занимаются разные по своему социальному положению люди. Тут рабочие, и работники мелких предприятий, и представители мелкой буржуазии, офицеры и сержанты, служащие государственных учреждений и даже полицейские».

Н. СОФИНСКИЙ,
заместитель министра высшего и среднего специального образования СССР

КАК ПОМОЧЬ?

Никогда в мире не был так велик интерес к русскому языку, как сейчас. Октябрьская революция, великая победа во второй мировой войне, колоссальнейшие успехи советского народа во всех областях коммунистического строительства — в экономике, культуре, науке — вызвали этот интерес.

С ростом авторитета нашего государства на международной арене растет внимание к стране Ленина, к языку Ленина. В Англии за последние десять лет число учебных заведений, в которых преподается русский, увеличилось с 40 почти до 1000. Сейчас наш язык изучается на всех континентах земного шара. Только советские педагоги преподают в 75 университетах в Европе, в 39 — в Азии, в 17 — в Африке, в 2 — в Латинской Америке и в 1 — в Австралии, а всего в 134 университетах 41 страны мира.

По линии Министерства высшего и среднего специального образования СССР в зарубежных учебных заведениях ежегодно работают примерно 250 преподавателей русского языка. Кроме того, для работы за рубежом советские преподаватели командируются Министерством просвещения СССР и Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Таким образом, направление наших преподавателей в разные страны — это первый путь, которым Советский Союз помогает иностранным гражданам изучать наш язык.

Второй путь — прием иностранных граждан для обучения в СССР. На различных курсах и семинарах, организуемых в учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Минска, Воронежа, Ростова и других городов, ежегодно совершенствуют свои знания русского языка около 13 тысяч человек.

Третий путь — направление за рубеж учебников и учебных пособий («Международная книга» продает, Научно-методический центр русского языка при МГУ и некоторые наши вузы дарят).

Но несмотря на такую серьезную помощь Советского Союза иностранцам, эта работа еще не соответствует потребностям в мире. Что еще можно и нужно сделать?

Прежде всего мне хочется поддержать предложение В. Г. Костомарова о создании постоянного учебного института русского языка. Пусть он не принимает всех желающих, как мечтает В. Г. Костомаров (да в этом, думается, и нет необходимости, особенно если иметь в виду, что русский за рубежом изучают с разными целями и отнюдь не всегда с гуманными), но пусть через его аудитории ежегодно проходят тысячи зарубежных преподавателей, желающих повысить свою квалификацию, студентов и школьников из разных стран.

Главная трудность — в отсутствии здания: строительство нового займет несколько лет. Решать проблему по принципу «тришкина кафтана», то есть что-то нужное закрыть, чтобы другое, тоже нужное, открыть, едва ли целесообразно. Может быть, Моссовет поможет? Скажем, почему бы не предоставить под институт один из домов, ныне занимаемых СЭВом, после переезда его в новое здание, близкое к завершению?

Улучшение издательского дела, то есть выпуск необходимого количества и высокого качества учебников и учебных пособий по русскому языку, — задача, которая ждет своего решения. Создание специализированного издательства или солидной редакции в одном из существующих издательств с широкими правами и обязанностями кооперации этого издательства или редакции со студией «Диафильм» и с фирмой «Мелодия», думается, способствовало бы ее решению. Упоминая, однако, о качестве учебников и пособий, следует иметь в виду, разумеется, не только их полиграфическое исполнение (хотя и это очень важно), но и главное — содержание. Проведенное недавно обследование содержания текстов учебников русского языка для иностранцев обнаружило, что некоторые авторы недостаточно критично отбирают материалы — с точки зрения учебной хрестоматийности, страноведческой ценности, художественности. Многие тексты о советской действительности страдают примитивностью и схематичностью. В них крайне мало фактических данных о нашей стране, ее географии, экономике, культуре, общественном строе, истории. В текстах, как правило, речь идет о Москве, Ленинграде, Киеве и совершенно не показаны Сибирь, Урал, Средняя Азия. Люди, о которых рассказывается, выезжают из столных городов лишь на Кавказ и за границу...

Сложившаяся практика, при которой чуть ли не каждое наше учебное заведение, где учатся иностранцы, имеет свой, подготовленный преподавателями именно этого вуза учебник, приводит к раздроблению сил и тем самым затягивает подготовку высококачественных дифференцированных учебников и пособий для различных групп иностранцев. Кстати, большая роль в выполнении этой задачи отведена созданному два года назад Научно-методическому центру русского языка.

Есть еще проблема, решение которой безнадежно затянулось. Современная методика изучения иностранных языков (в настоящей статье речь идет об изучении русского языка именно в качестве иностранного) придает серьезное значение применению звукозаписывающей и звукопроизводящей аппаратуры. В прошлом году Совет Министров СССР принял постановление о развитии производства бытовой аппаратуры магнитной записи и улучшении ее качества. В постановлении отмечалось, что объем выпуска этой аппаратуры не удовлетворяет растущие потребности населения. Изготовляемые магнитофоны уступают по качеству лучшим зарубежным образцам. Не выпускаются магнитофоны для изучения иностранных языков и миниатюрные магнитофоны. Особенно плохо обстоит дело с производством магнитной пленки.

Прошло больше года. Однако приходится с сожалением констатировать, что от серийного производства магнитофонов учебного назначения мы почти так же далеки, как и год назад. Должен сказать, проблема эта столь важна и серьезна, что я надеюсь — «Литературная газета» вернется к ней еще в специальной статье.

И, наконец, о подготовке преподавателей русского языка как иностранного. Их готовят в Московском и Ленинградском университетах и в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Однако большинство из них работает не по основной, а по второй специальности: в связи с тем, что они оканчивают университеты с хорошим знанием иностранных языков, различные ведомства охотно используют их в качестве переводчиков, что при острой нужде в квалифицированных преподавателях русского языка иностранцам совершенно не оправдано. Такую неверную практику распределения молодых преподавателей русского языка в качестве иностранного следует изменить. Это уже в нашей компетенции, и мы это сделаем.

С прошлого года функционирует организованный в Университете дружбы народов факультет повышения квалификации преподавателей русского языка. По плану каждый преподаватель раз в пять лет пройдет через этот факультет.

Решение некоторых из указанных проблем потребует определенных материальных затрат. На них надо пойти. Надо предпринять все возможное, чтобы устранить диспропорцию между растущим интересом к русскому языку в мире и нашей организационной, методической и технической помощью в этом важном деле.

Юлиан СЕМЕНОВ

НА ЯЗЫКЕ ПУШКИНА

Мне представляется крайне своевременным выступление «Литературной газеты» по важнейшей проблеме — русский язык за рубежом.

Я вспоминаю, как нынешним летом разговаривал в Западном Берлине со студентом, изучающим русский язык. Разговор состоялся после моего двухнедельного пребывания в этом городе и был для меня, в определенной мере, приятным сюрпризом. До этого, сколько я ни искал людей, знающих русский, найти их не удавалось.

Студент говорил мне:

— У нас, по-моему, ваш язык преподают всего в трех или пяти школах. Но на тех, кто изучает его, здесь смотрят удивленными, а то и злыми глазами.

На память приходит другая картина. Во Вьетнаме я видел, как молодой инженер в перерыве между бомбежками читал сказки Пушкина на вьетнамском языке. На другой коленке у него лежали те же сказки, изданные в Москве по-русски. И в, русский писатель, был горд сознанием, что солдат Вьетнама — в солдатами там являются все: инженеры и поэты, геологи и актеры — изучает мой язык по самому высокому образцу — по книгам Пушкина.

Тяга к русскому языку за границей (я могу это сказать и о Финляндии, и об освобожденных районах Лаоса, я о Германской Демократической Республике, и о Соединенных Штатах Америки) воистину огромна. И мы обязаны, чем только можем, помочь иностранцам изучить наш язык. Это важно для распространения в мире великих идеалов русской и советской литературы.

Нужно продумать, вероятно, вопрос о том, чтобы наша писательская организация более тесно сотрудничала с Издательством литературы на иностранных языках, Иностранной комиссии Союза писателей СССР надо бы больше использовать советских прозаиков, поэтов и драматургов, владеющих двумя-тремя языками, в качестве полномочных представителей русского языка за границей. Тут возможны лекции, годичные курсы, какие-то иные формы обмена.

Словом, проблема поднята, она крайне важна. Будет обидно, если мы ограничимся лишь тем, что назвали ее. Мы обязаны быть последовательными. Мы обязаны эту проблему решить.

ЗА КУЛИСАМИ СДЕЛКИ НА «ФИРЛЕССЕ»

Атмосфера строгой секретности. Надпись на двери кают-компании: «Цитадель конференции». Здесь, на военном корабле «Фирлесс», у Гибралтара, происходила недавно «конференция» между британским премьером Гарольдом Вильсоном и главой расистского режима в Родезии Яном Смитом.

У Вильсона довольный и спокойный вид. Очевидно, все удалось, как было задумано. Помещая этот снимок, «Санди таймс» задает вопрос: «Результаты секретной миссии. Поддержит ли Вильсон южноафриканский заем Смиту?» Вопрос явно риторический — в британской столице знают, что лейбористское правительство, произнося громкие слова о «защите свободы и демократии», по существу, попустительствует родезийским расистам. Через южноафриканские ворота в Родезию текут деньги из английских банков, под видом южноафриканских британские товары проникают на рынки Родезии. Британский крупный капитал не скрывает своей заинтересованности в «урегулировании» отношений с Яном Смитом. Сделка между Вильсоном и Смитом на борту «Фирлесса» состоялась за счет коренного населения Родезии — народа Зимбабве, обреченного на бесправие и произвол под властью кучки белых расистов.

Как готовилась эта сделка?

За несколько месяцев до встречи на «Фирлессе» родезийские ультра начали кампанию против Смита. В парламенте раздавались голоса — «он либерал», «он уступит власть черным», «в отставку».

Это было прежде всего на руку Гарольду Вильсону и ничуть не пугало южнородезийского премьера. Отвечая своим критикам в парламенте, Вильсон ссылался на принцип «меньшего зла». Если уйдет Смит, придут к власти еще более крайние элементы. Отсюда вывод — «надо найти общий язык с нынешним режимом».

Началась серия визитов в Солсбери. В родезийскую столицу один за другим направились помощник заместителя министра по делам содружества наций Ботомм-ли, затем сам министр по делам содружества Томсон. Наконец, с особо важной миссией туда поехал личный представитель и друг Гарольда Вильсона адвокат Гудмен в сопровождении сэра Макса Айткена, председателя газетного треста Бивербрука. Гудмен и Айткен поселились в частном отеле Майклз, куда зачастили не только Ян Смит, но и его «псевдодрагн» — Иденсон, Филиппс, Харпер — африкандеры-экстремисты из родезийской национальной партии. Они участвовали на равных в переговорах тройки Смит—Гудмен—Айткен. В итоге Гудмен не только завоевал полное доверие расистов, но привез в Лондон меморандум на 25 страницах, который послужил основой для переговоров Вильсона—Смита.

Важнейший пункт этого меморандума — прекращение санкций и возобновление экспорта родезийского табака в Англию, согласие на 25-миллионный заем ЮАР, а точнее—заем английских банков Родезии. Лондон снова готов признать Смита «законным» премьером Родезии, если тот примет весьма умеренные английские предложения. В этом случае клика Смита может оставаться у власти до принятия новой конституции и проведения новых выборов. Но о каких «выборах» может идти речь, когда вся полнота власти в руках кучки белого меньшинства?

Сведения о меморандуме и готовящейся сделке в начале октября стали известны в Лондоне левым лейбористам, вызвали возмущение общественности. Но британскому премьеру не привыкать к двойной игре. За несколько дней до встречи со Смитом на «Фирлессе» он выступил по телевидению и заверил англичан, что никаких уступок родезийским расистам он не намерен делать. 24 левых лейбориста—члены парламента, не удовольствовавшись его заверениями, послали премьеру записку: «Дорогой Гарольд! Мы хотели бы поговорить с вами о Родезии».

Вильсон час беседовал в своих личных апартаментах с Джоан Лестер, Фрэнком Джуддом и Уильямом Уэллбеловдом. Когда же члены парламента вернулись от премьера, ожидавшие их коллеги в нетерпении спросили: «Что сказал Гарольд?» «Важно не то, что сказал премьер, а что он не сказал», — последовал ответ.

А не сказал он о том, что два военных корабля «Фирлесс» и «Кент» прервали маневры у английского побережья и что на борту одного из них у Гибралтара он встретится с Яном Смитом. «Согласно классическим законам иронии,— пишет «Санди таймс», — военно-морской флот избрал в качестве кодового пароля для встречи у Гибралтара наименование «Диоген». Ни один высший морской офицер в Гибралтаре не мог ответить на вопрос: кто же—Вильсон или Смит—должен олицетворять философа-стоика...»

Интересно следующее: по следним, кого перед поездкой на переговоры в Гибралтар принял британский премьер на Даунинг-стрит, 10, были Гудмен и Айткен: они делились с Вильсоном своим опытом общения с расистами. С этими двумя британский премьер был, надо думать, откровеннее, чем с левыми лейбористами...

«РЕЙНДЖЕРЫ» ВО ДВОРЦЕ ПИСАРРО

КЕМ И ПОЧЕМУ БЫЛ СВЕРГНУТ ПРЕЗИДЕНТ ПЕРУ

Когда в четверг, 3 октября, «рейнджеры» перуанской армии на исходе ночи проникли во дворец Писарро, оттеснили президентскую охрану и буквально вынули из постели спящего президента Фернандо Белаунде Терри, для него, по-видимому, не было большой загадки в том, кто его свергнул. За окном по каменным плитам просторного двора лязгали гусеницами танки, а в саду позади дворца собирали в кучу оружие, отобранное у охраны...

Впрочем, еще накануне в Лиме распространились упорные слухи, пущенные из «неизвестного источника», о готовящемся военном перевороте. А дня за три до того, как «рейнджеры» выступили из своего лагеря, двоюродный брат президента был смещен с поста командира дивизии, охранявшей дворец.

Но то ли президент Терри не придал этому факту особого значения, то ли уже почувствовал, что дни его сочтены и ему все равно придется уйти... Так или иначе арестованный президент безропотно подчинился, когда армейские офицеры упрятали его в закрытую машину и повезли в Чорильосе, близ Лимы, где находится военная академия.

Хотя в перуанской армии 50 генералов и теоретически любой из них мог двинуть свои войска для захвата власти, все же кто-то один отдал «рейнджерам» приказ окружить президентский дворец. Кто — до утра было неизвестно. А что переворот удался, стало ясно, едва только рассвело. В 7 час. 15 мин. утра по местному времени войска заняли радиостанцию Лимы, тут же переименованную в «Радио армии», которая позднее сообщила, что бывшего президента посадили в самолет, взявший курс на Буэнос-Айрес.

В тот же день «Радио армии» передало в эфир декрет № 2. Военная хунта, захватившая власть в стране, назначила президентом командующего сухопутными силами дивизионного генерала Хуана Веласко Альварадо. Так выяснилось, что именно он и бросил в атаку на дворец Писарро «рейнджеров», то есть части, подготовленные для «специальных операций».

Но были какие-то силы, в свою очередь благословившие генерала Альварадо на этот, в общем типичный для Латинской Америки, предрассветный переворот?

Нити, несомненно, ведут к последнему совещанию представителей армий стран — членов ОАГ в Рио-де-Жанейро. Выступивший там генерал Уэстморленд заявил, что вооруженные силы должны иметь «право контроля» в каждой латиноамериканской стране. Такой была «теоретическая» установка Пентагона. Но и практические детали, включая нападение на дворец Писарро, разгон населения на улицах Лимы с помощью новейшего американского химического средства «мейс», все это тоже, очевидно, соответствовало секретным «рекомендациям», разработанным на встрече «горилл» в бразильской столице. Ведь всего там рассматривалось 210 (!) предложений, которые «были одобрены полностью, частично или в принципе». О каких странах шла речь? Вслед за Перу наступила очередь Панамы... А кто следующий?

Почему, однако, в списке жертв, намеченных «гориллами», республика Перу оказалась на первом месте? Острейший политический кризис начался вскоре после подписания невыгодного для перуанской экономики соглашения между рокфеллеровской «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» и государственной нефтяной компанией Перу. Бесцеремонность янки дошла до того, что последняя страничка этого соглашения... бесследно исчезла. А как раз на ней, на этой страничке, говорилось об американских платежах Перу.

Придя к власти, хунта во главе с генералом Альварадо громогласно объявила это соглашение «оскорбительным для национального достоинства» и даже ввела войска в нефтяные районы Бреа и Париньяс (не только не причинив никакого ущерба собственности США, а скорей, напротив, взяв ее под защиту своих штыков). А ссылка на «национальное достоинство» — простая демагогия.

Монополии США стремятся сохранить свои концессии и привилегии в Перу. До поры до времени президент Терри неплохо защищал их интересы, отменяя конституционные гарантии. Но в последние месяцы перуанской олигархии и монополиям США даже эти жестокие меры показались недостаточными. И те, и другие испугались, что в создавшихся условиях на выборах в будущем году может победить коалиция левых сил.

...На шестой день после той ночи, когда «рейнджеры» генерала Альварадо поднялись по мраморной лестнице дворца Писарро, свергнутый президент Фернандо Белаунде Терри спустился по трапу из самолета, прилетевшего в Нью-Йорк. Репортерам, встречавшим его в аэропорту, он с улыбкой сказал:

— Я счастлив, господа, что прибыл в США.

НОВЫЕ ЙЭХУ*

С виду они похожи на людей. Они одеваются, как человеческие существа, и издают звуки, как человеческие существа. У каждого за плечами школа, а у иных и колледж, и они, так же как и люди, внимательны к своим женщинам и ласковы со своими детьми. И все же, хоть их и надо причислять к роду человеческому, они по существу своему античеловечны. Они выступают против всего, что человечество достигло за два миллиона лет своего развития. Закон и порядок, политическое равенство и справедливость, разум, истина, красота, непреходящие ценности западной цивилизации — пустые, лишенные смысла слова для этих античеловечных существ. И, что хуже всего, они не только не верят в эти ценности, но и считают их злом, опасными, подрывными выдумками, исходящими от либералов, от радикалов, от коммунистов, выдумками, с которыми надо покончить любой ценой. Таковы они, эти американцы, эти новые йэху...

Не в том дело, что наши школы не справились со своей задачей, — дело в том, что они до сих пор даже не начали выполнять функцию, которая, надо полагать, была возложена на них с самого начала, — функцию воспитания. В школах обучают. Но не воспитывают. Учат читать, писать и считать, прививают всевозможные практические, технические навыки. Это нужно и важно, разумеется, но ведь такие навыки играют лишь подсобную роль, они должны помочь овладеть куда более важным умением — способностью к человеческим взаимоотношениям и творческому сотрудничеству с другими людьми. А для этого надо с детских лет не только культивировать в людях человеческий дух, гуманность, но и развивать в них способность мыслить, учить каждого пользоваться своим умом как тончайшим критическим инструментом. Именно потому, главным образом, что ни в наших школах, ни вне учебных заведений этого не делается, среди нас и развелось так много новых йэху.

Каковы отличительные признаки нового йэху?

Он не умеет пользоваться своим умом, для того чтобы самому критически взвешивать и оценивать факты. Главное для него — «так мне хочется».

Он, разумеется, страстный патриот и регулярно, по каждому подходящему и даже неподходящему случаю, готов размахивать американским флагом. Если он уже не молод, то он скорее всего член какой-нибудь достопочтенной организации, вроде «Американского легиона». Он любит петь национальный гимн и, положа руку на селезенку, грудную кость или верхушку левого легкого, видимо, полагая, что сердце находится в одном из названных мест, клясться в верности флагу Соединенных Штатов Америки, этой пользующейся божественным покровительством единой и неделимой страны, где свобода и справедливость существуют для всех. И тут же он выступает против законопроекта о гражданских правах, осуществляет дискриминацию против всех, кто, по его мнению, подлежит дискриминации, поддерживает «статус-кво», что означает продолжение террора против негров, чтобы те не вышли из подчинения, объявляет невиновными белых людей, о которых заведомо известно, что именно они убили таких-то негров или борцов за гражданские права, и упорно сопротивляется всякой мере, если она направлена на обеспечение свободы и справедливости для людей, не принадлежащих к его собственной группе.

Он не читает книг — разве пробежит от случая к случаю какой-нибудь «жуткий» роман или политическую брошюрку, но реакционную газету или журнал выписывает обязательно: они обеспечивают его именно той «духовной пищей», в которой он нуждается, и укрепляют его веру в правильность его убеждений.

В церковь он ходит не часто, но твердо верит, что без религии людям нельзя.

Он верит в конституцию Соединенных Штатов Америки — с условием, что он сам вносит в нее поправки, чтобы она соответствовала его личным запросам. Ведь, по сути дела, этот документ сочинили тоже революционеры, в числе которых был и такой отъявленный радикал, как Томас Джефферсон. Конституция уже давно нуждается в пересмотре, и сделать это надлежит именно таким людям, как он и его друзья.

Он отождествляет благосостояние страны со своим собственным материальным благополучием; вот почему он решительно выступает против всего того, что направлено на улучшение положения других людей, — он боится, что это ударит его по карману и приведет ко всякого рода «социалистическим» переменам — причем под «социалистическими» он подразумевает «коммунистические».

Несомненно, что больше всего этих йэху — на юге США, а на втором месте стоит Калифорния. К ним надо отнести всех «берчистов» и куклуксклановцев, а также, разумеется, большинство членов других крайне правых организаций. Новых йэху можно встретить во всех прослойках нашего общества, и мысль о том, что они вездесущи, внушает нам очень серьезную тревогу. Число их растет, и, боюсь, растет их пропорциональная численность. Они стали голосистей и влиятельней, чем когда-либо прежде. А поскольку их взгляды по самой сути своей антигуманны, надо прилагать все усилия к тому, чтобы ограждать других людей от этой заразы, даже когда речь идет об одном-единственном человеке. Миллионы американцев уже заражены этой болезнью и передают ее вирус своим детям. И тревогу вызывает не только то, что вред причинен столь многим американцам, но и другое обстоятельство: поскольку Америка имеет огромное влияние на мировой арене, эти новые йэху во многих случаях способны испортить жизнь миллионам людей на нашей планете.

БУЙСТВУЮЩИЙ АМЕРИКАНЕЦ

Если американцы и не самые буйные люди на свете, им, конечно, осталось недалеко до завоевания такой репутации. К насилию они начали прибегать с первого дня колонизации Америки, когда стали «обороняться» и «защищаться» от индейцев, как благозвучно именовали предумышленное и беспощадное истребление целых племен... Миф о дикаре-индейце, от «кровожадности» которого надо было якобы защищаться, привел к тому, что каждый американец считает себя вправе носить оружие. В Декларации независимости каждому американцу, да и всему миру, было объявлено, что английский король «разжигал внутренние восстания против нас и старался натравить на жителей нашего Дальнего Запада кровожадных дикарей-индейцев, знающих одно правило ведения войны — это поголовно уничтожать наших людей всякого возраста, пола и состояния».

Таким образом, каждого колониста, приезжавшего осваивать эту страну, убеждали в том, что его патриотический и моральный долг — подстрелить столько «дикарей-индейцев», сколько он сможет.

«Просто удивительно, насколько люди в этой стране стали равнодушными к насилию и кровопролитию. Тут чуть ли не каждый день происходят потасовки, кончающиеся убийствами, и мы взираем на эти сцены совершенно бесстрастно, хотя и сознаем, что любая из этих стычек подвергает опасности и нашу жизнь. Здесь теперь каждый стреляет из револьвера по малейшему поводу с такой же легкостью, с какой в другой стране дерутся на кулаках».

Это писал канадец Уильям Перкинс более ста лет тому назад, когда в Калифорнии происходила «золотая лихорадка» (в книге «Три года в Калифорнии, 1849—1852»). Многое ли изменилось у нас с тех пор?

Романтизированный культ освоения западных территорий и войн с «дикарями-индейцами» — культ насилия и безудержного индивидуализма — жив и поныне. Книги, фильмы о диком Западе и лихих американских ковбоях превозносят самое разнузданное буйство и насилие. Наши мальчишки часто носят ковбойскую форму, а заодно и игрушечные револьверы в кобурах и патронные ленты с игрушечными пулями, аккуратно вставленными в каждое гнездо. И они палят из этого оружия, подражая взрослым ковбоям. Подстрекательства к стрельбе — на каждом шагу. Комиксы, книжки, кино, телевидение, журналы, серьезные и бульварные газеты, отчеты ФБР, убийства, нападения из-за угла, войны между гангстерами — взрослыми и подростками, изнасилования, удушения, зверства полицейских и многое-многое другое сделали насилие неотъемлемой чертой повседневной американской действительности. Нигде в мире не совершается столько преступлений, связанных с насилием, как в Америке...

Теперь, когда автомобиль стал у нас основным средством передвижения по земле, многие американцы ведут с его помощью «необъявленную войну» против своих же сограждан, причем число жертв растет головокружительными темпами. И в этом росте автомобильных аварий отражается агрессивный характер, присущий столь многим американцам.

Один молодой человек, с которым я повстречался, хвастал тем, что на его счету — семь автомобильных катастроф. Сравнительно легкие ранения, которыми он отделался, отнюдь не отвадили его от опасной езды — наоборот, лишь подзадорили и впредь водить машину очертя голову. Не понимаю я, почему власти не лишили прав этого безответственного юнца. Автомобиль можно использовать как смертоносное орудие, и, следовательно, у каждого, кто обнаружит к этому хоть малейшую склонность, необходимо отбирать права.

А это подводит нас к еще одной стороне вопроса о разгуле преступлений и насилий в Америке. Это позорная мягкотелость наших судов. Судьи и присяжные, опираясь на чисто формальные юридические положения, слишком часто приходят к выводу, что человек, задавивший насмерть пятерых пешеходов, вовсе не так уж провинился и суду тут либо вообще нечего делать, либо — самое большее — достаточно ограничиться каким-нибудь беззубым «определением». Но такое поведение судей и присяжных — издевательство над законом, чье главное назначение, как мы знаем, состоит в том, чтобы защищать и оберегать каждого отдельного гражданина и, уж конечно, все общество, частью которого он является.

Наши законы, регулирующие владение смертоносным орудием и пользование им, проводятся в жизнь слишком мягко. Я говорю об этом не потому, что думаю, будто надлежащее соблюдение законов разрешило бы проблему преступности и насилий в нашей стране... Не случайно Америка — самая беззаконная страна в мире. Беззаконие стало американской традицией, и беззаконие потому процветает в Америке, что с его проявлениями у нас никогда еще серьезно, как следует не боролись...

С 1900 года в Соединенных Штатах было убито огнестрельным оружием более 750 тысяч человек, в то время как во всех войнах за всю свою историю наша страна потеряла 530 тысяч человек!

Каждый год в Соединенных Штатах многих мужчин, женщин и детей убивают только потому, что оружия здесь полно и доступ к нему свободный. Пора уже прийти к выводу, что всякое огнестрельное оружие — это орудие убийства и именно так к нему надо и относиться.

КАК В АМЕРИКЕ ПРЕСТУПНИКИ ВЫХОДЯТ СУХИМИ ИЗ ВОДЫ

Как теперь знают все, а в особенности преступники, законы наши — на стороне преступника. Фактически каждый, кто совершил преступление, — не важно, какое, — с помощью «хорошего» адвоката может уйти от наказания, предусмотренного законом, благодаря той или иной формальности. Убийц, гангстеров, членов «мафии», насильников, головорезов и всю уголовную братию так мало беспокоит юридическая ответственность за их действия, что они даже не думают о возможных последствиях, убежденные в том, что с помощью закона они так или иначе сумеют «выкрутиться». В результате огромный рост всех видов преступлений в Соединенных Штатах, неуважение и презрение к закону, полнейшая деморализация тех, кто отвечает за проведение законов в жизнь, и страх, во власти которого живет рядовой гражданин.

Для того чтобы в обществе сохранялись законность и порядок, необходимо уважительное отношение к ним. Но наши суды, судьи и адвокаты сами делают посмешище из закона, сами внушают людям пренебрежение к нему, и все это — во имя законности и порядка, которые они призваны охранять.

Газеты пестрят сообщениями о преступниках, которых многократно арестовывали, но всякий раз освобождали благодаря той или иной юридической формальности. Годами они продолжали свою преступную деятельность в полной уверенности, что, сколько бы они ни попадались, к их услугам всегда будут адвокат и предупредительный судья, которые в считанные часы добьются их освобождения...

БУЛЬВАРНЫЕ ГАЗЕТЫ

Интересно, что почти все бульварные газеты реакционны по своим политическим установкам, ведут обструкционистскую линию в отношении социальных реформ и отличаются полным отсутствием вкуса. Писаки, которых нанимают эти аморальные газетенки, — зачастую столь омерзительные существа, что трудно даже поверить, как подобные личности могут находиться среди нас, а не сидеть, где им полагается, в смирительных рубахах... Выдерживать их просто невозможно, ибо ту пакость, что они пишут, то густое всепроникающее зловоние, которое они распространяют, напоминает вещество, испускаемое одним животным, с которым они в этом отношении весьма схожи,— вонючкой. Правда, сравнивать их с вонючкой — значит, быть несправедливым к ней, потому что она пользуется своими железами, выделяющими пахучую жидкость, в оборонительных целях. А эти клеветонисты, как я назвал бы прислужников желтой прессы, такого оправдания не имеют. Они испускают свое омерзительное зелье за деньги, для утехи миллионов читателей, наслаждающихся зловонными испарениями.

Один из самых отъявленных клеветонистов заработал себе прозвище Ядовитое Перо, что очень точно определяет его сущность; о другом говорили, что читатели кидаются на его статьи, как прохожие на улице сбегаются на несчастный случай с кровавыми человеческими жертвами. Безграмотные, вульгарные, грубые, лишенные здравого смысла и человеческих чувств, эти существа нередко приобретают огромную власть и оказывают влияние на телевидение, радио и кино во всей Америке, от побережья до побережья... От судебных исков их ограждают владельцы газет — их хозяева, а также законы против клеветы, защищающие клеветников, так что им почти все сходит с рук.

ЮГ

Юг — это район бедствия, больное место, край, где бесчеловечность и бесправие существуют, как эндемическая болезнь, вот уже более двух столетий; где бесчеловечность, по сути дела, стала образом жизни; где убийцы негра или любого человека, помогающего неграм, не только будут оправданы белыми присяжными, но и заслужат всеобщее одобрение; где органы исполнительной власти для того и существуют, чтобы сохранять на вечные времена бесчеловечность и бесправие; и где самый закон служит для защиты «южного образа жизни».

Белый южанин — это человек, пораженный тяжелой болезнью. Но болезнь эта на Юге так широко распространена, что ее считают проявлением нормы и здоровья. А потому все, что угрожает привычному образу жизни, осуждается как отклонение от нормы, как нечто нездоровое, нежелательное и подлежащее беспощадному искоренению. И поэтому с неграми, которые «задаются», то есть требуют, чтобы их считали полноправными гражданами и такими же людьми, как все, расправа там коротка. Негров зверски избивают, убивают, их дома и церкви поджигают, рвут динамитом — календарь преступлений против негров бесконечен. Итог получается страшный, и перед судом человечества американский Юг виновен по всем статьям.

Унижая негров, Юг унизил самого себя. Юг во всех отношениях — самый нищий район Соединенных Штатов, нищий духовно, социально и политически, нищий по культуре и образованию. И это целиком вина самого Юга...

Главная проблема — это, конечно, негритянская проблема; так говорят все. Но по существу никакой негритянской проблемы нет. Есть проблема белых южан, и пока эта проблема — проблема белого человека американского Юга — не разрешена, нет ни малейших шансов на урегулирование других важных проблем, стоящих перед нашими южными штатами.

* Йэху — презрительное наименование звероподобных людей в стране, где правят гуингнгмы — лошади (из «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта).

Эшли МОНТЭГЮ

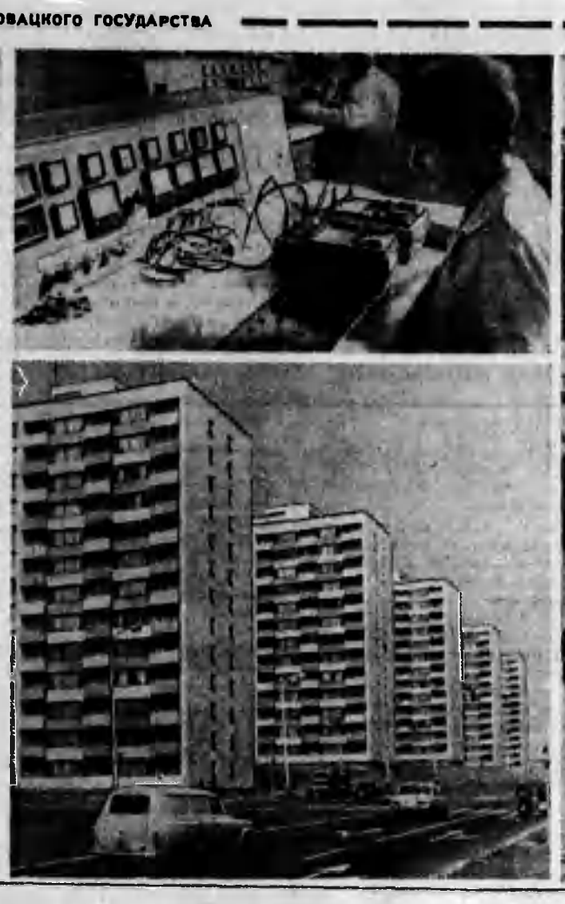
СОЦИОЛОГИЯ

«САМАЯ БЕЗЗАКОННАЯ СТРАНА В МИРЕ»

ЭШЛИ МОНТЭГЮ — ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ СОЦИОЛОГ И АНТРОПОЛОГ, НА ПРОТЯЖЕНИИ РЯДА ЛЕТ ПРЕПОДАВАВШИЙ В ГАРВАРДСКОМ, НЬЮ-ЙОРКСКОМ И ДРУГИХ УНИВЕРСИТЕТАХ. ОН НАПИСАЛ БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ КАПИТАЛЬНЫХ ТРУДОВ ПО РАЗНЫМ ВОПРОСАМ СОЦИОЛОГИИ.

СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЕГО КНИГИ **«АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ»**, ВЫПУЩЕННОЙ В СВЕТ НЬЮ-ЙОРКСКИМ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ДЖ. П. ПАТНЭМЗ САНЗ».

28 ОКТЯБРЯ — 50 ЛЕТ СО ДНЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ГОСУДАРСТВА



В ПРАГЕ

Граждане.
На заводе полупроводников — ЧКД
Новые жилые кварталы.
На Староместской площади.

Фоторепортаж специального корреспондента «Литературной газеты» Михаила ТРАХМАНА

7180 ПИСЕМ ДРУЖБЫ

При знакомстве с книгой ленинградского слависта К. И. Ровды «Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. 50—60-е годы XIX века», только что вышедшей в свет, удивляешься, насколько глубокими и обширными были русско-чешские культурные связи еще сто лет тому назад.

Только в одном Литературном архиве Национального музея в Праге хранится 7 180 писем, которые 839 русских писателей послали своим чешским друзьям.

Но дело, конечно, не в количестве писем или количестве имен, хотя уже та богатейшая фактография, которой оперирует в своей книге Ровда, рождает уважение и к теме исследования, и к самой книге. Изобилие самых прогрессивных, самых заслуженных, самых талантливых имен, представляющих цвет русской и чешской культуры и тесно связанных между собой, — вот что вызывает пристальный интерес к только что вышедшей книге.

Непосредственно на чешские темы в своем творчестве откликались П. Вяземский и Н. Добролюбов, И. Тургенев и Н. Лесков и многие другие. В трудах Герцена и Чернышевского можно не только встретить высказывания об отдельных чешских писателях и литературных явлениях, но и общую оценку перспектив чешского национально-освободительного движения и связанных с ним художественных произведений.

«И Герцен, и Чернышевский, — пишет К. И. Ровда, — решительно осуждают и западный, и русский политический панславизм, мешавший борьбе за национальное и социальное освобождение чешского народа и укрепление связей этого движения с русскими и европейскими прогрессивными силами».

Демократическая волна национально - освободительного движения 60-х годов в чешских землях не могла не сомкнуться с русской прогрессивной реалистической литературой. И проводниками русской прогрессивной мысли в Чехии были, конечно, в первую очередь представители радикально-демократического направления, такие, как И. В. Фрич, К. Сабина, Э. Вавра и другие.

Русская литература, писал Карел Сабина в 1859 году, имея в виду лучших ее представителей, «с самого начала думала о принципах», на которых «основано человеческое достоинство», и помогала «формированию национальной воли в направлении прогресса». Э. Вавра подчеркивает мировое значение русской реалистической литературы.

К. И. Ровда исследует русско-чешские отношения в области культуры прошлого века во многих аспектах. Его интересуют и личные контакты, и международные связи чешской литературы, место славянских литератур в международных связях чешской культуры; и русская литература в Чехии, переводы и переводчики; и русская литература в чешской критике; и чешская литература в России, в восприятии русской демократической мысли.

Русская передовая наука о литературе и критика внимательно следили за тем, что происходит в чешской литературе. В 80-е годы русская демократическая пресса отмечает «едкую и беспощадную сатиру Неруды» и предсказывает, что с «Малостранских повестей» историки литературы «определят в свое время начало реализма в чешской литературе, как в русской определяют его с «Шинели» Гоголя».

В книге впервые в советской славистике подробно и обстоятельно говорится о роли первых русских славистов О. М. Бодянского, И. И. Срезневского, В. И. Григоровича в изучении и пропаганде чешской литературы. Особое внимание исследователь уделяет разнообразной деятельности А. Н. Пыпина, сыгравшего во второй половине XIX века первостепенную роль в укреплении русско-чешских культурных отношений.

В книге приводятся многочисленные и яркие факты самых тесных русско-чешских литературных связей.

Но автор не обходит молчанием и тех противоречий и драматических моментов, которые порой возникали. «Было бы непростительной ошибкой, — пишет Ровда, — представлять себе историю русско-чешских литературных отношений в виде какой-то аркадской идиллии, где почти на каждой странице — дружеские объятия и комплименты с обеих сторон». Опираясь на работы чешских исследователей К. Косика, З. Урбана, Р. Гребеничковой, Е. Германовой, И. Таборской, а также советских исследователей С. Никольского, А. Соловьевой, А. Зайцевой, И. Бернштейн, Л. Кишкина, Р. Филипчиковой и других, автор внимательно прослеживает, как происходит сложный процесс взаимного усвоения русских и чешских литературных ценностей, как вырабатываются во многом общая эстетика и прогрессивные критерии оценки явлений культуры.

Книга К. И. Ровды, по-своему суммирующая многочисленные исследования чехословацких и советских славистов в области русско-чешских литературных взаимосвязей второй половины XIX века, — большой труд, который должен принести немалую пользу в дальнейшем развитии культурных взаимоотношений между нашими народами.

И. СИДОРОВ

К. И. Ровда. «Чехи и русские в их литературных взаимосвязях. 50—60-е годы XIX века». Издательство «Наука», 1968.

ТРОЕ В «КОСМОБИЛЕ»

НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ ПОЛЕТА АМЕРИКАНСКИХ КОСМОНАВТОВ

Полет американского космического корабля «Аполлон-7» вызвал интерес во всем мире. В Соединенных Штатах большой популярностью пользовались телевизионные передачи с борта корабля.

Интересно было все: насморк у командира Уолтера Ширры, мелкие неполадки — осаждение воды внутри корабля, некоторые неисправности системы охлаждения и «заедание» одного переключателя и механизма фотокамеры, доставившие несколько драматических минут как руководителям полета, так и самим космонавтам...

Космонавты продемонстрировали телезрителям некоторые средства управления в кабине, объяснили их назначение, продемонстрировали приготовление пищи с использованием горячей и холодной воды, подаваемой из специальных кранов... Космонавты воспользовались одним из сеансов телевидения, чтобы показать наземным службам трудности, с которыми они встретились при использовании оборудования в кабине. Некоторые датчики работали плохо. Поэтому, например, не удалось автоматически измерять температуру у командира корабля Ширры. Три раза в сутки он принимал одну таблетку для очищения дыхательных путей, несколько чаще — таблетки аспирина. Всего в аптечке космонавтов было запасено 24 таблетки для очищения дыхательных путей и 72 таблетки аспирина. Ширра сам измерял себе температуру, другой космонавт измерял ему пульс. Любопытно, что лекарства из бортовой аптечки пригодились космонавтам и тогда, когда стал заедать механизм фотокамеры. Неполадки удалось устранить, лишь смазав механизм... мазью для лечения насморка.

Газета «Вашингтон пост» пишет, что болезнь в космосе — «действительно весьма серьезная проблема», имеющая две стороны. Одна — необходимость защитить космонавта от «земных» болезней, другая — отличить новые микробы, которые могут попасть в космический корабль от любого лунного организма — если таковые существуют, — и которые люди могут «прихватить» с собой с Луны. По мнению медицинского руководителя полета американских космонавтов, даже возникновение насморка у Ширры представляло большой интерес для медиков.

Распорядок дня у космонавтов был такой: когда Эйзел «заступал на дежурство», Ширра и Каннингем «шли» спать. Неудобными для сна оказались подвесные спальные мешки: некуда положить голову и руки. Поэтому космонавты предпочитали спать в креслах, застегнув привязную систему.

Во время полета космонавты ели горячую пищу, получая 2500 калорий в сутки. В кабине имелся специальный кран для питьевой воды, но космонавты жаловались на то, что вода невкусная, слишком сильно хлорирована.

Как подчеркивает американская печать, подготовка программы полета корабля «Аполлон-7», который в Соединенных Штатах уже окрестили «космобилем», производилась с учетом трагедии, разыгравшейся в американском космическом центре в январе 1967 года. «Жизнь трех храбрых людей, погибших во время пожара на мысе Кеннеди, — пишет газета «Нью-Йорк таймс», — стала той высокой ценой, которой пришлось расплачиваться, чтобы заставить Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства, его подрядчиков и всех других, связанных с программой, проникнуться новым отношением к делу. В будущем не должен никогда повториться прежний чрезмерный упор на рекламную сторону дела в ущерб технической».

Возможно, в США найдутся люди, которые не согласятся с этой в общем трезвой оценкой достижений американских космонавтов. Кое-кто, возможно, даже попытается использовать полет американского «космобиля» в целях, далеких от исследования космоса. А проще говоря — для усиления так называемой «гонки в космосе», для раздувания военного бюджета и антисоветской истерии в США. В этом, в частности, убеждает интервью директора космического центра в Хантсвилле (штат Алабама) небезызвестного гитлеровского «ракетчика» Вернера фон Брауна, данное им еженедельнику «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». За несколько дней до полета Ширры, Каннингема и Эйзела фон Браун заявил, что «русские собираются затянуть нас за пояс в космосе через каких-нибудь пять лет», а это, по заявлению фон Брауна, будет означать отказ США от роли первоклассной державы...

МЕЧИ И ОРАЛА

Олег ПРУДКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

НА 42-Й УЛИЦЕ

В душном и по-летнему жарком Нью-Йорке чувствуется приближение «судного дня». До президентских выборов осталось меньше двух недель. В витринах многих магазинов вывешены портреты кандидатов, маленькие лавчонки торгуют предвыборными значками. Есть товар на любой вкус: если хотите, можете нацепить круглую бляху с призывом голосовать за Никсона. Вы предпочитаете Хэмфри? Пожалуйста. Уоллеса? Есть и такая бляха. Однако предприимчивые торговцы понимают, что кандидатура Уоллеса вызывает у некоторых просто отвращение. Предусмотрено и это: имеются бляхи с надписями — «Уоллеса к чертовой матери», «Кто любит Гитлера, любит и Уоллеса». Все это, так сказать, организованная частная инициатива на коммерческой основе. Но нередко на глаза попадаются плоды чистой самодеятельности — предвыборные призывы, начертанные мелом на стенах или заборах, листы бумаги, исписанные от руки и наскоро приклеенные на видном месте.

Но за калейдоскопом призывов и плакатов стоят острые и подчас трагические проблемы современной Америки. В течение вечера телевизионные передачи неоднократно прерываются. Демонстрируются не обычные рекламные вставки, на экране — огонь, кровь, гибнущие люди. На экране Вьетнам, охваченные волнениями американские города. За этим следуют призывы голосовать за республиканскую партию. Ричард Никсон стремится с очевидной для себя выгодой использовать растущее возмущение, гневные протесты американской общественности против грязной войны во Вьетнаме.

Нужны перемены, настаивают республиканцы. Никсон держится уверенно. «Я приведу свою партию к власти с величайшим триумфом», — заявил он на днях. Демократ Хэмфри скромнее: «У меня есть еще возможность победить...» Но будет ли означать смена руководства смену политики? Тут говорят: избиратель хорошо знает, против кого голосовать, и не знает, за кого голосовать... Жгучие проблемы Америки пронизывают и внутреннюю жизнь страны, и ее внешнюю политику. Впрочем, решение специфических внутренних вопросов в конечном счете зависит от того, какой внешнеполитический курс изберут США в грядущие четыре года.

ПРЕССА И ЖАКЛИН КЕННЕДИ

На третьем этаже стеклянного небоскреба ООН — царство прессы. Здесь работают представители агентств и газет всего мира. Жизнь кипит! Отлично поставленная служба информации ООН могла бы помочь газетчикам. Но, увы, американская печать уделяет деятельности этой международной организации минимальное внимание.

Один мой коллега рассказал, что некоторое время назад видный сотрудник государственного департамента выступил перед большой группой журналистов с лекцией о перспективах внешней политики США. Он ни разу не упомянул Организацию Объединенных Наций. Наиболее обстоятельную статью, связанную с работой ООН, «Нью-Йорк таймс» посвятила новому главе службы безопасности ООН полковнику Гарольду Аллену Тримблу. Я узнал много интересных сведений о нем: и то, что в детстве его звали Гек за сходство со знаменитым твеновским героем, и какого он роста, и сколько весит, и какую предпочитает форму усов, и где проходил военную службу...

А в самые последние дни многие газеты захвачены свежей сенсацией — жена покойного президента Джона Кеннеди, Жаклин, или, как ее ласкательно-фамильярно называют, Джекки, выходит замуж за греческого мультимиллионера Аристотеля Онасиса. Где уж тут мировые проблемы! Эта новость потеснила даже сообщения о предвыборной кампании, не говоря уже о дискуссии в ООН и забастовке учителей, парализовавшей нью-йоркские школы. «Нью-Йорк таймс» отдала Джекки значительную часть первой страницы и одну — внутри номера. «Дейли ньюс» — первую полосу и еще восемь полос. «Нью-Йорк пост» афишным шрифтом, занявшим всю первую страницу, известила об этом событии.

Вот комментарии «Нью-Йорк таймс». Статья озаглавлена: «Поиски красоты преобладали в жизни миссис Кеннеди». Газета признает, что брак с 62-летним миллиардером довольно сомнительной деловой репутации трудно объяснить «поисками красоты».

В мире большого бизнеса часто создаются легенды, на какое-то время способные отвлекать внимание людей от насущных проблем века. Но легенда всегда только легенда, ее разрушает прикосновение к подлинной жизни. Жаклин Кеннеди, оказывается, все до смерти надоело, как утверждает «Дейли ньюс». И тут же в деловом, чисто американском духе прибавляет: «Ее состояние оценивается в 20 миллионов долларов. Состояние Онасиса — один миллиард»...

Но покинем мир миллиардеров. Вернемся на Ист-Ривер.

ТРУДНОСТИ И НАДЕЖДЫ

К левому крылу помещений, занимаемых ООН, там, где расположен куполообразный зал Генеральной Ассамблеи, примыкает небольшой парк. Зелень в Нью-Йорке редкость. Деревьев в этом громадном городе немногим больше, чем в пустыне, и парк, спускающийся к реке, приятно радует глаз, уставший от стеклянно-каменных исполинов. Здесь установлена хорошо известная всем скульптура Евгения Вучетича «Перекуем мечи на орала», подарок Советского Союза Объединенным Нациям. Эта скульптура как бы символизирует стремления миллионов людей к миру.

И в Организации Объединенных Наций, если подвести первые предварительные итоги общей дискуссии, можно четко проследить водораздел между любителями побрякать мечами и сторонниками мирного пути.

К числу первых международная общественность уже отнесла государственного секретаря США Дина Раска и министра иностранных дел Великобритании Майкла Стюарта. Более восьмидесяти делегаций определили свою позицию, и теперь ясно, что попытки возродить на сессии Генеральной Ассамблеи методы «холодной войны» успеха не имели. Подавляющее большинство ораторов выразило веру в лучшее будущее, в стремление помочь делу мира.

Ход XXIII сессии продемонстрировал растущую роль в современном мире социалистического содружества. Представители Советского Союза, Польши, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Монголии противопоставили факты домыслам. Они указали на истинных виновников усиления напряженности в Европе и во всем мире. США ведут войну во Вьетнаме, США за последние шесть лет вдвое увеличили запасы ядерного оружия в Западной Европе. Главари НАТО открыто поддерживают реваншистскую политику ФРГ, они вынашивали планы отторжения Чехословакии от социалистического содружества, изменения нынешнего статус-кво в Европе. Так была создана угроза европейскому миру, ликвидированная действиями союзных государств, которые поддержали социалистический строй в Чехословакии.

Предложения, выдвинутые социалистическими странами, связаны с острыми проблемами — разоружение, европейская безопасность, ликвидация последствий агрессии Израиля на Ближнем Востоке, неоколониализм.

24 октября на Ист-Ривер отмечается День Объединенных Наций. В такой день полезно оглянуться на пройденный путь, поговорить о перспективах. Каждая сессия Генеральной Ассамблеи ООН — это единственный в своем роде международный форум. Здесь звучат голоса великих держав и малых стран. Делегаты говорят о мировых и о национальных проблемах. Оратор за оратором поднимаются на трибуну ООН. И постепенно вырисовывается сложная и пестрая мозаика современного общества с его трудностями, заботами и надеждами.

...По широкому коридору, ведущему из пресс-центра к залу Генеральной Ассамблеи, проходишь мимо залов Совета Безопасности, Совета по делам опеки, Социального и экономического совета. В двух последних, как и во многих других конференц-залах в различных частях здания, сейчас заседают комитеты, созданные Генеральной Ассамблеей. Здесь ведется кропотливая работа, вырабатываются документы ООН. Так, на днях Третий комитет одобрил проект международной конвенции о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Это основное положение проекта конвенции должно стать частью международного права.

А вот совершенно другая проблема: доклад специального комитета советников по изучению мирного использования ресурсов морского дна. Это интереснейший документ, раскрывающий широкие перспективы. В специальной записке генерального секретаря ООН подчеркивается значение ресурсов морского дна как одного из важных потенциальных источников питания. Ведь количество людей на планете неуклонно растет.

Я привел несколько наугад взятых примеров многообразной деятельности, которая идет в стенах ООН.

КАК СТАТЬ НАСТОЯЩИМ НЬЮ-ЙОРКЦЕМ

На прошлой неделе я вынужден был прервать свою корреспондентскую работу, чтобы вступить в контакт с американской полицией. В душный вечер мне захотелось подышать воздухом, посмотреть на бродвейские огни. Вернувшись в свой номер в гостинице «Сенчурн», я обнаружил исчезновение нескольких принадлежавших мне ценных вещей. У меня побывали гости, которых я отнюдь не приглашал. Администратор отеля выразил глубокое сочувствие. Вызвали полицию. Полицейские чины выразили сочувствие и глубокое сожаление. Затем они составили перечень украденных вещей, осведомились об их стоимости у меня на родине и попросили мой московский адрес. Один из них сказал:

— Ну, что же, сэр, это бывает во всех странах. А? Бывает и у нас. Не так уж часто, правда...

Может быть, и не стоило бы рассказывать об этом сугубо личном эпизоде. Действительно, преступления, в том числе и кражи, случаются везде. Но полицейский явно поскромничал. По официальным данным, в 1967 году в уголовную полицию Нью-Йорка за помощью обращалось 6 миллионов 200 тысяч жителей города. Практически каждая семья так или иначе пострадала от деятельности преступного мира. Здесь полный набор криминальных происшествий — убийства, насилия, грабежи, кражи, хулиганство и так далее.

Знакомый американский журналист, которому я рассказал эту историю, шутя заметил: «Ну что ж, вы теперь можете считать себя настоящим нью-йоркцем».

...Повестка дня XXIII сессии обширна. Мы еще не раз станем свидетелями борьбы тех, кто стоит за разрядку международной напряженности, против адвокатов тех кругов, которые все еще думают о конфликтах и гонке вооружений. Скульптура Вучетича показывает торжество человека мирного труда, торжество мира над войной. Хочется верить, что человечеству удастся претворить в жизнь мечты, воплощенные в этой скульптуре.

НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

СПОРТИВНОЕ И НЕСПОРТИВНОЕ

Сижу за пишущей машинкой и не слышу стука клавишей. Объясняется все очень просто: несколько часов тому назад я вернулся с матча между баскетболистами Мексики и СССР, где четыре тысячи мексиканских болельщиков, словно предчувствуя крупный проигрыш своей команды, превзошли самые предельные шумовые возможности. За ходом встречи можно было следить с закрытыми глазами: то резкий и оглушительный свист, то торжествующее многоголосие лучше всяких счетчиков давали точное представление о ходе игры. Со столь же оглушенными барабанными перепонками вернулся я, помню, на Гренобльской зимней Олимпиаде с концерта «короля ультрамодного джаза» Джонни Холидея.

Но состояние моих ушей не помешало расслышать все, что сказал мне для нашей газеты синьор Рафаэль Фузони — член Организационного комитета Олимпиады по вопросам публикаций. Правда, в начале беседы могло создаться впечатление, что не я интервьюирую его, а он меня.

Синьор Фузони спросил:

— Не находите ли вы, что наша пресса и спортсмены из африканских стран чрезмерно шумят по поводу исключения группы негритянских спортсменов из олимпийской команды США? По-моему, следует писать и говорить о спортивных сенсациях, а не о том, как живется неграм в Америке, не правда ли?

Нет, неправда! Не желая, однако, полемизировать с синьором Фузони, я не рассказал ему, что в холлах домов, где живут в Олимпийской деревне спортсмены многих африканских стран, появились наскоро начертанные плакаты такого примерно содержания: «Томми Смит, Джон Карлос и другие негры из команды США правы — когда надо воевать во Вьетнаме или ценой неслыханных усилий добывать спортивные медали, негры — граждане США. Когда же негры поселяются на пороге помещений для белых — они «грязные черномазые»! Не сказал я синьору Фузони — обязательному и действительно гостеприимному организатору, насколько смехотворны попытки некоторых американских журналистов обвинить Томми Смита и других американских негров, завоевавших немало золотых и серебряных медалей для команды США, в... расистской пропаганде, несовместимой с Олимпийской хартией. Вот уж, поистине, с больной головы на здоровую!

Я попросил моего собеседника высказаться на чисто спортивные темы.

Лукаво улыбнувшись, синьор Рафаэль сказал:

— Вероятно, как спортивный литератор я вам скоро назову по секрету кандидатуру вашего «призера неожиданности».

Но моего собеседника по этой части уже открыто опередили его коллеги из других стран. Первой назвала кандидатов в «призеры неожиданности» группа бельгийских журналистов. По их мнению, приз следует присудить Эдуарду Гущину, завоевавшему бронзовую медаль в толкании ядра. Мотивы такие: в этом сложном спортивном жанре, стоящем на грани легкой и тяжелой атлетики, советские спортсмены — в противоположность спортсменам — ни разу не завоевали олимпийской медали. В кругах западноевропейских обозревателей шутили: никогда, видно, не догнать советским легкоатлетам своей знаменитой соотечественницы Галины Зыбиной, получившей за толкание ядра полный олимпийский комплект — золото, серебро, бронзу. И вот, наконец, студенту Московского областного педагогического института Гущину удалось пересечь фатальную черту!

— Нет, нет, «Приза неожиданности» достойна Тамара Погожева, — советуют нам болгарские товарищи. — Во-первых, серебро всегда значительнее бронзы. Во-вторых, после Токийской олимпиады, где Тамара заняла только пятое место, трудно было предположить, что она — первая среди советских спортсменок — станет медалистом в труднейшем виде водного спорта — прыжках с трамплина. В-третьих, вы сами понимаете, если «Приз неожиданности» достанется женщине, будет гораздо приятнее!

Мы с благодарностью принимаем эти и другие советы, но решение вынесем буквально за несколько минут до торжественного закрытия Олимпиады, когда закончится последний номер программы — командные соревнования юношей. Мы делаем оптимистический прогноз и уверены, что наиболее крупные крушения пессимистических прогнозов, а следовательно, и связанные с ними приятные неожиданности еще только впереди!

Цезарь СОЛОДАРЬ,
спец. корр. «ЛГ»

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

ВАМ, КНИГОЛЮБЫ!

(ИЗДАТЕЛЬСКИЕ АННОТАЦИИ)

Н. ГОГОЛЬ. «РЕВИЗОР»

Автор знаменитой «Шинели», «Носа» и других рассказов создал реалистическую комедию «Ревизор». Несмотря на то, что в ней нет ни одного положительного героя, пьеса легко читается и смотрится. Комедия «Ревизор» — это рассказ о том, как нужно быть бдительным, не доверять на слово, проверять полномочия. Ревизор — человек всегда уважаемый, встречаемый и провожаемый с почетом. Ревизор в нашей стране пользуется заслуженным почетом и уважением. Он стоит на страже интересов и всегда откажется от взятки. Герой пьесы Гоголя кладет большое темное пятно на репутацию ревизора. Да и не ревизор он, а самозванец, пользующийся доверием простодушных провинциалов. Заключает пьесу знаменитая немая сцена, в которой принимают активное участие все действующие лица и исполнители. Пьеса «Ревизор» поможет читателю и зрителю увидеть недостатки и побыстрее их изжить. Вот уже много лет пьеса не сходит со сцены. А в Москве есть Гоголевский бульвар.

М. ГОРЬКИЙ. «ЖИЗНЬ Клима САМГИНА»

Клим Самгин — один из тех, которые много думают, много говорят, а практического толку от них никакого. Самгин мог бы, если захотел, стать полезным обществу человеком: грамоты у него хватало. Он был юристом. Есть еще в Климе что-то фрейдистское, чуждое, рафинированно интеллигентское, антинародное. Большое значение в своей жизни Самгин придает женщине. Их у него было, прямо скажем, немало. Роман задуман как многоплановая эпопея в четырех книгах. Самгин гибнет под ногами расходившейся, разгулявшейся удали народной, поднявшейся на защиту своих прав. Он гибнет в волнах народного гнева, когда лес рубят — щепки летят. Не будь щепкой, хоть ты и с высшим образованием, — вот в чем главная мысль Главной книги Горького. Роман имеет сюжет, события стремительны, стиль афористичен, язык выпукл, сжат, легко читаем.

И. С. ТУРГЕНЕВ. «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

Исполняется 150 лет со дня рождения И. Тургенева. Писал он хорошо. Вот рассказ «Муму». О чем этот рассказ? О том, что у глухонемого человека по имени Герасим был только один друг и другом этим была собака по кличке Муму. Мог ли простой человек, задавленный крепостниками, иметь собаку? Нет, не мог. И Герасиму пришлось утопить друга! Это — идея писателя. В наше время собаку может держать каждый — этим уже никого не удивишь. Собака служит на границе, работает в угрозыске, жертвует собой. Она стала подлинным другом человека. И лучшим памятником писателю-дворянину стали его книги. Это ли не всенародное признание?

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

СВЯТАЯ МЕСТЬ

В. СТРОКОПЫТОВ

Василий Цховребов вышел из столовой № 18, сел на трамвай и поехал к умирающему другу. Авоську с гостинцами от месткома он поднял над головой, чтобы густая толпа, с энтузиазмом едущая с работы, не помяла розовый зефир.

Дормидонт лежал в своей холостяцкой комнатке, любовно прибранной по такому случаю. От багровых листьев клена, украшавших письменно-обеденный стол, пахло разлукой.

— Умираешь? — спросил вошедший Василий.

— Умираю вот, — ответил Дормидонт.

Василий скучно разделся, повесил пальто на гвоздик, нервно пригладил седеющие кудри. Опростал авоську и разложил гостинцы от месткома на тумбочке.

— Нехорошо делаешь, — сказал Василий, сел и почувствовал привычную изжогу от столовского обеда.

— Сам понимаю, что нехорошо, — ответил Дормидонт.

— Ну кто ты такой, чтобы умирать? — спросил Василий.

— Никто, — ответил Дормидонт, — просто Дормидонт.

— Ты что, незаменимый, да? Выдающийся, да? Сгорел на работе?

— Нет, Вася, не сгорел, — честно признался Дормидонт.

— От тебя этого не дождешься, — сказал Василий.

— И дела не делал, и от дела не бегал, — подтвердил Дормидонт.

— Тогда на каком основании умираешь? — раздраженно спросил Василий, чувствуя невыносимую изжогу в пищеводе.

— Жизнь холостяцкая меня забодала, — ответил Дормидонт.

— Я тоже холостяк, — сказал на это Василий, — а не умираю.

— Умрешь, Вася, — успокоил его Дормидонт, — все там будем.

Василий Цховребов рассердился:

— Я не такой идиот, э!

— Такой, — кротко сказал Дормидонт. — Ничем ты не лучше меня.

— Я никогда не умру, Дормидонт, запомни это!

— Хе-хе, — ответил Дормидонт.

— Я еще поработаю в новой пятилетке!

— Да-да, — грустно сказал Дормидонт, — поработаешь в деревянном бушлате.

Василий вскочил со стула. Пищевод у Василия горел адским пламенем.

— Ты где питаешься? — тихо спросил Дормидонт.

— Где все наши холостяки. В восемнадцатой питаюсь, — морщась, ответил Василий.

— Вот видишь, — сказал Дормидонт. — а говоришь, что не умрешь. Не такие гибли, Вася!

— Но я не хочу умирать! — воскликнул Василий.

— Я тоже сперва не хотел. А приходится. Отомсти им за меня, Вася...

***

Ночью пожарные сбились с ног.

Столовая № 18 горела адским пламенем.

На перекрестке стоял закопченный Василий Цховребов и кричал ревущим красным машинам:

— Щи из квашеной капусты, шницель с вермишелью, компот из сухофруктов! Щи из квашеной капусты, шницель с вермишелью, компот из сухофруктов!

Александр ИВАНОВ

ПОДРАЖАНИЯ

Грузинская баллада

Николаю ТИХОНОВУ

Мцхета. Цхнети. Сагурамо.
Хачапури. Сацибели.
Ладжанури. Гурджаани.
Алазань. Шашлык. Грузии
Хаши. Лобио. Тбилиси.
Цинандали. Метревели.
Генацвале. Гамарджоба.
Я страны родимой сын!

Но было для счастья
мне этого мало.

Вот арию Тоски из оперы
«Тоска»
Какой-то чуваш затянул
по-эстонски.

И вечер ложился, как тень
Ганнибала,
Но было для счастья
и этого мало!

Я шел, размышляя
о шутках Нерона,
Внезапно меня укусила
ворона.

Я сел машинально под
старую грушу,
И светлая радость
наполнила душу.

Я понял, что близок
духовно с Эразмом,
Вздохнув, улыбнулся
с глубоким сарказмом,

И понял. Не сразу. Не все.
Но отчасти:
Они двуедины — страданье
и счастье.

Дороги новой заворот

Льву ОЗЕРОВУ

По страницам книги «Дороги новый поворот»

Пылала долина, алела
малина.
Была по душе мне такая
картина.

Малина алела, долина
пылала.

Владимир ПАНКОВ

ПОЧЕМУ ЗАГОРЕЛОСЬ СЕНО?

РАССКАЗ

У меня сломался телевизор, и я вдруг сразу перестал понимать окружающих меня людей.

— У вас когда-нибудь искры из глаз сыпались? — тронул меня за плечо незнакомый мужчина в автобусе.

— В каком смысле?

— Меня интересует, может ли от этих искр загореться сено?

— Какое сено?

— Как какое? Ведь в вагоне было сено, а Генрих... Может, вы думаете, что это был не Генрих? Тогда от чего же вспыхнуло сено?..

Я стал быстро протискиваться вперед. Народу в автобусе было много, и пока я добрался до выхода, шапка моя надвинулась мне на очки, а очки — на губы.

— Типичный Генрих, — засмеялся шофер, открывая дверь.

— Точно, Генрих, — сказала старушка, сидевшая у окна. — Как считаете, поймают его или не поймают?

— Догонят или не догонят, — поправил ее шофер.

— Поженятся или не поженятся, — крикнул кто-то с задней площадки.

Я прибежал на работу с небольшим опозданием.

— Зайдите ко мне, — строго сказал мне начальник, — нужно поговорить.

«Начинается, — успел подумать я, — как с утра пойдет невезуха, так весь день...»

— Скажите, как вы считаете, если человек выпил...

Я очень удивился.

— ...если человек выпил, — продолжал начальник, — то не могут ли пары спирта самовозгореться при выдыхании?

— А почему вы об этом у меня спрашиваете?

— Так вы же кончили химический...

— По-моему, не могут.

— Та-ак, — начальник тут же отбросил одну костяшку на счетах, — я тоже так думал. Значит, самовозгорание отпадает. Все упирается в одно — отчего загорелось сено? В этом ключ к загадке...

Я вышел от начальства пришибленный и встретил в коридоре Бочкина.

— Здорово, Бочкин! — крикнул я. — Скажи, пожалуйста, что за сено...

— А, и ты тоже? — весело обнял меня Бочкин. — Действительно, задачка... Но, по-моему, ключ надо искать на а сене. В сене ключа на найдешь. Вся загвоздка в Генрихе!

— В Генрихе?

— Конечно, в Генрихе. У него же на носу не очки, а две лупы, ты разве не заметил?

— Так-так. — Я стал понемногу понимать. Выходит, что вчера что-то было по телевизору, а я прозевал.

Я раскрыл газету и стал искать программу телевидения...

«20.15: «День рождения жертвы». Четвертая серия...»

Чертов телевизор! Надо же ему было так на вовремя сломаться! О чем же я буду говорить вечером с Зоей?

Ровно в восемь я стоял на «нашем» углу напротив ювелирного магазина.

В четверть девятого к ювелирному магазину подъехала запоздалая машина.

...Из машины вышли двое с железными ломиками в руках.

Я вошел в телефонную будку, чтобы позвонить Зое, и вдруг увидел, как те двое ломают ломиками замок магазина...

Мне даже не понадобилась двухкопеечная монетка. Я вызвал милицию по 02...

Милиция и Зоя прибыли одновременно. Я бросился к Зое, милиция — к магазину, потом мы вместе с Зоей — к милиции...

Двое грабителей были очень удивлены, увидев перед собой милиционеров.

— А почему вы не смотрите «День рождения жертвы»? — спросили они, оправившись от первой растерянности.

— А у нас в отделении телевизор сломался, — с ехидцей ответил лейтенант.

— Тогда, может, поедем ко мне? — предложила Зоя. — Досмотрим!

Всей компанией вместе с задержанными и милиционерами мы сели в милицейскую машину и успели-таки на четвертую серию, опоздав всего на каких-то десять минут.

Даже грабители получили удовольствие, правда, в насколько связанном виде.

По окончании милиционеры долго благодарили: меня — за бдительность и Зою — за гостеприимство.

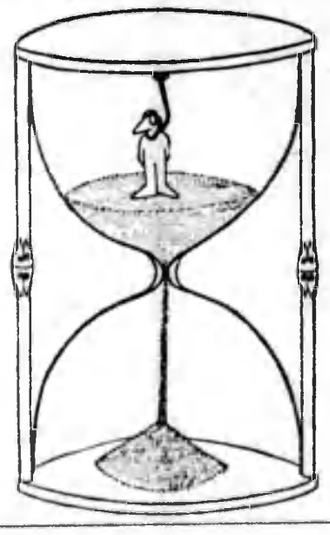
— Сломанный телевизор, — снова сказал лейтенант, — может начисто выбить человека из духовной жизни общества.

Кого он имел в виду, меня или грабителей, я так и не понял. Но это, в общем-то, и неважно. Главное, этот Генрих... Поймают его или не поймают? Догонят или не догонят?..

ЧУДАКИ

Зарубежная карикатура

— Доктор, это мой муж. Ему кажется, что он страус.



ФОТОАТЕЛЬЕ

Что бы это значило?

Фото Ю. АВАЖАНСКОГО и А. ЭПШТЕЙНА (Вяку)

AFTONBLADET

БИОГРАФИЯ ЕВГ. САЗОНОВА — НА СТРАНИЦАХ «АФТОНБЛАДЕТ» ● ЕВГ. САЗОНОВ И НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ● СТАВКА ЕВГ. САЗОНОВА ● КОНЕЦ ЭПИТАЛАМЫ ● ИЗ ЯЛТЫ В СТОКГОЛЬМ!!

Евг. САЗОНОВ — ЧЛЕН ПЕНКЛУБА

14 октября распространенная шведская газета «Афтонбладет» поместила на своих литературных страницах статью, озаглавленную «Товарищ Сазонов». Цель ее, как пишет «Афтонбладет», состоит в том, чтобы «представить Евгения Сазонова шведской читательской публике».

В статье подробно излагается творческая биография писателя, рассказывается о его работе в «Литературной газете». «Афтонбладет» сообщает далее, что «Евгений Сазонов вместе с Сальвадором Дальбергом, Уседомом Воллином и Альфредом Вестлундом* входит в состав временного правления нового межпланетного Пенклуба».

Г. ДЕЙНИЧЕНКО,
сов. корр. «Известий»
(специально для «Клуба ДС» по телефону)

СТОКГОЛЬМ

* Персонажи литературной программы шведского телевидения.

ОТ АДМИНИСТРАЦИИ «КЛУБА ДС»

Администрация «Клуба 12 стульев» благодарит редакцию газеты «Афтонбладет» за признание заслуг Евг. Сазонова перед мировой литературой.

Судя по характеру статьи, дело идет к изданию шведского перевода романа века «Бурный поток», завоевавшего огромную популярность читателей. Примечательно также и то, что статья о творчестве Евгения Сазонова появилась на страницах такой влиятельной газеты, как «Афтонбладет», в момент, когда в Шведской академии началось обсуждение кандидатур на Нобелевскую премию по литературе.

ИНТЕРВЬЮ С Евг. САЗОНОВЫМ

Получив сообщение из Швеции, администрация «Клуба ДС» немедленно связалась по телефону с автором романа века «Бурный поток» писателем Евг. Сазоновым, который, как известно, в настоящее время отдыхает в Ялте. К телефону подошел сам Евг. Сазонов.

Администрация. Дорогой Евгений, только что в редакцию пришло известие о том, что вы избраны членом правления межпланетного Пенклуба. Как вы относитесь к этому?

Сазонов. Мне эта весть очень приятна, тем более, что как раз сегодня утром я завершил вторую редакцию «Бурного потока». Надеюсь, что скоро ее увидят читатели. Без ложной скромности скажу: это потрясающие страницы!

Администрация. Не собираетесь ли вы в ближайшее время в Швецию?

Сазонов. Я готов рассмотреть положительно любое приглашение, исходящее с территории нашего северного соседа.

Администрация. Не намерены ли вы покинуть «Клуб 12 стульев» в связи с избранием в Пенклуб?

Сазонов. В настоящее время я изучаю этот вопрос.

Администрация. Мы решили перевести вас с полставки на полную ставку. Кстати, этого требовали многие читатели, приславшие в ваш адрес письма протеста против наложения на вас эпиталамы.

Сазонов. Думается, что читатели во многом правы.

Администрация. Что вы желаете будущим лауреатам Нобелевской премии?

Сазонов. Хочу пожелать им успеха в личной жизни и счастья в труде.

Администрация. До свидания в Москве, Евгений! Желаем вам успехов в личной жизни и счастья в труде.

Сазонов. Одну минуту...

Администрация. Да?..

Сазонов. Я хотел бы узнать, берут ли алименты с Нобелевской премии?..

На этом, к сожалению, разговор прервался по техническим причинам.

На фото: Евг. Сазонов на отдыхе в Ялте.

Фото Ю. СЕМЕНОВА. (Принято по телефонвязи).

почтовый ящик

бумеранг

МОСКВА. М. П.

Я сибиряк, но учусь в Москве и уже сейчас хочу написать нечто очень интересное, избежав общих ошибок и банальностей...

— *Прекрасная мысль! Начните с письма вашей матушке, избежав просьбы о денежном переводе.*

КИЕВ. Т. П-ву

Мне удалось придумать новую пословицу: «Не стой в раздумье пред пивной, а давай-на пьянству бой». Как вы думаете, скоро ли она привьется?

— *Да. Если будет прививаться хотя бы два раза в месяц: пятого и двадцатого.*

ЛЕНИНГРАД. К. Р. М.

Зачем есть на земле невинность?
Где есть невинность,
там обман,
Там может проявить
ретивость
Любой красивый хулиган.

— *Ой, вы даже не представляете, как вы правы. На днях и нас был точно такой случай!*

ВИТЕВСК. С-ву

Хорошо бы сделать в жизни что-нибудь очень большое.

— *Попробуйте сделать из маленькой-маленькой мухи большого-большого слона.*

СМОЛЕНСК. Ц. С.

Молодежь весною бесится:
Зуд в крови.
Сердце чешется, чешется,
чешется
По любви.

— *Очень понравился образ чешущегося сердца. Но в целом стихи — не по сезону.*

МОСКВА. В. Рез-ву

Что у вас там больше ценится: юмор или сатира?

— *Юмор. Нам нужны не только Гоголи и Щедрины.*

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● ОЧЕРК

Хороши девчата у нас на Кокчетавщине... Идешь, бывало, по проселку, а они попадутся тебе навстречу, посмотрят на тебя, пройдут мимо, оглянутся назад, а потом засмеются чему-то... Громко, заразительно... То же самое и в других областях республики.

● РЕКЛАМНАЯ ТУМБА «РОГОВ И КОПЫТ»

Вы еще не решили, где провести свой отпуск? Конечно же, в путешествии! Хорошо пройти пешком по берегу океана от Уалена до Архангельска. Пейзажи Подмосковья тоже неповторимы. Отправление электропоездов с Киевского и Курского вокзалов. Из Якутска туда же можно попасть самолетом.

● ДЛЯ УМЕЛЫХ РУК

Возьмите бревно длиной 4 м 40 см. Распилите его на 11 равных частей. Получившиеся деревянные цилиндры наколите топором на поленья нужной толщины. Сложите поленья в штабель, и дрова готовы. Можно обойтись с бревном и иначе: сделайте из него скульптурную группу «Лаокоон».

● ЗА БОЛЬШУЮ МЕБЕЛЬ

Под таким лозунгом прошла неделя высокого качества в цехе ширпотреба на Вышвальшинской лесопилке. Некоторые комоды уже сейчас сильно увеличились в объеме, сохранив прежнее качество. Неделя продолжается.

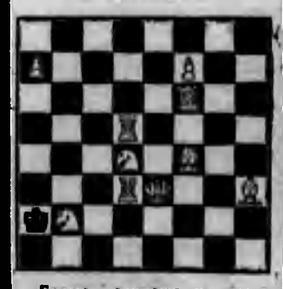
● КЛУБ КУЛЬТУРНОГО ДОСУГА

С большим подъемом взялось за культурный досуг жильцов домоуправление № 3. На скамейке, врытой в грунт на дворе № 16 по Малой Регистраторской, всегда можно полузгать семечки, обсудить поведение соседей и забить, как говорят в народе, «козла».

● ВЗРОСЛЫМ О ДЕТЯХ

Вы пытаетесь отобрать игрушечного попугая у своей трехлетней дочери. Но она еще крепче держится за игрушку и не хочет отдавать ее. Значит, девочка уже жадная. Это плоды дурного воспитания, плоды отсутствия положительного примера. Вероятно, вы и сами жадные и нехорошие люди. А яблоко от яблони...

ШАХМАТНЫЙ ЭТЮД



Белые начинают и выигрывают

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Телефоны для справок: 294-01-62, 295-00-00 доб. 63.

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Л. ЛЕОНОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, В. ПАНКИНА, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

А—00900

Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30.

ИНДЕКС 50087